

Михаил Бурлаков

Москва-21

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Б91

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бурлаков Михаил
Б91 Москва-21 / Михаил Бурлаков. — [б. м.] : Издательские
решения, 2018. — 156 с. — ISBN 978-5-4490-3844-9

Знаете, чем живет сегодня московская молодежь? Томик Достоевского? Фитнес-зал? Нет, она просиживает пары, влюбляется, ходит в клубы, гуляет по ночам и исследует то, что предлагает ей этот мир. Казалось бы, чего еще можно желать? Но это поколение тоже плачет. О чем? Почему? На эти вопросы и пытается ответить этот дневник, поэтому...

Поколению Y, родившемуся в 90-х, посеявшему в сердцах своих предков так много надежд и проигравшему эту войну задолго до своего рождения, посвящается...

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-3844-9 © Михаил Бурлаков, 2018
© Юлия Конохова, дизайн обложки, 2018

Москва 21

Поколению Y, родившемуся в 90-х, посеянному в сердцах своих предков так много надежд, и проигравшему эту войну задолго до своего рождения, посвящается...

Хотите ли вы того или нет, но стоит признать — мир изменился...

Приношу свою благодарность людям, без которых это произведение не увидело бы свет: Макс Кладиев, Мария Шарикова, Даниил Посажеников, Давид Шахбазян, Юлия Большова, Александр Лукин, Илья Новичков, Антон Вайнгерт, Александр Сафонов, Наташа Абрамова, Нана Набиева, Филипп Левченко и многие другие.

** * **

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь. (с) Библия, книга Екклесиаста

** * **

Гибель не единственный критерий того, что плохо... Еще раз... Лучше погибнуть на войне, чем всю жизнь работать смотрителем эскалатора в Московском метро, чем работать сотрудником ЧОПа и сидеть в охране. Каждый человек для себя интерпретирует по-разному, что чудовищно в работе... (с) Ю. Дудь

* * *

Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него. (с) А. Цыпкин

* * *

У всякого пути должно быть сердце. Если ваше сердце не начинает биться быстрее при мысли о том, чем вы заняты в этой жизни, задумайтесь: возможно, пришло время что-то менять. (с) А. Звягинцев

Все совпадения в данном произведении абсолютно случайны и выдуманы большой фантазией автора. Вся грязь взята с экранов телевизора, а весь пафос нагнан современной медиасферой. В действительности же реальная жизнь гораздо более ужасная и скучная.

*Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел...*

*Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она...*

(с) А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Моя история начинается где-то здесь, на окраине Москвы. Я — обыкновенный десятиклассник, в брюках, мокасах и желтом свитерке (уже слегка забив на школьный дресс-код), с рюкзаком на одно плечо иду по проезжей части бульвара где-то на окраине Москвы. Моя девушка Саша семенит рядышком по тротуару. На ней юбка, блузка, балетки и небольшой румянец от смущения, который вызван вполне нормальной для девушки в этом возрасте неуверенностью в себе. Она сразу даёт мне понять, что есть вопросы, на которые нет правильного ответа.

— Слушай, а ты испытываешь что-нибудь... ну... ко мне? — спрашивает. Почти сразу поняв, что этот вопрос — чересчур, наряду с вопросом «а ты меня любишь?», она смущенно добавляет: — Ой... ну, в смысле, я тебе нравлюсь?

— Саш, ну естественно. У меня ведь никого не было до тебя, и я тебя очень ценю, — вполне искренне, с юношеской трепетностью, отвечаю ей я.

Отойдя от школы на добрую сотню метров и спрятавшись за углом панельного дома от любопытных глаз, мы снова принимаемся сосаться, как это принято у старшеклассников. Мы периодически промышляем этим на переменах в туалетах, где-то под школьными лестницами и в самых разных укромных уголках. А что еще делать в школе? Учиться? Ну, первые пару уроков, первые пару лет — возможно, а потом наступает тупняк, голод, скука, да еще и гормоны подкидывают дровишек. Саша вообще такая девушка необычная — особенно для меня, особенно сейчас. Дело в том, что это мой первый серьезный опыт контакта с девушкой, естественно, с обменом любезностями и другими физиологическими жидкостями. Саша моя одноклассница и первый раз мы поцеловались у меня дома, когда мой школьный друг Леха, который тогда встречался с какой-то ее подругой, позвал Сашку ко мне. Достав со шкафа гитару и положив ее на колени, я постепенно заменил ее лакированный корпус намного более мягкой и приятной попкой Саши, а губы вместо нудных лиричных мотивов понемногу перешли на волнительные причмокивания. Это ведь всегда так происходит, знаете? Если есть губы — то их обязательно когда-нибудь поцелуют, а если ты все детство учился касаться струн, то в юности обязательно будешь учиться прикасаться к чьей-то заднице.

Образ Саши: обыкновенная молоденькая девчонка, крайне доверчивая, очень милая, миниатюрная, вожделенная до сказочных образов, вырванных со страниц литературной классики, активно игнорируемой нами на уроках литературы. Она ищет пленительной любви, шемящей сердце, принца на белом коне и всего в таком духе. Наверняка она ещё поигрывает в свой кукольный

домик, когда никто её не видит. Саша именно такая, какой и должна быть девочка в 16 лет, в поисках которой и заинтересованы современные кутилы за тридцать, имея в своём арсенале посаженную печень, друзей, но не дерево. Одним словом, Сашка — это абсолютная чистота, невинность и целомудренность.

Солнце ярко светит сквозь плотный слой облаков, оно уже склоняется в сторону запада. Мы же, не торопясь, в обнимочку, с толикой неуверенности в манерах, медленно вышагиваем на пару от школы до ее подъезда: я в который раз провожаю ее домой.

Мы дискутируем о всякой молодецкой фигне: кто как написал крайнюю контрольную по английскому, кто с кем встречается из знакомых, у кого какие планы на ближайшие дни, есть ли будущее у отношений Димы и Ани и прочей скучной дребедени. Вернее, вопросы в основном задает Саша, а я лишь их плавно развиваю или же сливаю, потому что думаю совершенно о другом. Ну, реально! Как будто имеет значение, что будет с Димой и Аней в итоге? Скорее всего, по причине первостепенности ряда факторов, Дима захочет совершить акт взаимного удовлетворения с Аней, если конечно он этого еще не сделал. Потом он скорее всего поймёт, что, чёрт возьми, а ведь он может сделать это и с другими девочками. Ведь он хорош, даже слишком хорош. А допущение этой мысли уже подразумевает, что просуществует их пара не дольше первой ссоры. В дальнейшем это положит начало долгому путешествию Димы в мир женщин, в котором ему обязательно будут потрахивать мозг где-нибудь ночью в Медведково, он обязательно огребёт пиздюлей и вполне возможно даже познакомится с частным венерологом. Впрочем, Саша об этом не знает, и я не собираюсь ей об этом рассказывать. Об этом не знаю даже я, хотя уже начинаю догадываться. В юношестве вообще все очень просто — ты живешь себе и веришь, что

друзья будут преданными, любовь чистой, а родители всегда молодыми. А в итоге оказывается, что всё несколько иначе, и ты начинаешь жить головой.

Прерывая мои размышления, Саша продолжает снижать степень актуальности вопросов:

— Слушай, это конечно странный вопрос, но мне интересно, а какое твое любимое женское имя?

Дааа... Вот я всегда почему-то знал, что все девушки одинаково хитрожопые. Любая фраза, которую они бросают — это свинцовая пуля, выпущенная снайпером по заранее выверенной траектории. Даже если стрелок этот аленький цветочек шестнадцати лет, выросший в тепличных условиях. А ты никак от этой пули не убежишь, не увернешься, все равно, что бороться с ветряными мельницами. Вопрос задан исключительно так, чтобы ответом можно было либо потешить ее самолюбие, либо явно его защемить, сыграв при этом против своих же интересов. Третьего не дано. В результате приходится выдумывать что-нибудь сразу, либо говорить правду, жалеть, и додумывать потом. И ведь все они как с одного конвейера. Видимо это и называется женской хитростью, при абсолютном отсутствии умысла делать нечто двусмысленным.

— Саша, безусловно, — роняю я, неумело сдерживая улыбку. Я вижу, как она смотрит на меня и тут у меня в штанах начинает мягко вибрировать телефон. Я отворачиваюсь в сторону и поднимаю трубку.

— Да, алло.

— Здорово, братан. Ну что?! — слышу я игривый Лехин голос, слегка дрожащий от безудержного предвкушения тех нехитрых дел, которыми мы собираемся с ним сегодня заняться. Продолжает он уже в более тихой манере: — Слушай, ну у меня тут сейчас с собой имеется. Сможешь сегодня?

Одной рукой придерживая Сашу за талию, другой дер-

жа телефон, я старательно, пальцем пытаюсь убавить громкость его динамика — как-то слишком он орет. А Сашка ведь рядом, и она ни о чем и не догадывается. В такой ситуации я привык оправдывать себя перед другими ложью во благо. Нужды оправдывать себя перед собой пока не возникало.

— Слушай, ну давай через пятнадцать минут у падика. Я отдам тебе учебник, — не без улыбки кидаю я.

— Какой учебник? — не сразу соображает Леха, — Ааа... Ну, да, давай, отдашь, забились.

Я вешаю трубку, засовываю смартфон обратно в карман и понимаю по Шашиному лицу, что она все также беззаботна и счастлива. Мы как раз подходим к ее подъезду, и она встает на две ступеньки выше, чтобы мы смогли поцеловаться.

— Это Леша? — интересуется она, обхватив мою шею руками и притягивая к себе.

— Да, я забыл отдать ему учебник по английскому, — подчиняясь ее воле я, уже погрязнув в ее губах, договариваю: — Вот, сейчас пересечемся, отдам.

Мы еще какое-то неизмеримо долгое время награждаем друг друга взаимной лаской, держа в объятиях, перешептываемся, вспоминая всё самое смешное, что случилось сегодня. Всё как в лучших западных мелодрамах, не хватает только музыки на фоне. Затем очень мило прощаемся, а отходя друг от друга, отправляем воздушные поцелуйчики, неизменно улыбаясь. Саша пропадает за дверью и я, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с настроением сродни солнечной погоде, припускаю стремительным шагом до облюбованного нами подъезда голубого дома, дабы предаться диковинным обрядам травокурения.

* * *

Я стремительно шагаю вдоль парка, собираясь заняться делом, за которое при определенных обстоятельствах можно уехать на срок до трех лет в места не столь отдаленные. Но я не думаю об этом. Я лишь слышал, что есть такая статья «228», столь активно используемая в лирике современных деятелей культуры. Информацию же о том, что кто-то по этой статье уезжал далеко и надолго, мы с другом решили предоставить собственному эмпирическому познанию. В старшей школе мой близкий товарищ, имея несколько тесное знакомство с одним из достаточно крупных московских барыг, начал временами доставать полки твердого или мягкого темного, гидру или обычную шмаль, собственно тем самым и дав начало нашей долгой и крепкой дружбе.

Я наблюдаю за тем, как молодёжи на улице становится меньше. Виной тому двадцать первый век, для которого осталась уже давно в прошлом крайняя информационная революция. Моя обитель, как и любой другой спальный район крупного мегаполиса, представляет собой довольно тихий оазис частной семейной жизни. За последние десятилетия в эти бетонные джунгли перебралась чуть ли не половина населения регионов. После, однажды утром уехав до самой пенсии покорять непокорную Москву, они оставили своих детей проходить бесконечные социальные институты: детские сады, школы, колледжи, университеты. Мы дети девяностых. Поняв к концу нулевых тот факт, что знания можно получать не только в школе, и не столько в школе, мы начали промышлять стандартными историями этого возраста и уж определенно этого времени. Мы прогуливали уроки, начинали тесно общаться со всеми, до кого только могла дотянуться наша любознательность, пробовали во дворах и на лестничных клетках разные вещи, которые предлагал нам этот мир, в частности — наше общество. А предлагал он нам тогда немного. Черные гриндерсы с бомберами, фанатские

шарфы, ирокезы с косухами, все эти контркультурные атрибуты в нашем мире были уже давно сняты с себя, или же перешли в нечто пассивное. Нашему же поколению остались куски, коробки, косяки, бутылки с дырками, папиросы, кеды Converse и кофты Lacoste, а также другие прелести сытого урбана. И это было только начало. А как же все-таки неудержимо в познании наше сознание, когда дорвется...

Именно к этому поколению москвичей мы и относимся с моим другом. Он, по правде говоря, отпетый футболиста, а я в последнее время как-то больше по классическому боксу. Уж нравится мне больно, когда больно.

Я перебегаю проезжую часть двухполоски, проскакиваю сквозь арку четырнадцатизэтажного голубого дома и подхожу к подъезду, у которого уже ждет меня Леха, набравший по домофону очередные по порядку цифры:

— Салют, братка, — мы пожимаем друг другу руки и приобнимаемся. Тут он добавляет уже в домофон: — Откройте, пожалуйста, это почта.

Тяжелая входная дверь начинает пищать, слышится, как у кого-то на ушах вновь повисает лапша, и нас засасывает в уже ставший родным проём. побыстрее взмыв на шестой этаж по лестнице, мы садимся на уже истертые нами до блеска ступеньки между этажами и начинаем приготовления.

Леха достает из бумажника маленький сверточек фольги, величиной меньше колпачка от ручки. Распелевав его, он вдыхает аромат содержимого и протягивает мне:

— Ааа, хороший, твердый. Маркус на днях подогнал. У меня тут чуть меньше грамма.

— Ништяк, — отвечаю я и утыкаюсь носом в этот шмоточек абсолютного зла современной подъездной России, стимулируя рецепторы этим привычным запахом еще не сожженной резины. — Слушай, а почему мы у тебя

не дуем на лестничной?

Довольное лицо Лехи приобретает задумчивые черты:

— А там надо наверх идти, не будем же мы прям у моей квартиры, — улыбается он. — Плюс наверху нарики живут. Помнишь, когда мы на крышу поднимались, там на последних этажах сплошные шприцы и осколки валялись. Ребята на гере сидят плотно.

— Логично.

Я ловким движением достаю зажигалку и начинаю дырять бутылку Aqua Minerale у основания. Завершив процесс, я оставляю ее на полу и в который раз сажусь на корточки между пролетами у ступенек. В любом деле распределение ролей является наиважнейшим фактором, определяющим успех. В нашем же случае успех был предопределён: Леха варил, а я крапалил.

Уважаемые читатели, здесь изначально должен был быть фрагмент текста, детально описывающий всю технологию процесса, о котором идет речь. Но поскольку публицистика вещь социально ответственная, то спешу сообщить, что данное произведение никого не призывает заниматься подобными вещами, а наоборот предостерегает от этого, и советует лучше читать книжки об этом. К тому же, наверняка, вы и сами все прекрасно знаете

— Так, готово. Давай, начинай, — полушепотом произношу я.

— Угу, — буркает Леха, затягивается, стряхивает пепел и одним касанием сигареты цепляет плод моего труда, затем дотягивается до бутылки и начинает варить. Продолжая делать свои несложные механические действия, я решаю вывернуть слегка свой внутренний мир наизнанку:

— Слушай, я тут с Катей попал в засаду. Она ведь сейчас с Матвеем, но я так прусь с нее, нереально. Они еще меня всегда гулять с собой зовут. И в школе она мне помогает. Говоря в общем — пиздец и ахуй, не знаю, что

с этим делать.

— Хм... — протягивает Леха, выдув первый дым. — То есть ты в неё втюрился? В девушку друга?

И тут пелена спадает, нейронная цепь замкнулась. В жизни часто так случается, что пока кто-то не обратит твое внимание на обстоятельства под прямым углом, твое сознание, то ли случайно тупит, то ли нарочно не хочет даже и близко ничего слышать. Ты будешь с упорством идиота голословно доказывать свою веру в любовь, и лишь докажешь себе обратное. И в результате приходишь к тому, что нервы не восстанавливаются, восстанавливаются только органы дыхательной системы.

— Чёрт возьми, в какую жопу я попал. Я ведь при этом еще начал встречаться с Сашей и теперь даже не могу вкурить, как поступить правильно и чтоб при этом никто не пострадал. Че думаешь по этому поводу, братка?

И я действительно подзаморачиваюсь на этот счет. К нам в этом году перевелась девочка Катя, которая до этого всю жизнь жила и училась где-то в каких-то Хельсинках, а теперь в мгновения ока мы с ней оказываемся в одном классе и я кладу две вещи: глаз на неё и болт на учёбу. Без понятия, чем научно объяснено мое влечение к ней: тем, что по утрам мой младший товарищ любит подниматься раньше меня, или тем, что все мы хотим в этом возрасте самоутверждения, признания и статусности. Однако меня успел обогнать на вираже Матвей, который сразу же предложил ей встречаться. Поэтому, не перестав проявлять к ней знаки внимания и общаясь с Матвеем, я каким-то чудом свалился в этот гадкий омут чувств, изначально носивших созидательный характер. В это же время я начал очень близко общаться с Сашей, лучшей подругой девушки этого самого Лехи, с которым мы в данный момент ютились между пролетами на лестничной площадке крайнего подъезда дома где-то на юго-востоке Москвы. В результате получилось, что я влюбил-

ся в девушку одного друга, начал встречаться с подружкой девушки другого друга... И меня как-то все это подзагнало. Все получалось примерно, как в той песне Noize MC:

«Друг подруги телки брата все подруге перескажет,
Та расскажет телке брата, ну, а брат пиздеть не станет»

Лёша заваривает следующую, легкой рукой протягивает мне бутылку и отвечает:

— Слушай, братан, ну решать тебе в результате, сам понимаешь. Я могу сказать только свое мнение. Забей и расслабься. Вот посмотри на меня, мне все вообще похеру. А по поводу этой Кати — мне она сразу не понравилась почему-то. Какая-то она хитровыдуманная, так что ты будь поаккуратнее.

Поаккуратнее... Я, может, и был бы поаккуратнее, если бы в этот же момент не откручивал крышку бутылки и не проглатывал в себя 0,5 густого едкого дыма. Но выбор сделан, а дыхание задержано секунд на семь.

Как только я заканчиваю процедуру, мне сразу становится как-то проще.

— А знаешь что, погнали сегодня в кино!

Через несколько минут каннабинол начинает оказывать влияние на центральную нервную систему и меня слегка поднакрывает. Седатив начинает работать. Кровь разносит по организму психоактивное вещество, потребленное в обильном количестве, и все сразу становится так неважно. Неважно кто с кем встречается, кто в кого влюблен, кто чего хочет и все остальное. Остается лишь пустая лестничная клетка с маленьким приоткрытым окном-форточкой, сквозь которое струится весна, манящая нас покинуть помещение и отправиться навстречу неизбежному. Стоит один раз попробовать крепкий галлюциногенный, как приоритеты в жизни сразу меняются. Мы скуриваем еще немного и продолжаем вести беседу.

Хотя я и слышал про то, что у стен есть уши, однако я никак не ожидаю того, что происходит дальше. Метрах

в пяти от нас распахивается дверь, выводящая к лестнице из холла с лифтами, и на пороге показывается мужик лет сорока в трениках, тапках, майке-алкоголичке, такой характерный типаж, очевидно решивший так не вовремя для нас выйти покурить. Видя нас, он останавливается как вкопанный, явно не ожидая нас здесь увидеть, потом начинает смотреть то на нас, то на бутылку в руках у Лехи, то снова на нас. Далее он начинает вещать, издавая шумы и помехи, как старое сломанное радио, потихоньку переходя от спокойного и удивленного голоса, до орущего в полную силу баса:

— Вы че... совсем охерели торчки долбанные?! Наркоманы мать вашу! Вам что тут наркопритон?!

Мы с Лехой, даже не переглянувшись, интуитивно решаем спастись одинаково. Я хватаю оставшийся кусочек квинтэссенции зла текущего момента, он бросает бутылку, и мы со всех ног бросаемся бежать вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки и громяхая металлическими перилами. Слышно, как мужик бежит за нами, изрыгая трехэтажным матом всевозможные проклятия, но в скорости он нам явно проигрывает, потому что нет быстрее человека, чем школьник, которого спалили за чем-то противозаконным. Выбивая ногой входную дверь, мы убегает на несколько сот метров от подъезда и прячемся за другим домом.

— Бля, это пипец! — с легкой отдышкой выдыхаю я. — Как?!

— И не говори, откуда он выполз вообще, тихо все ж было.

— Че он вообще наехал на нас? Ахах, — меня вдруг прорывает на безудержный смех откуда-то изнутри, и я, поддавшись, заливаюсь им.

Глядя на меня Леха тоже не может сдержаться, и мы оба начинаем катиться со смеху, прижимаясь спинами к бетонной стене дома. Мы угораем и гогочем во весь

голос, согнувшись в три погибели. Слезы заливают мне глаза, но я все равно не могу остановиться, настолько это весело.

Над головой ни облачка, люди вокруг куда-то исчезли, и такое ощущение, словно время остановилось, настолько жизнь кажется прекрасной. И я, очевидно, в один из немногих раз в своей жизни, ловлю себя на чувстве полнейшего бескомпромиссного счастья. Такого счастья, которое пронизывает тебя всего такой приятной доброй теплотой, и ты чувствуешь каждым наносантиметром своего тела, что все обязательно будет хорошо, ведь иначе и быть не может. Именно здесь и сейчас, находясь под палящим, слегка соблазненным закатом солнцем, где-то на окраине столицы со своим школьным товарищем, держа за сводящий судорогой живот, я ощущаю это великое чувство.

Учитывая тот факт, что нас неплохо так надуло, мы смеемся очень долго. Затем, когда у нас уже получается более менее шевелить языком, Леха выпрямляется, лицо его делается несколько серьезным, и он произносит:

— Братка, давай пообещаем друг другу, когда бы и что бы в нашей жизни не случилось, как бы мы в будущем не поругались с тобой, мы всегда найдем в себе силы простить друг друга, позвонить, поговорить, и в итоге остаться друзьями... лучшими друзьями.

Видно, что его только что резануло то же самое чувство, что и меня.

— Ты конечно как скажешь чего-нибудь, братэлло, — говорю я заплетающимся языком, улыбаясь и пытаюсь осознать всю беспрекословную ценность момента. Повременив немного, я отвечаю: — Ну, конечно же, я всеми руками за. Впервые за все время нашего знакомства ты предложил что-то невредное для здоровья.

И мы, заржав в голос, приобнимаемся.

Fuckulty

То, что делается с вами здесь, делается навечно.

(с) Дж. Оруэлл. «1984»

Я разлепляю глаза. Похоже, это был всего лишь сон. Я сижу, уткнувшись лицом в скрещенные на задней парте руки. Наш курс сейчас на лекции по «Управлению чем-то там» в поточной аудитории типа амфитеатра. Меня будит, толкая в бок, Ванек, мой однокурсник.

Сперва я поворачиваю к нему свою заспанную и недовольную физиономию, но затем чувствую, что стало как-то поразительно тихо.

— Молодой человек! — раскатистым высоким голосом доносит женщина снизу: очевидно, наша лекторша.

Я поворачиваюсь к ней и указываю на себя пальцем, всем видом демонстрируя вопросительную интонацию.

— Да-да, именно Вы. Доброе утро. Спешу Вам сообщить, что у вас сейчас проверочная работа по пройденной лекции.

Я слышу недовольные стоны, вздохи и демонстративные ерзанья за партами, хотя знаю, что большинству совершенно фиолетово на то, что сейчас будет, и будет ли вообще, потому как 90% нашего потока даже не посещало бы эту пару, не любя этот лектор давать неожиданные контрольные, результат которых должен влиять на итог семестра. Наш препод, а вернее преподаша — молодая девушка лет тридцати, явно страдающая комплексом неполноценности от отсутствия половой жизни,

и потому считающая нас обязанными хоть как-то восполнить эту недостачу. Вся поточка начинает галдеть, и мой оправдывающийся тон заглушается звуком выключающихся айфонов и обтирающих сиденья задниц.

Я тут же запускаю механизм поиска вариантов списывания, опрашивая сидящих вблизи, какую тему мы сейчас проходим. И пытаюсь по глазам понять, кто в ней хотя бы немного шарит и готов на безвозмездный бартер.

Пока я этим занимаюсь, мой товарищ Ванек, видя, что я пришел в себя, неумоимо начинает повествование о своём романтическом опыте с девушкой. Ситуация следующая: он уже около года живет с девушкой, и уже около года, как стал чаще прибухивать и выплескивать эти нравоучительные сентенции мне на редких парах. А поскольку я не большой фанат историй чьих-либо отношений, то я в этом время активно практикую пропускание чего-то мимо ушей. Тем не менее, сейчас я вполне себе с пониманием и даже сочувствием слушаю его краем уха. Он как-то на похуй сообщает мне о новых приключениях, которые он претерпел на днях, а именно — обыкновенная бытовая трагедия про то, как его Даша любит иногда копаться в его телефоне без его ведома:

— ...вот, представляешь, я беру телефон и вижу, что сообщения открывались. А я-то помню, что всегда закрываю все вкладки. И в этот момент я вновь вспоминаю, как же меня бесит, когда эта ревность переступает черту. Короче, не знаю, что с ней делать, пока вот бойкотирую.

Я отвлекаюсь от своих неудачных попыток нарыть нам какой-нибудь быстрый вариант списывания:

— Ванек, сколько ты мне уже про эту тему лечишь, я все одно не пойму, на кой ты с ней вообще до сих пор встречаешься?

— Потому что, братан, во всём есть свой изъян. Ты либо как я живешь с одной офигительной девочкой, которая дает тебе все что нужно, и у вас охуенный секс,

и в плане мозга тоже, либо как ты живешь в съемной квартире холостяцкой жизнью и плачешься по утрам в выходные о том, какой ты ненужный и одинокий. И так и так стабильность есть, но я думаю, что твоя стабильность — это стабильная шляпа.

— Окей, а почему ты просто не поговоришь с ней вместо меня? Я ведь не умею ни ванговать, ни заговаривать. А так бы побеседовали, пришли к консенсусу.

Тут Ваня бросает на меня взгляд, словно я спорил какую-то чушь:

— Братан, ты о чем вообще? Я столько копий сломал, без толку. Я уже давно пытаюсь понять как устроен мозг женщины, и всё больше убеждаюсь, что это невозможно.

Тут лекторша объявляет, что она не пошутила, и у нас действительно будет десятиминутная проверочная — спасибо, естественно, мне. Она делит нас на варианты, исходя из своих личных детских травм, и называет по три вопроса каждому варианту. На вопросы нужно отвечать открыто. Но как я частенько убеждался, правильность ответа не гарантирует успешность исхода, особенно в моем случае, поскольку лекции этого предмета я либо прогуливаю, либо использую их как площадку для физического восстановления.

В этот раз нам с Ваньком серьезно фартит, потому что ниже нас в аудитории сидит отличник, весельчак и рубаха-парень Николай (явный школьный медалист). Коля всегда в очках, свеженьком, но колхозном свитшоте, как сейчас стало модным говорить, потертых то ли от времени, то ли от отсутствия ухода джинсах и с нестираемой улыбкой на лице. Коля почти всегда помогает по учебе, если его вежливо попросить. Именно поэтому всегда есть причина относиться к нему хорошо. Наверное, именно его безотказность и понимание во всем делают его отличником, покладистым человеком и приятным собеседником. С ним очень сложно поссориться, практически

невозможно, но, наверное, поэтому и не хочется.

В результате мы с Ваней, переформулировав, скатываем у него все, что можем расшифровать из его кривого почерка, на что-то отвечаем сами, расплывчато и по-философски. После спускаемся к кафедре и сдаем свои работы в числе первых. Лекторша с недоверчивым презрением быстрым взглядом проглядывает их и молча кладет к другим.

Мы шустро покидаем аудиторию и спускаемся на улицу. Вынимаем из широких штанин красный Мальборо, закуриваем и начинаем обсуждать, кто что написал, какая лекторша все-таки озлобленная бабища, и как нам не хочется на следующую пару, ведь погода такая отличная.

Сейчас у всех закончилась первая пара, и поэтому уйма народу компаниями высыпалась из главного входа потабачить. Все обсуждают примерно то же самое, что и мы с моим другом, слегка меняя трактовки и подбирая фразочки, похожие по смысловой нагрузке на «Блин, нам еще целых три пары» и «Пошли, может в Шоколаднице посидим». И все эти немногочисленные реплики звучат на фоне томно курящих девушек в тренде, обутых в высокие ботильоны и с сумками от Michael Kors, и пареньков в Airmax'ах и футболках с глубокими вырезами и закатанными рукавами. Хотя на самом деле у нас на факультете не так много мажоров, пытающихся казаться обычными студентами, но зато хватает обычных студентов, пытающихся казаться мажорами.

Ах да, забыл представить самого себя. На текущий момент я студент одного из ведущих и самых престижных московских Вузов. Я живу в съемной квартире, за которую плачу своими подработками, но в основном материально мне, конечно же, помогают родители. В свободное время я похаживаю в зальчик, посещаю клубы, театры, вечеринки, общаюсь с друзьями и пытаюсь, как гово-

риться «не париться», что у меня достаточно неплохо получается. К сожалению размен второго десятка в г. Москва не оставляет мне шанса не пересмотреть свои взгляды на детские мечты, которым присущи повальное общественное счастье и скорый успех, и которые все же не покидают меня и теперь. В общем, я довольно-таки среднестатистический мегаполисный молодой человек. Меня обеспечивают родители, у меня нет абсолютно никакой мечты, в свободное время я залипаю на ютубчике (новый признак этноса — подписка на ютуб), у меня перманентный недотрах, и меня больше ничего не ебёт.

Я учусь на отделении «Менеджмент», которое стало бешено популярным за последнее десятилетие. Некий анклав избранности, ну или клоака популярности, кому как больше по душе. Каждое высшее учебное заведение, которое переименовалось теперь в «университет» или «высшую школу», заимело с недавних пор такое направление обучения. Теперь вся городская молодёжь, совершенно не зная, чего она хочет и, не желая учиться, либо же имея богатых пап и мам, считающих, что их детям нужна «корочка», устремились в это русло, стараясь занять чем-то свое время, чтобы показаться значимым. А именно процессом, которое называется «обучение» или же «получение высшего образования».

Я веду к тому, что образовательный процесс у нас в стране это карнавал абсолютного чистого лицемерия и ханжества. Этот состав наемных низкооплачиваемых работников, они наверняка получили весьма сомнительным образом бумажки об их ученой степени, которые дают им официальное право претендовать на статус компетентного знающего специалиста своей области. Они пытаются организовать учебный процесс по их предмету таким образом, чтобы донести молодняку нового поколения, что именно их предмет самый важный, и что именно они дадут нам то, без чего, по их мнению, не сможет

обойтись любой современный бургер. Эти самоуверенные преподаватели, куда уж им. Как будто они познали что-то такое, что их ставит во главу угла. Пытаются научить нас, «будущую элиту нашей страны», как они сами нас называют. Хотя по факту просто заставить массы нашего поколения посещать их занятия, а не теряться по подъездам с сомнительными компаниями приспешников или же разбрасывать молодость за монитором. Мы не знаем, чего мы хотим и кем хотим стать. Мы поколение, которое не умеет и не хочет работать. С детства нам говорили, что нужно состояться в жизни и для этого нужно высшее образование — и вот мы прокрастинируем и думаем о том, как бы нам состояться, причем уже даже не сегодня вечером, а здесь и сейчас в соцсеточке. К тому же, как можно искусственно заставить нашу прогрессивную молодежь обойти стороной естественные научные эксперименты, предлагаемые им урбаном в здешних укромных местах? К сожалению, такой бесполезной, отчасти, видится мне наша система образования 21-го века. Это чистый инструмент капитализма, развивающийся, как говорят, по западному образцу.

Вот и сейчас, не изменяя своим взглядам, я с Ванькой докуриваю сигарету. Настроение под стать погоде, как бабье лето, Москва еще не теряет своих летних красок и пахнет пылью дворов и теплом раскаленного под палящим солнцем асфальта. И под этим куполом жизнь кажется невероятно счастливой и полной бесконечного вселенского благоденствия.

Через какие-то мгновения в холле первого этажа я встречаю ее. Она в окружении подружек, чьи заигрывающие манеры нагоняют неутолимое сексуальное влечение. Эту прелесть зовут Вика, и я наглухо врубился в неё, мча по этой эстакаде жизни. Это, конечно, херово, я и сам это знаю. Но что бы ты в своей жизни ни делал, совсем избежать этих классических камней преткновения, увы,

никогда не получается. Именно поэтому я стою как-то невнятно, придурковато застыв в эстетическом экстазе, и по-идиотски улыбаюсь ей, идущей мне навстречу. А она вся такая внезапная, с белоснежной улыбкой на контрасте с сильным манящим загаром, словно ее вырвали откуда-то с жарких тихоокеанских берегов в одном бикини, одели во что-то городское и пустили сюда продефилировать. Совершенство во плоти! Мне даже чудится, что по моему подбородку течет слюна и капает на пол. Я как-то теряюсь и онемеваю. И во всем этом великолепии и полуденном студенческом сумбуре есть какая-то прелесть, и каждый момент ощущается на вес золота.

Наше общение набирает обороты в течение последних двух недель с начала учебного года. Особенно после того, как я ее увидел на самой первой лекции, когда мои глаза были прикованы только к ней. После всей этой скукоты первых дней обучения мы с ней каким-то образом словились, начали общаться и потом оказались в Starbucks (гигантской корпорации, замаскированной под домашнего питомца с этими навязанными всем зелеными передниками и беспонтовым кокосовым сиропом). Ситуация развивалась стремительно. Видимо я в ней тоже пробудил нечто, мы взяли по кофе и сидели за столиком долго-долго и о чем-то беспечно общались, стараясь найти те ниточки, за которые все так или иначе цепляются, когда не могут противостоять своей природе. Я сидел, положив голову на ладонь, замороженный, и молча, с упоением, слушал, как она по-женски эмоционально, делая акценты, со скачущей из-за этого интонацией, перескакивая с темы на тему рассказывала мне о своем лете, о море, о прошлом, о планах, о семье, обо всем, что можно всегда называть в этой жизни главным. Всегда называть — никогда не ошибёшься.

Так началась вся эта недолгая, но насыщенная событиями история, мы пересекались в вузе, переписывались

по ночам, гуляли, созванивались, делая друг другу комплименты, даря улыбки где бы то ни было.

И вот сейчас она идет ко мне навстречу и произносит, словно окатывая меня с ног до головы чем-то солнечным:

— Приветик, ты как?

Она быстро подходит и мы, здороваясь, целуемся в щечку.

— Лучше не бывает, — вставляю я в образовавшуюся пустоту первое, что приходит мне в голову.

Меня так и тянет к ней, но мы еще пока не вместе, и потому бросаться на нее на виду у всех некультурно, тем более, можно спалить свои чувства, которые тебе еще обязательно потом припомнят. Мы все всегда говорим про гуманность, толерантность, заботу о других, прикрывая все человеческим фактором. Потом же, когда жизнь затрагивает голый нерв, в нас вселяется эгоизм и лицемерие, которые почище самой прожжённой привокзальной шлюхи, насильно используют нас и уходят.

Вокруг нас изнуренные чередой пар студенты постепенно заполняют собой пространство, тем самым лишая воздух кислорода, а нас интимности момента. Я стою, общаюсь с Викой о всякой беллетристической чепухе и ощущаю себя немного задыхающимся от этой большой залы первого этажа, забитой бесконечным морем тел.

— Вик, а давай сбежим отсюда, — говорю я, прервав ее размышления вслух.

Вика обрывается на слове, но делает это так изящно, словно так и должно было случиться. Она плавно размыкает губы, чтобы ответить мне, но из ее уст ничего не вырывается, она просто смотрит мне прямо в душу своими глубокими, как океан, глазами, преисполненными смысла. Тут же уголки ее глаз морщатся, а уголки рта разъезжаются в разные стороны:

— Давай.

* * *

Через какое-то время, совершенно не замеченное рядом друг с другом, мы валяемся на металлических балках Пушкинского моста в парке Горького, на самом высоком месте. Солнце в зените, я в джинсовых шортах, а Вика в краске от того, что я завалил ее комплиментами, на которые она не смогла отреагировать иначе. На небе, зараза, когда не надо — ни облачка. Нас уже чересчур пригрело это сентябрьское солнце, и мы слегка взмокли, находясь на этой высоте, и мы продолжаем обсуждать всякую всячину в безмятежной суеде вокруг, которая нас совсем не задевает.

Девушки всегда становятся такими, даже если на них просто смотреть. Рано или поздно они становятся обязательно маняще привлекательными, крайне теплыми, и в конечном итоге влажными, а при этом все еще и до жути говорливыми, и неважно где это имеет место — дома в постели или здесь, на высоте нескольких десятков метров.

Я рассказываю Виктории о своих смелых планах на будущее: о том, как я открою ресторан в центре Москвы, куплю домик в Подмосковье и стану очень крутым писателем. А до этого я завоюю все золото мира в испытаниях, которые мне уготовила судьба. Вика же в свою очередь, рассказывает мне про свои амбиции, про то, как она хочет пойти работать ивент-менеджером в какую-нибудь крупную компанию, ну или же просто заниматься планированием, организацией и проведением разнообразных проектов, и что ей это очень интересно. Еще она говорит, что точно не собирается заводить в ближайшем будущем детей, хочет стать бизнес-леди, заниматься исключительно своей карьерой, и выйти замуж годам к тридцати, потому как не хочет зависеть от кого-то. Она рассказывает о своей семье и о той семье, которую она хочет создать

в будущем. О чем бы она ни говорила, она подробно описывает все детали того, о чем говорит. Картинка в голове создается сама собой. А я лежу и удивляюсь, насколько точно она знает, чего хочет и насколько она целеустремлена. Я удивляюсь тому, как молодая девушка так сильно хочет чего-то добиться в этой жизни в этом городе, где у нее уже практически все есть.

Я оглядываюсь по сторонам. Мы словно на крыше этого мира. Под нами проходят парочки, по обе стороны от нас раскинулась полноводная река. С одной стороны за Крымским мостом блестит купол храма, с другой — река заворачивает за угол, неся свои воды к главному зданию Университета.

В следующий раз я уже ловлю свое сознание на моменте, когда мы спускаемся по эскалатору с моста и телепаем до ее слегка подбитой Тойота, которую отдал ей ее папа. Мы запрыгиваем в машину и долетаем до её Новых Черемушек, останавливаемся где-то, чтоб никому не мешать, и общаемся сидя в машине:

— Так ты из этих краёв? — говорю я, как только мы останавливаемся. Я впервые за свою жизнь здесь, и мне здесь уже нравится, хотя, понятное дело, с ней бы хоть на край света сейчас. Живи она где-нибудь в Бердишево, я был бы один хрен счастлив быть там с ней рядом.

— Ну так, да. Тебе здесь нравится? Мы давно уже живем здесь, всё очень удобно. Вон в ту сторону наш университет, вон там Илонка живет..

Тут бренчит ее айфон раскрученной по радио песенкой одной из ста пятисот зарубежных поп див, и она поднимает трубку. Ей, очевидно, звонит мама, и ее нежный голос, который слегка груб для классического женского, хотя от этого не перестает отдаваться в моей голове приятной мелодией, мягко доносит информацию, что она уже недалеко от дома и скоро будет. Попрошавшись, она вешает трубку и продолжает:

— Слушай, меня мама попросила поскорей домой.

— Да, сейчас скоро пойду уже...

Я сижу на соседнем пассажирском кресле и смотрю на нее, ее очертания меня завораживают: осеннее бежевое пальтишко, джинсы, руки, недавно поставившие машину на ручник, а теперь просто лежащие на коленях, хотя, пожалуй, даже чуть выше. Ее черты лица так идеальны, круглое личико, мягкие контуры бровей, еле заметные веснушки между глаз, результат жаркого лета, приятная улыбка, глубокие синие глаза. В общем, я пленен. Не знаю, как в этот момент я выгляжу в ее глазах, я только знаю, что мы оба подаемся вперед, и наши лица сближаются со скромной ухмылкой, пока губы не соприкасаются, и я не протягиваю руку, чтобы докоснуться своей ладонью до ее щеки. Боги, это неопишимо, мы целуемся, кажется, целую вечность и еле перестаем. В машине меж тем негромко поет Sam Smith:

«I'm covering my ears like a kid,
When your words mean nothing,
I go la la la...»

Я ощущаю странное чувство, будто готов просидеть с ней в машине до следующей жизни, настолько мне тут с ней хорошо...

Нежно попрошавшись и выбравшись из ее логова сказок в эту буквальную быль, оторвавшись от прекрасного, я бреду в состоянии огретоного обухом по голове, как ненормальный, до метро. Я запрыгиваю в вагон и, врубив музлу в наушниках, начинаю вникать в то, что вообще со мной произошло, смакую этот момент. Людям ведь всегда свойственно все драматизировать, особенно когда ты молод и хочется чтобы жизнь была как у, мать его, Сида Вишеса или Мика Джаггера. Поняв, что я натурально влюбился, я улыбаюсь, так как никогда в своей жизни и пропадаю в одном из сотен перегонов нашей необъятной подземки.

* * *

Эта осень, как и любая другая, оказывается шальной, но она не похожа на ту, в которую мы с моим товарищем жгли чужеродную флору, нет, она другая. Но и этого достаточно, чтобы понять, что каждая последующая осень в жизни привносит в нее толику какого-то безумия, что опосля вспоминаешь и думаешь «твою ж мать, было ведь такое!». Так получается и в этот раз.

Я занимаюсь своими обычными делами, а именно учебой, спортом и прочими повседневными вещами. Параллельно у меня в душе находятся еще чувства к этой особе, которая не оставляет к себе равнодушным. Каждый день это что-то особенное, как будто вставая утром с постели ты знаешь, что тебя кто-то заранее благословил на то, чтобы этот день оказался самым успешным и прошел с максимальной отдачей и результатом. И я выкладываюсь на полную, чувствую себя абсолютным хозяином собственной судьбы.

Вот ведь какие игры творит химия любви с сознанием человека. Сперва она дает ему себя попробовать, а после, без ежедневного пополнения дозы, позволяет ему угасать, как гаснут миллионы звезд во Вселенной.

Мы с Викой много общаемся, и уже через неделю она приглашает меня к себе с ночевкой под предлогом того, что она останется дома одна. В мое растленное сознание влезает мыслишка, что дополнительным недосказанным предлогом по умолчанию остается факт, что я просто напросто охуенен во всех своих проявлениях, но я предпочитаю эту причину ей не говорить.

И я жду этот день, это 5-е октября, как узник амнистии. Мы договариваемся о том, что я возьму с собой бутылочку классического Cabernet Sauvignon полусладкого, она же в свою очередь приготовит на ужин что-нибудь

вкусненькое. Затарившись предварительно контрацепцией, винчиком, букетом алых роз и хорошим настроением, приведя себя в боевую готовность, я с низкого старта начинаю свое путешествие, которое обещает быть впечатляющим и захватывающим.

Я прихожу немного с опозданием, поднимаюсь на этаж, вхожу в парадную и стучусь в дверь.

При наших первых встречах она говорила мне, что вся эта романтика не для нее, что все эти плюшевые мишки, цветы, открытки и остальные проявления внимания ей до предела параллельны. Ну да... ну да... конечно. Я так ей и поверил. Посему после слова «Привет» я протягиваю ей шикарный букет ярко алых роз, и если вслушаться, то можно услышать, как что-то струится на пол. Быть может, это всего лишь натекло от моих кроссовок, стоптанных по мокрым тротуарам, не знаю. Но я точно чувствую, как искрится воздух между нами, когда я протягиваю этот букет ей. Я в который раз убеждаюсь, что прекрасная половина человечества до безумия равнодушна к таким вот милашествам, чуждым brutalным нам.

Она даже забывает напомнить мне про время, о существовании которого я забыл. Но я вхожу, раздеваюсь, мою руки и прохожу к столу. Комнату наполняет запах спагетти карбонара, которые уже слегка подостыли, но от этого выглядят не менее аппетитными. Основной специей к ним становятся минуты неумолимо надвигающегося разврата. Я сажусь за стол, открываю вино, разливаю по бокалам. Она подает блюдо.

Место, в котором мне выпадает честь иметь ужин с сей особой, представляет собой большую залу с приглушенным светом. Это кухня, гостиная и коридор вместе взятые, которые лишены перегородок, видимо из-за ремонта, и поэтому все кажется таким просторным и приятным, а кухонный стол идет прямо от окна, такой широкой каменной доской с одной опорой на самом

краю.

Мы садимся за стол и я приступаю к еде, поскольку специально не ужинал. В любом случае мой не приходящий аппетит и без того пропадает, когда я вижу в чем она одета. Ах да, в чем же она одета... Это строгое черное платье, довольно короткое, без рукавов, с большими декольте спереди и сзади, ну или как там эта фигня у девчонок называется. Да это и не важно, а важно то, что кроме него на ней нет абсолютно ничего. Именно поэтому у меня и пропадает окончательно аппетит, и в итоге общаясь с ней за столом мне приходится буквально вилкой записывать в себя эту карбонару, заливаясь винишком. Все очень вкусно, но инстинкты притупляют все остальное, поэтому выпив почти все вино, мы продолжаем... Мне в этот момент в голову проникает фраза одного известного в малых кругах исполнителя:

«Помню сунул руку под твоё черное платье, потом наркотики, наркотики, очень приятно...»

— ...родители с сестрой и братом уехали на дачу, я вот осталась, — слышу я от нее, понимая, что, наконец, включаюсь в диалог, пытаюсь взять себя в руки и держать все происходящее в данный момент под контролем.

— Даааа... — с затажкой протягиваю я, оглядывая квартиру, засасывая при этом спагетти, — Квартира у вас потрясающая, видно, что не классическая планировка, и стол вот этот, и вообще все, — кивая с видом знатока, я пытаюсь плавно отвлечься на какую-то абсолютно левую фигню (хотя получается это, конечно же, самым дебильным и убогим образом), нежели ее соски, отчетливо прорезающиеся сквозь поверхность платья. — Кстати, блюдо просто супер, очень вкусно.

Я тщательно стараюсь собрать себя в кулак, потому бросаю этот набор слов, абсолютно не имеющий ничего близкого к тому, что в эту ночь намечается в этой квартире. Вика в ответ кокетливо вещает о том, как получилось

сделать такой ремонт, когда они сюда переехали и чего ожидают в будущем. Я, честно говоря, слушаю ее вполуха. Пытаясь перевести разговор все же во что-то романтическое и адекватное, я предлагаю:

— Вик, слушай, позволь спросить тебя, как девушку, мнение которой мне очень интересно узнать. Как ты считаешь, каким на твой взгляд должен быть мужчина, в принципе, или же мужчина твоей мечты?

Возникает некая пауза в течение которой слегка подвыпившая Вика, изначально затеявшая весь этот сегодняшний тест-драйв, сидя напротив меня, под столом протягивает свои ноги ко мне, и, нежно ведя их по моим, ставит свои пяточки на мои колени. После этого, как вы понимаете, кусок мне в горло не лезет.

— Мне кажется, мужчина... — кокетливо возведя взгляд куда-то к потолку начинает Вика. — Должен быть сильным, воспитанным, заботливым... — медленно растягивая слова она, сидящая напротив меня в такой позе, закручивая рукой свои локоны и покусывая губы, явно не хочет, чтобы мы сегодня учили уроки или занимались разбором основ термодинамики, пусть даже воздух между нами искрит, поэтому последующие произнесенные эпитеты оставляются моим сознанием вне себя.

Все, что начинает происходить после моего вопроса потихоньку перерастает в окончательно инстинктивные реакции, движения, слова, а точнее звуки. Это момент абсолютного забвения. Мы потихоньку сближаемся, начинаем целоваться, и следующее, что я помню, это как мы кувыркаемся в спальне ее родителей на большой мягкой постели в темноте. Мы полностью голые, я ласкаю ее рукой, при этом нежно целуя все тело. Я отдаю себе отчет, что этого пресловутого Sauvignon`а во мне сейчас сидит слишком много для того чтобы произвести какие-то активные боевые действия. Она попутно шепчет мне в ухо самые милые слова, которые я только слышал

в своей жизни.

Не буду рассказывать вам все детали этой ночи, но скажу одно точно — после этого она останется в моей голове навсегда, как будто выгравировалось все до последнего сюжета в закоулках моей памяти, или было сделано тату, или загрузились терабайты информации на мою подкорку. Вот только я отчетливо запомнил то, насколько эта ночь знаменательна и бесконечно нежна. Попутно в ней происходит секс, неудачный секс, оргазм — ее, мой. Постоянные ласки, обнимашки, поцелуи, даже ванна с джакузи, в которой после всего вышеперечисленного мы лежим на спине, я снизу, она на мне, и обсуждаем все, что только приходит в голову.

Я просыпаюсь через пару часов после того как уснул. На улице уже начинает светать и оттого свет, проникающий сквозь прозрачные узорчатые шторы, наполняет комнату содержимым, которое при нем становится различимым. Я лежу на боку в одной простыне на бедрах и люблюсь этим совершенным существом, свернувшимся клубком рядом, кажется, пришедшим из других совершенных миров, вырванным из книг, специально явившимся в этот мир, чтобы подарить мне смысл.

Я еще долго лежу, мечтая остаться в этой постели навечно, и смотрю на нее, пока она не проснется.

Мы чудесно проводим это воскресное утро вместе, я учу ее играть на гитаре, она рассказывает мне про книги, которые она прочла недавно, и про то, что ей интересно в этой жизни. Потом мы мило прощаемся, и она довозит меня до Юго-западной.

Все последующие счастливые дни проходят как в тумане, словно я «ширнул по вене любовь, чуть с заражением блядства» и забылся. Порой я действительно хочу так сделать, правда судьба не дает мне такой возможности. Обычно это либо передоз, либо плохой товар, либо товар, который и сам не знает товар он или не товар, как

ему вариться и как вливаться в кровь. Одним словом, беспонтовый, некачественный. Я даже не догадываюсь, что после этой встречи моя жизнь раз и навсегда изменится.

Still loving you...

Услышишь и сотри мой голос, забудь мой адрес

Да тут и без джаза дождливый август

Знаешь, там, где любовь и радость

Там боль и зависть, не так ли, Фауст?

(с) Василий Михайлович. «Я или ты»

«Давай встретимся на Шаболовке, нам нужно поговорить» высвечивается последняя фраза в WhatsApp от нее. Сперва я не придаю ей особого значения, хотя, следовало бы.

Последние две недели оказываются из ряда вон выходящими. После той ночи, когда Вика стала моим ангелом, я постоянно хочу большего. Все свое время я трачу на то, чтобы выцепить ее, вытащить и побыть наедине, или же просто зацеловать где-нибудь в уголке. Хочется быть с ней вдвоем, быть с ней рядом, и чтобы она была со мной. Это ведь так просто: ты, она — соитие...

Но все не так, Вика постоянно занята чем-то: то семейными обязанностями, то встречами с подругами, то делами, то учебой, то спортзалом. Спортзал? Серьезно?! А то чем мы занимались тогда, в ту ночь, это разве не похоже на вид спорта? Самый древний на планете...

Она меня явно избегает, и я это понимаю. Я навязываюсь — она ускользает, я приближаюсь к ней — она отдаляется. Это невыносимо. Куда делась та романтика, те многозначительные взгляды, которые мы бросали друг на друга на парах, те секундные поцелуи, которыми мы

умудрялись обмениваться между ними, при этом оставаясь в тени? Она чертовски хороша по сравнению со мной и никто не может открыть мне глаза на то, насколько я в действительности зависим, подвластен и одержим этим крайне животным чувством. Видимо человеческое существо всегда стремится быть слабым, выбирать путь наименьшего сопротивления, ведь так гораздо проще. Сразу можно рассчитывать на то, что тебя пожалеют. А ты ведь, сука такая, еще и жалости хочешь.

Как бы там ни было, она селится на станции Динамо и активно дает мне понять, что у нее нет на меня времени. Ах да, еще это гребаное правило! Мы решили, что не будем показывать, что у нас отношения. Какой же я идиот! Какой человек решит не показывать свои чувства, если они есть? Только тот, кто начинает играть несерьезно и хочет, чтобы если что-то пойдет не так, быстро и безболезненно слить партнера. Это со мной и происходит. Еще этот Ванек, сокурсник, прознавший о моей ситуации, как специально прямо-таки сдирает на лекции мои розовые очки, выдавая нечто вроде:

— Братан, ну очевидно же, что она хочет с тобой встретиться, чтобы расстаться.

Бляха, Ваня. Вот нахрена ты это говоришь? Понятно, что, правда глаза колит, но вот только я бы предпочел не знать время своей смерти заранее. Я даже разбиваю кулаком кафель на стене в своей ванной, досадуя от осознания очевидной житейской истины, что мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него. Эта нестерпимая боль... и не оттого, что ты разбил кулак об кафель и капли цвета вишни падают в раковину. Нет, это иное, что отрешляет тебя впоследствии. Это очередной катарсис нового качественного уровня — вечная история моей жизни. От него течет скупая мужская слеза и перманентно ноет в груди.

Неважно. В итоге я жду этой субботы как своего суд-

ного дня. Наконец-таки мы проведем этот вечер вместе, думаю я. Но разум подсказывает, как именно все произойдет.

* * *

Я подкатываю к Шаболовской. На часах что-то вроде семи часов, как и договаривались, однако ее еще нет. По станции блаженно идут несколько персон. Один парень, который явно напоминает его лишь отдаленно, и девушка рядом. Вдалеке маячит еще кто-то, но я перестаю его рассматривать, потому как из-за колонны наконец показывается Вика, а поезд, на котором она приехала, с лязгом закрыв двери и загудев, начинает постепенно исчезать в тоннеле.

— Привет, — произносит она мило, и в лучших современных традициях, чмокает меня в губы.

— Привет, — сухо брякаю я, явно не ожидая такой легкости в ее поведении. Мы ведь все полагаем, что всякие важные для нас моменты в жизни должны происходить эпично, а в итоге даже твой первый секс напоминает собой скорее игру в твистер, заранее проигранную обоими участниками.

«Может все не так как рисует мне мое чутье?» думаю я.

— Ну что, пошли? — предлагает она, и мы, дойдя до эскалатора, начинаем медленно по нему подниматься. Вика рассказывает мне все это время, как она замечательно проводила сегодня время, что ей говорили ее подруги, в чем они, по ее мнению, не правы, и свое видение правды. Я аккуратно воздерживаюсь от комментариев на этот счет.

У Вики очень живой внутренний мир и она всегда умеет себя преподнести. У нее хорошо поставлена речь, она всегда может подобрать нужные слова, изящно жестикулируя. Все в ней кажется крайне приятным

и привлекательным, что не может меня не влюблять в нее. Я рассудительно это подмечаю, но не могу не смотреть на нее завороженно, подавляя в себе все инстинкты, которыми мой организм пытается привести меня в чувство, на молекулярном уровне сообщая мне, мол «чувак, все постанова, мужайся, скоро тебя поимеют». Brace yourself, something is coming. Но я не могу ничего поделывать с этим.

Выбравшись буквально из-под земли, мы решаем зайти в ближайшее кафе, Шоколадницу, на углу соседнего дома. Пока мы проходим эту дистанцию я обращаю внимание на одинокого музыканта, который стоит на площади рядом со станцией и пронизывающим глухим тоном человека, у которого нет слуха, поет строчки группы «Сплин»:

«Сколько лет прошло, всё о том же гудят провода,

Всё того же ждут самолёты.

Девочка с глазами из самого синего льда

Таёт под огнём пулемёта.

Должен же растаять хоть кто-то»

А глаза у нее и впрямь из самого синего льда...

Заходим, раздеваемся, садимся, заказываем кофе. Я сижу как-то неуверенно, положив локти на стол, слегка сторбившись, и с чувством человека, у которого остались считанные минуты до приведения смертного приговора в исполнение, осознаю всю свою незначимость и никчемность. Я противлюсь этой беспомощности и пытаюсь привести себя в чувство, начиная общение первым:

— Ну, так что? Как твои делишки? Что нового вообще произошло с тобой за те дни, что мы с тобой не виделись?

Я стараюсь с интересом смотреть ей в глаза, естественно улыбаться и заглушить свой внутренний голос. Видимо вживаться в роль у меня получается также плохо, как и быть отличником. Наверное, все-таки нужно было

начать употреблять героин, чтобы к сегодняшнему дню уже сторчатся. И как это я так, думаю я с иронией про себя? Видимо выбрал не тот стул. Все эти мысли посещают меня, пока я наблюдаю такое же наигранное, как мне кажется, участие ко мне с противоположной стороны.

— Ой, все замечательно, вчера ходили с Илонкой на выставку, посвященную Антонио Гауди. Ты наверное знаешь, это известнейший испанский архитектор, многие работы которого представлены на улицах Барселоны...

И она начинает описывать, как они с однокурсницей полдня провели в этом центре искусств черт знает где, что там было и как это было. А я сижу с натянутой улыбкой и инстинктивно киваю, словно я полностью с ней солидарен. Но это не так.

Я вспоминаю о том, как Вика любит Барселону, и что недавно она именно оттуда и вернулась. Мне сразу приходит на ум мысль, что наверняка она общалась там с каким-нибудь загорелым испанцем, ищущим плотских утех. Я сразу вижу, как это происходит и насколько я в этом всем лишний. Я также думаю, что хоть я и не бывал в Барселоне, но по принципу правил любой мегаполисной жизни, это наверняка такой же город как и Москва, который всасывает в себя всю похоть и время своих молодых посетителей, а потом оставляет их в вечно пьяном угаре танцевать в полном одиночестве пока их не затащат в дорогую иномарку. И дело тут вообще ни разу не в Антонио Гауди. Ведь всем в силу своего природного эгоизма абсолютно плевать на него и на его работы. Ну естественно! Их просто прикольно понаблюдать, выходя перекурить из клуба или ведя мимо них телочку с известными намерениями. И еще я думаю, какой же все-таки красавец тот, кто решил на всем этом хайпануть и срубить баблеца, организовав все эти выставки, показы, вернисажи. Да уж, искусство в большом долгу.

— ...после этого мы так устали, что перекусили в кафешке неподалеку, прорешали макру и поехали ко мне домой.

— Ясно, ммм... — мычу я, делая глоток принесенного только что латте в надежде потянуть еще какое-то время перед неизбежным. — Слушай, какой вкусный здесь кофе. Не привык, знаешь, ходить по таким заведениям, все чаще по барам. Но теперь-то ты меня будешь чаще выгуливать, — договариваю я с улыбкой.

— Да уж, — мило улыбается в ответ Вика и тут же по ее лицу на мгновение пробегают какая-то еле различимая грустинка, которую она умело прячет и начинает смотреть в стол.

Я понимаю, что момент настал. Я хочу хоть как-то подготовить себя к тому, что произойдет дальше, но какое-то шестое чувство ясно дает мне понять, что это бесполезно. Так или иначе все к этому шло, и чему быть, того не миновать, а между тем моя спутница прерывает мои размышления:

— Слушай, на самом деле я тебя сюда пригласила, чтобы сказать кое-что... — она замолкает на мгновение, кладя обе ладони на стол. — На самом деле, я хотела тебе сказать, что... — она начинает слегка нервно переминать себе руки, — что нам надо расстаться, вот.

Выдавив из себя это «фаталити», Вика, поджав губы, начинает внимательно изучать меня, очевидно боясь моей возможной негативной реакции.

Время, как обычно делают в фильмах, замедляется с характерным звуком, словно внезапно накладывают какой-то эффект в режиме реального времени. Я начинаю смотреть в одну точку где-то на ее лице. Мир вокруг преобразается. Я чувствую, что скоро он станет совсем иным. Я больше не слышу слов, которые она говорит. Она только медленно продолжает шевелить губами, явно пытаясь объяснить свою точку зрения, как она обычно

любит делать. Она такой человек, наверное, пытается сейчас оправдаться, доказать мне что-то, потому как время от времени до меня долетают осколки фраз типа «так будет лучше» и «я считаю, что не имеет смысла». Возможно, это и правильно, вот только все это мне уже по барабану.

Я теряюсь, круг замыкается. Этот ресторан вокруг, столько людей, изо дня в день пытающихся что-то сделать со своей жизнью, или же не сделать ничего, воспроизведут придуманные когда-то в прошлом звуки, обличенные в буквы, пытаясь их совокупностью донести что-то окружающему миру, в ожидании быть услышанными. Как будто это имеет значение. Нет, не имеет, для меня больше не имеет после всего произнесенного человеком, сидящим напротив.

Она объясняет свою точку зрения. Аргументация уровня Бог. Аргументы носят характер, связанный с общепризнанным благом «так будет лучше», и с всемирно доказанным фактом «не имеет смысла». Видимо, стоит прямо сейчас вскочить и с чувством благодарности броситься ее расцеловывать, восклицая «Блядь, Вик, ебать, как же я сам не додумался раньше. Спасибо! Спасибо, что ты поняла, что будет лучше то, что не имеет смысла!» Но я сижу... молча, тупо, уставившись на нее каким-то пустым взглядом.

Допив свой приторный кофе, потому как явно в моменты забывтья я сыпанул туда лишнего, я прошу счет, оплачиваю его, и мы выходим на улицу. Мир действительно изменился. Люди снуют повсюду как-то иначе, трамвай проезжает мимо как-то более плавно, даже луна источает несколько иной свет, нежели тот, который я видел раньше.

— Ну, все, я пойду. До встречи, — бросает Вика на прощанье и даже не целует меня в щеку, как обычно.

Я ничего не отвечаю, просто стою на месте и, остол-

бнев, провожаю ее взглядом в сторону метро.

Ага, «до встречи». Зачем мне с тобой еще встречаться? Какого хера ты в моей группе в универе? Гребаная жизнь! И ничего с этим не сделаешь, только забудешь на занятия, чем и буду в итоге промышлять, точно знаю, только бы не видеть ее милого, до жути приятного и до боли любимого личика. Еще я отчетливо представляю себе, как вся учеба пойдет после этого по пизде.

Я неуверенной походкой иду к метро. Парнишка-гитарист, фальшивя высоким голосом, продолжает свой соло-сет строчками:

«Нее плааачь сооолнцеее Кааалииифоорнии,
Никогдаа ни о ком, слез своих не леей» (с) Баста

Оказавшись в метро я захожу в вагон, врубаю в наушниках оригинал услышанной песни и, втыкая в припев, пытаюсь унять свои скупые сопли. Сквозь беспросветную апатию я отписываюсь о случившемся Ване, своему товарищу-пророку с курса. Он, в свою очередь отвечает очень банальной фразой, позволяющей понять, что не все еще в моей жизни потеряно: «Да не вопрос. Приезжай ко мне, в холодильнике лежит бутылка»

Сопли

*But there is really nothing, nothing we can do
Love must be forgotten. Life can always start
up anew*

*The models will have children, we'll get
a divorce,
We'll find some more models, everything must
run its course*

*We'll choke on our vomit and that will be
the end*

We were fated to pretend

(c) MGMT. «Time to Pretend»

— Ну что, а теперь рассказывай, — говорит мне Ванек, когда я выпиваю третью подряд стопку водки, ничем при этом не закусывая.

Я нахожусь у Вани на квартире где-то на Академке, раздавленный, но еще не до конца смирившийся. Мы сидим за кухонным столом, я сижу боком на маленьком диванчике, Ваня сбоку от стола на стуле. Ваня одет в свой домашний халатик, который он, сколько я его помню, носил всегда, и тапочки. На столе стоит литровая и уже порядком осушенная бутылка водки Absolut, которую Ванек охарактеризовал как «оставшуюся со дня рождения». Рядом две рюмки и какая-то закуска, на вид такая же заваливающаяся с тех же самых пор, что и бутылка. Квартирка у него двухкомнатная, потрепанная, с устарев-

шим ремонтом. Везде убрано — видна рука женщины, да и без этого я бы не поверил, что Ваня сам за собой ухаживает.

Ваня мой университетский товарищ, с которым у нас повелось общение с самого начала учебы. Мы частенько выбирались куда-нибудь, в клубы, на вписки, на дачи, тусили, угорали как могли. Говоря по правде, привычкой прибухивать я обязан ему. Ваня всегда очень прост во взглядах, но глубок в суждениях, чем и подкупает вокруг всех немногих любителей такой незамороженности и обыкновенности с умеренным налетом позитива. Ваня достаточно приземлен в своих амбициях, поэтому подрабатывает за 20 единиц курьером в свободное время. При этом Ваня глубок в своих убеждениях, что мир, каким бы он ни был, прекрасен, а жизнь — это дар, и ничто на свете не заставит его страдать, поэтому он всегда остается душой компании, которая разделяет такие ценности. Простой парень, верящий в дружбу до гроба, лишенный иллюзий, ловящий кайф в свободное время залипать за ситкомками и изредка покуривать траву. Такой гениальный распиздяй, у каждого бывает такой друг. Немудрено, что у него появилась в определенный момент девушка Даша — весьма вспыльчивая и экспрессивная татарка, с которой он каким-то образом умудряется уживаться уже второй год. Ваня по-своему уникален и по-своему невыносим. Но забухивать с ним горе и вести дискурс на политические темы — бесценно.

— Что рассказывать? — кривлю я в который раз лицо, от невозможности привыкнуть к горечи этого национального системообразующего напитка. — Все, это конец. Я... я не знаю, что теперь делать. Я больше не вижу будущего, Вань. Теперь. Без нее. Очень горько признавать, что ты был прав.

— Нууу... это ты брось, — Ваня вытягивает ноги вперед и откидывается на стуле. — Тоже мне, нашел из-за

чего беспокоиться. Девушка его бросила. Поверь мне, беспокоиться надо, когда женщина в твоей жизни есть — вот тогда действительно конец, она из тебя действительно всю кровь выпьет...

Тут Ваня наклоняется ближе в мою сторону, и чуть сбавив тон, добавляет:

— Между прочим, мне кажется, что у моей месячные как раз из-за этого происходят. Я не удивлюсь, что это у них такая сектантская тема — пить нашу кровь, а потом проводить собрания под землей в балахонах или типа того... Хах... Когда женщины в твоей жизни нет, надо благодарить Бога, что он тебя увел от беды.

Я пытаюсь изобразить на своем лице нечто наподобие улыбки, но по отсутствию реакции Вани понимаю, что у меня это слабо получается. Да и вообще мне сейчас не до шуток. Внутри словно сдетонировал давно помещенный туда тротил:

— Вань, это все конечно здорово, но только мне реально херово, прям очень. И все эти твои гипотезы, основанные на случайных догадках и подъездном юморе, мне сейчас не доставляют. У нас ведь с ней так все хорошо начиналось, мы встречались уже три месяца, я представлял себе, как я сделаю ей предложение, как мы будем жить с ней, чем будем заниматься, все у нас будет...

— О, так тем более, раз несколько месяцев. Между прочим, мои теории научно доказаны, и вот тебе еще одна. Ты говоришь, что вы встречались три месяца. Есть такая теория, что парень после расставания страдает ровно треть того времени, которое они с девушкой были вместе. Такая теория пиздостраданий, — Ванино серьезное лицо расплывается в ухмылке, и он делает ремарку. — Ну, это если конечно он вообще будет страдать. Вот я лично не буду, мне вообще пофиг где, как, под каким соусом, кто и кого бросит. Я однажды все это прошел, чуть в окно не вышел, и решил для себя, что все! Ни одна, сука, дырка

теперь меня в эту ситуацию не загонит. Думаю, если бы ты знал, насколько мне похеру, ты бы со мной больше не общался. Так что вот. У тебя было три месяца, значит исходя из этой теории, тебе придется пожить с этим месячком.

— Вань, какой месячок? Мне кажется, я сегодня ночью кони двину, смекаешь? Внутри словно ядерный гриб.

— Ну, месяц это по теории, а так глядишь, за хорошее поведение скостят пару-тройку недель, в итоге отделаешься неделей, и все у тебя пройдет, — отмахивается Ваня и наливает нам еще по полной стопке. — Давай, за здоровье, а то его вечно не хватает.

— Ага, если жить этой мегаполисной жизнью, вот так как мы с тобой, то видится мне, мы и до тридцатки не дотянем. А я ведь... я ведь так ее любил, как же так? — У меня к горлу подступает ком глубочайшей досады, который чувствуется обычно, когда ты что-то случайно и безвозвратно проебал. Поэтому я беру быстро стопарь и опрокидываю. Анестезия успешно приглушает все активные процессы в организме. Мысли облегчаются, настроение улучшается, точнее, становится чуть менее донным, будто бы большое трехзначное число со знаком минус на единичку приблизилось к нулю.

Ваня тем временем, морщась, наливает себе сока.

— Слушай, а ты любил или был влюблен?

— Какая хер разница? Это всего лишь слова.

— Ну смотри. Моя Дашка проводит вполне четкую границу между этими понятиями. Мне-то, как я тебе уже говорил, вообще насрать на это, но вот Дашка это дело любит. Все ведь девчонки страдают такими философскими замашками. По ее мнению, любовь — это раз и навсегда... У нее это понятие стоит в один ряд с надеждой, судьбой и прочей белибердой, насколько я вообще уяснил. То есть, смотри, есть два человека, которые созданы друг для

друга. Как свет и тьма, как инь и янь, как две половинки общего целого. Так вот, судьба их соединяет в течение жизни. Одни найдут друг друга раньше, другие позже, но так или иначе все будут вместе и счастливы. Зашибись, да? Как просто все оказывается у некоторых людей. А мы тут убиваемся зачем-то, бухаем... ну да ладно. Я тебе больше расскажу, я полазил по женским форумам, особенно по тем, где они обсуждают всю эту мутотень. Так ты прикинь, они все так или иначе верят в какие-то сказки. И я могу сказать, что сказка моей Дашки на слух просто как жиза по сравнению с другими сказками. Братан, там просто клиника. Я, наконец, понял кто и как придумывает секты и пишет на их основе всю эту оккультную мутотень...

— Знаешь, честно, до сегодняшнего дня я готов был поверить во всю эту чушь, но отныне... чтоб меня еще хоть раз втянули в эту... — я чувствую, как раскисаю окончательно. — Все, сегодня я мистер слабохарактерное дерьмо, нажрите меня и убейте об стену.

— Ну, братишка, в одну воду два раза не войдешь... — Ваня задумчиво переводит взгляд в сторону. — А вот в одну задницу, к несчастью, можно попасть и дважды. Так что я б тебе посоветовал особо не зарекаться, просто быть повнимательнее. Ты ж меня знаешь. Я может и сам принял бы на веру всю эту философию любви, если бы только однажды так сильно не полюбил прибухивать. Теперь это просто моя ван лав. Знаешь, я все-таки убежден, что если девушка, которая выходит замуж в 30, запрыгивает в последний поезд, то парень который женится в 20 — прыгает под локомотив.

При этих словах он усмехается, встает, чтобы открыть окно на кухне, достает из кармана халата сигарету и закуривает. Затем предлагает мне. Я открываю крышку его Zippo, делаю движение большим пальцем, и наполняю себя едкими смолами вперемешку с никотином. От этой

церемонии настроение становится на каплю лучше. Каплю в море.

Я сижу, облокотив голову на ладонь, в которой дымится сигарета, и никак не могу понять, каким образом это все произошло со мной. Как?! Почему?! Зачем тогда это все? Мои уже порядком пьяные мысли блуждают в пределах сознания и натываются на вполне реальные физические рамки.

— Зачем? — скомкано вырывается у меня.

— Зачем что? — Ванька сидит, положив ногу на ногу, и смотрит в потолок.

— Зачем это все тогда, Вань, а? Зачем это все происходит с нами? Зачем мы рождаемся, растем, с нами носятся наши родители, подтирают сопли? Чтобы однажды вернуться домой с разбитым сердцем и понять, что проживали все это зря? Проживали, чтобы прожигать?

Ваня, интуитивно поняв мой вопрос, наверное, впервые за все время нашего с ним знакомства, смотрит на пол грустным взглядом и извергает сакраментальную фразу:

— Затем, дружище, что все мы биологические существа, и в нас это заложено, как плагин в программу. Видишь ли, я когда-то понял, что каждый человек интуитивно стремится любить и быть любимым, и каждый это делает по-разному, именно поэтому далеко не все находят то самое счастье, от которого щемит сердце, даже когда все хорошо. Предел счастья у каждого свой. Именно поэтому мир всегда чуточку лучше, чем он есть, когда мы, наконец, начинаем жить по-настоящему взрослой жизнью и сталкиваемся с неподдельными законами, по которым он живет. Именно поэтому мы любим и чтим наших родителей и горюем всякий раз, когда действительно близкий человек покидает нас. Именно поэтому трава зеленеет и солнце встает. Обратной стороной медали является то, что именно поэтому ты сейчас здесь сидишь,

пускаешь соплю и банально хочешь сказать одну простую вещь, что тебе натурально хуево. Ты просто начал что-то понимать...

От его слов у меня даже появляется некое воодушевление, и в поисках еще более глубокой правды, я задаю вопрос:

— Выходит, иным суждено встречать кого-то и влюбляться только для того чтобы все потом пошло прахом? И мы вот так потом шли прибухивать?

— Угу, — Ваня, набрав полный рот дыма, делает колечки. — И покупали водку. Следовательно, можно предположить, что с нашими чувствами играют производители крепкой алкогольной продукции, потому как им напрямую выгодно ставить нас в такое положение, особенно у нас в стране. Целый мировой заговор вырисовывается, про это можно кстати книгу написать. Хмм... Наверное, даже докторскую защитить.

— Да, Вань, только вот насколько сильно ты любишь прибухивать, настолько же сильно ты ненавидишь учиться, забыл? — вспомнив, улыбаюсь я.

— Безусловно, но я не люблю образование в его современном формате, и только. Все эти корочки, дипломы, лекции, на которые все забивают, и недаром, — на этом моменте он поднимает брови и заостряет внимание на мне. — Потому что зачем ходить слушать абсолютно неинтересного человека, который делает это не из призвания или интереса, а просто за лаванду. Естественно все будет показным и безрезультативным. Капитализм, конечно, в этом смысле, проигрывает достаточно серьезно. Правда, ничего лучше человечество пока не придумало.

Я, уже сбиваясь со счета, опрокидываю очередную рюмку, морщусь и высказываюсь:

— Ооо, ну сейчас начнется. Вань, давай сегодня без политики, пожалей меня. Я не вывезу.

Дело в том, что Ваня обычно после определенного количества оборотов начинает мироточить и обсуждать остро-политические темы, за которые полвека назад при прочих равных люди уезжали в путешествие в ГУЛАГ.

— Да я не о политике хотел, ну да ладно, давай опустим. Просто знаешь, у нас почему-то вечно так получается, что в обществе, в котором мы с тобой живем, по отдельности мы все такие хорошие, а вместе такое гавно...

* * *

Через какое-то время мы с Ваней сидим под уже приглушенным светом. Он, очевидно, заснул. Я сижу развалившись и наблюдаю за минутной стрелкой часов на противоположной стенке. Она плавно отбивает пятый час. На кухне накурено, и от этого становится даже как-то противно. Я сильно пьян, но как только начинаю вспоминать минувшие события, становится снова больно, как будто я оказался одним из тех неудачников, на которых от природы не действует наркоз.

Так странно. Сижу здесь на кухне у Ваньки и смотрю на дно бутылки, из которой мы так и не допили с ним литр. За окном хоть глаз выколи, светать будет не раньше семи. Голова барахлит от того, что с обеда я почти ничего не ел, а от количества выпитого начинает еще и подташнивать. И при всем этом невыносимо хочется спать, но я отчетливо понимаю, что перед этим мне придется еще пройти несколько порывов душевных страданий, связанных с никуда не девающейся памятью, будь она неладна. Да и не знаю я, что мне будет сниться в таком состоянии, состоянии абсолютного морального разложения и духовного упадка. Зато завтра, инфа сотка, мне будет очень плохо по всем статьям.

Я проваливаюсь в сон. Просыпаюсь оттого, что кто-

то с силой уже довольно продолжительное время долбит в Ванькину дверь, и вроде даже с ноги. Бьет и бьет. Я достаточно долго осмысливаю это. Затем поняв, что дело неладно, трясую Ваньку рукой:

— Вань, алё, Ванёк, подъем!

Ваня достаточно резко спохватывается и смотрит на меня:

— А, что случилось?

— Что случилось? Это ты мне скажи! Что это за херня? Нет ли чего-то, чего я о тебе не знаю? Ты, случаем, тем зельем, которое куришь сам, не барыжишь?

— Да ну тебя, скажешь тоже. Самому мало. Это, видать, кто-то свихнувшийся.

Он встает и идет к двери. Я моментально направляюсь за ним. Он подходит к глазку, смотрит и с облегчением глядя на меня открывает дверь:

— Фух... Ну, слава тебе...

Я стою, покачиваясь, облокотившись на стену.

Тут дверь распахивается и влетает Даша. Видно, что она на взводе. Тут же на Ваню обрушивается шквал ударов, пинков, оскорблений и прочих выражений негативной энергии. Даша буквально визжит, матерясь:

— Ах ты, сука такая, попросил меня остаться у подруги, а сам, падла, тут шлюх трахать собрался! Сколько раз такое уже происходило?! А ну говори, где она?! Еще нажрался, скотина, и трубку не берешь. В какую задницу ты ее засунул?

При каждом слове Даша проводит удар как в видеоигре *Mortal Kombat*, все это в совокупности напоминает какое-то самое сложное комбо, я отмечаю высший пилотаж. К тому же Ваня так натурально защищается, парируя каждый удар, что у меня, в моем абсолютно нетрезвом состоянии, начинает сводить живот от утробного смеха. У меня вырывается неожиданный смешок.

Тут Даша поворачивается и замечает меня. Ее пере-

кошенное от гнева лицо не меняется, и она делает шаг ко мне:

— А ты что ржешь? Что ты тут вообще делаешь?

Моя улыбка исчезает также быстро, как и появилась. Я начинаю пятиться назад. Даша налетает и на меня тоже, я пропускаю сразу же пару панчей в живот. Тут я нащупываю сзади дверь ванной и с несвойственным ныне мне проворством, заталкиваю себя туда, закрыв дверь на защелку. Дверь принимает на себя еще несколько ударов, далее уже продолжается избивание другого младенца.

Я слышу как Даша предъявляет Ване за каких-то проституток, за чью-то переписку, за ложь, за меня и за многое другое. В общем и целом, все звучит достаточно грозно и обвинительно, но я знаю Ваню и знаю, что он никогда не совершал ничего такого, за что можно его вот так лупить. Ну да это его выбор. А еще я знаю, что история еще не забыла точно такие же случаи, когда татары совершали внезапные разорительные набеги на Русь, но потом все как-то складывалось. И мне непонятно в данной ситуации только одно, почему Ваня, зная это, все-таки не учится на ошибках прошлого.

Дашин писк очень сильно резонирует с моим текущим мировосприятием и раздражает мой слух. Я точно знаю, что скорее всего скоро это закончится и все помирятся, и мне придется долго выслушивать эти окошкольские истории семейного успеха о том, как бросили Машку, кто залетел от районного барыги, и почему Оксана оставила своего второго ребенка на шее у матери и пошла догуливать свою молодость. Пытаясь избежать этого, я выхожу из своего бомбоубежища, иду ватной походкой в свободную комнату и подойдя к чему-то, напоминающему диван, падаю туда. Прощай любовь.

Moscow never sleeps

*Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два*

(с) А. Грибоедов. «Горе от ума»

Я захожу в раздевалку, кидаю рюкзак со шмотьем на скамью у стенки. Тренировка закончилась. Зал, в котором я сейчас нахожусь, находится на чердаке заводского здания где-то на Сокольниках. Я хожу сюда уже год и ничего не башляю, поскольку мне повезло иметь товарища, плотно общающегося с держателем этого заведения.

Сам зал ничего особенного собой миру не являет. Это помещение в сотню метров площадью, плюс раздевалка, душ, и какие-то другие квадратные метры, скрытые за закрытыми дверьми. Видно, что когда-то здесь был заводской склад для всякого ненужного барахла. Все стены — это металлические панели, выкрашенные в безвкусный персиковый цвет. Каждый их квадратный сантиметр потрескался и облез, а в самом зале стоит множество различных допотопных проржавелых скрипучих тренажеров. Пол усыпан морем разнообразного железа, от гантелей до блинов. В раздевалке теснится вдоль стены, напротив скамей, сотня шкафчиков, половина из которых даже не открывается по техническим причинам. Туалета нет, все ссут прям в душ, в котором, по этой же причине, никто не моется. Все стены увешаны либо постерами Шварценеггера и других бодибилдеров, либо плакатами с полуголыми телочками из журналов

типа Драйв, Максим и прочих. Словом, такой брутальный мужской зал, тут и девушку-то редко увидишь.

Я начинаю переодеваться, скидываю пропотевшую футболку и достаю из рюкзака свои вещи, в которые собираюсь облачиться. Тут случается как раз то, что происходит крайне редко. В раздевалку заходит молоденькая шикарная девчонка старше восемнадцати, проходит мимо меня, садится рядом и тоже начинает свое перевоплощение. Я потихоньку замедляю свои движения, наблюдая за ней. Девочка — что надо, белые кроссовочки, короткие облегающие легинсы, майка до пупка, и розовый бюстгальтер, из-под которого сочными дынями просится наружу грудь. Девушка, словно это в порядке вещей, делает следующие незамысловатые действия: она снимает майку, расстегивает бюстик сзади и начинает копошиться в своей сумке в поисках чего-то. Очевидно того, чем бы ей прикрыть эту красоту. При этом она как будто не замечает, что я стою в двух метрах от нее. Пока она активно шевелит своими руками, ее аккуратно висящая грудь, размера третьего, не меньше, мягко свисая, трясется. В какой-то момент я ловлю себя на том, что стою с приоткрытым ртом в одних трусах, держа в руке свои джинсы и абсолютно палевно пялюсь на нее.

— Эээ... девушка, — внезапно для самого себя произношу я. — А у вас парня, случаем, нет?

Девушка как раз достает из сумки другой, на этот раз фиолетовый лифон, и поворачивается ко мне. Замечая все мое замешательство, улыбается, и, начиная одевать его, отвечает:

— К сожалению, да.

Я, ничуть не поменяв ничего в своем поведении, перевожу взгляд на ее милое личико, и произношу, почему-то расплываясь в улыбке:

— А почему к сожалению?

— Ну, вы, очевидно, хотели за мной приударить, раз

уж так открыто меня изучаете, — ничуть не смутившись, она продолжает переодеваться. — Но, увы и ах, не для вас моя роза цвела. Пока что. Быть может как-нибудь в другой раз.

Она заканчивает переодеваться, закидывает вещи в сумку и уходит, махнув мне на прощанье рукой.

В дверях она пересекается с Никитой, который, даже не взглянув на нее, проходит мимо.

— Че, ща в клубешник зарядим? — его настойчивый позитив убивает всякое желание объяснить, что он сейчас пропустил.

— Фак, ты это видел? — указывая рукой на заворачивающую за угол герлу, выдавливаю я. — Нет, ну какова бабенка-то, а?

— Видел что? — со всепоглощающей лыбой вопрошает Никита.

— Это... Только что тут рядом со мной переодевалась девчонка, она была прям голая, разве что в стрингах. У нее грудь висела вот там, где сейчас ты стоишь.

Я показываю пальцем.

— Да ладно? — он меняется в лице, — И что ты?

— А что я? Я провальню воспроизвел сценку в духе «вашей маме зять не нужен», и был таков.

— Ой, ну вот ты вечно любой шанс засрешь, — делая вид пикап мастера отвечает мне Никита.

— Ну да, — кидаю я, без охоты развивать эту тему, — И это мне говорит человек, которому собственная девушка не дает.

На самом деле я не знаю этого. Я лишь только догадываюсь, что у него недотрах. Нет, не то что бы я к нему плохо отношусь. Просто у него есть девушка Лада (весьма символичное имя для нее), и штука в том, что она у него первая девушка, и по ней не скажешь, что он у нее такой же. Никита же сам по себе, очень простой и добрый рубаха-парень, с которым мы общаемся еще со школы.

Он, сколько я его знаю, всегда был качмэном и следил за питанием. Когда ему не позвонишь, он всегда что-нибудь жрет или готовит какую-нибудь гречу с курицей или рис с индейкой, как это у них принято. Короче, он на этом деле повернутый, знаете ли, такие нынче времена, ЗОЖ, вся фигня. А также наряду с огромной бицухой у него всегда были проблемы с девушками. Не из разряда физиологических, или нравственных, нет, скорее психологических. Он, хоть это и упорно скрывает, старается выглядеть самым, что ни на есть, мачо, но при этом боится контактировать с прекрасным полом. А когда он все-таки пробует это делать, то все всегда идет по одному сценарию: он начинает с ней общаться, а потом якобы совершает некоторые яркие жесты со своей стороны (ну типа стрельнет глазами и спросит: «Мне кажется или сегодня где-то не досчитались ангела?»). После того, как это, естественно, не возымело никакого эффекта, он начинает дичайшим образом загоняться и выливает всю эту гипербололизированную информацию мне. Я своего рода громотвод всего этого потока. Говорить ему в лоб истинную причину его поражений я устал, поэтому я просто нежно стебу его этим всем в ответ. Однако, случилось нечто, и вот уже полгода как у него есть девушка, что для меня остается загадкой. Я не верю в любовь с первого взгляда, и со второго тоже. Я вообще в любовь не верю, раз уж на то пошло. Я верю в корысть во благо. Знаете, такой животный бартер. В случае с возведенной в ранг «смысла жизни» любовью, от ее современных подростково-целочных трактовок у меня першит в горле. Они оставляют какое-то чувство неловкости и даже стыда перед Аристотелем за эволюцию мысли, потому как за последние тысячелетия конкретно в этом случае эволюция явно зашла в тупик и создала только нечто более примитивное.

Мы быстро приобретаем вид современных тусовщиков. На мне джинса и поло Tommy Hilfiger, мой сото-

вариш в брюках и приталенной рубашке. Мы выходим на улицу, падаем на передние сиденья его старенького потрепанного Volkswagen Polo, предварительно скинув рюкзаки в багажник. Мы собираемся сегодня поехать в Джаггер и бросить тачку где-нибудь недалеко, чтобы если вдруг нам повезет (а именно мне) можно было уехать на такси.

Многоэтажные дома начинают проноситься мимо, а меня почему-то начинает подмывать пообщаться на тему более серьезную, чем сегодняшний досуг:

— Ну че, как у тебя с Ладой дела, все ок? — спрашиваю я.

Никита вздыхает:

— Да вроде все зашибись. А что?

— И что это может значить? — я продолжаю пытаться вытащить его на живое человеческое.

— Ну... В смысле все нормально. Видимся, общаемся, она делится со мной всегда своими мыслями, переживаниями, а я ее утешаю.

— Утешаешь? А с этим все как... — я делаю жест «ладонь к кулаку», — Успешно?

— Да... все хорошо. Нууу... не совсем конечно. Есть свои моменты, — утаивает Никита.

— Какие моменты? — докручиваю я.

— Нууу... это редко бывает, она часто устает, и поэтому просит меня перенести это на следующий день.

— Ааа... Что ж, сочувствую. И что, она так и говорит, что устала?

— Да.

— Ладно, я, честно говоря, надеялся, ты мне скажешь, что все лучше некуда, и я успокоюсь, а так даже не знаю, что посоветовать.

— Да не надо ничего советовать.

Мне в голову закрадывается мысль, что единственной причиной, по которой девушка не хочет парня обычно

является то, что ее шпилят где-то на стороне, но я умалчиваю об этом, потому как мне нужен веселый боевой Никита, а не сомневающийся неуверенный Никита.

— А какие мысли по поводу будущего, после ВУЗа? — уточняю я. — Че вообще думаешь по этому поводу?

Никита выдерживает паузу, пожимая плечами:

— Не знаю. Вообще думаю пойти в магу, сейчас вот надо будет сдавать экзамены. Потом, думаю, устроюсь куда-нибудь, чтоб з/п нормальная была. Планы приблизительно такие.

При этих его словах мы выезжаем на Садовое.

— Слушай, братан, и это все твои планы? — Как-то не слишком удивленно произношу я. А как же там... Например, хотя бы что-нибудь поконкретнее?

— А что поконкретнее? Сейчас пока учусь, четвертый курс. Дальше, как закрою сессию и защищу диплом, уже буду думать.

Немного обождав, Никита добавляет:

— Черт, я для диплома даже тему себе не выбрал, и научника.

Меня все же не покидает мысль, что Никите плевать на его будущее и он тщательно этого не понимает.

— О, ну на счет диплома не ссы, у тебя все будет как у меня. Просто в один прекрасный момент тебе попадет-ся взрослая опытная женщина, которая сделает тебе все так, как надо в первый раз.

Я давлю лыбу, от гениальности моей шутейки, хотя Никита вроде не в самом бодром расположении духа. Я продолжаю:

— Я имею ввиду, как на счет того, чтобы заняться предпринимательством, или пойти на стажировку в крупную зарубежную компанию? Там отработаешь, получишь навыки, реальную практику, статус, а дальше уже будешь думать. Это стопудовый вариант, который сейчас доступен практически всем.

— Да, думаю так и будет, — при этих его словах я четко осознаю, что так точно не будет, — Слушай... Да... Ты прав... И я знаю, что ты мне желаешь только добра, но я пока не определился, чем я хочу заниматься, не знаю, возьмут меня куда-нибудь, потом уже буду думать. Слегка повременив, он продолжает свою напрочь лишённую конкретики тираду, — Тут вот есть один вариант, мне отец поможет, меня возьмут в одно место.

— Что за место? Коммерция, гос?

— Государственная структура, занимается спортивным менеджментом, и другими вещами.

— Министерство спорта?

— Ага, оно.

— Ну, как вариант, — разочарованно добавляю я, и тут не вытерпев такого пацифизма вываливаю с лихвой. — А как же, чего-то конкретного хотеть, к чему-то стремиться? Ты ведь хочешь как-то изменить мир, пусть даже не к лучшему? Ты вот сейчас говоришь о том, что «может быть, когда-нибудь куда-нибудь», а как же что-то реальное? Я имею в виду то, что тебе уже двадцак, а ты до сих пор не знаешь, чего ты хочешь от жизни, при этом просто отсиживаясь на парах абсолютно впустую. Я к тому, что, где стремление? Где желание? Братан, тебе не кажется порой, что время просто проходит мимо тебя?

Я замолкаю, Никита тоже. Через какое-то время, очевидно запутавшись еще больше, он отвечает:

— Ну да... Ты прав, конечно... а что я могу сделать сейчас? Мне нужно получить сперва диплом. А там уже будет понятно, о чем это все...

Я бросаю напоследок, без особого желания продолжать беседу:

— Никит, вот отвечаю, сколько я хожу по этой земле, я все больше убеждаюсь в одном: понятно не будет никогда.

Мы съезжаем на Краснопресненскую набережную и,

покружив какое-то время по району бросаем машину, удачно припарковав ее где-то во дворах. Мы идем несколько сотен метров до клуба пешкодромом и по пути туда мы начинаем чувствовать драйв, поскольку солнце уже опустилось, а музыка с каждым шагом начинает слышаться более отчетливо.

Море дорогих автомобилей, привозящих тела зажиточных и не очень жителей Москвы, которые, являются сюда явно в поисках высоких отношений, возвышающиеся вдалеке небоскребы Moscow-City, слепящие огни посреди крошечной тьмы мегаполиса — все это делает эту ночь непохожей на другие. Видно огороженный вход, у которого стоят несколько мускулистых дяденек, занижая своим взглядом исподлобья твою самооценку ниже плинтуса.

После недолгого ожидания снаружи мы заходим в душные коридоры Джаггера, который изнутри сегодня напоминает какой-то рейв. Толпы людей шныряют туда-сюда, клуб, а точнее диско-бар, забит под завязку. У меня мелькает мысль о том, что если вдруг террористы захотят взять тут всех в заложники, то они максимум возьмут Лонг-Айленд, который сделает свое дело. Затем они моментально сменят свои радикальные взгляды на более либеральные. Представляя себе моджахеда в арафатке с золотым Калашниковым, направленным к потолку, танцующего посреди этой толпы, я невольно улыбаюсь.

Я не то что бы сильно люблю клубы, но иногда только там ты можешь по-настоящему обрести себя и понять, что ты все-таки еще чего-то стоишь, глядя на субтильного паренька, неудачно слившего из-за переизбытка оборотов в крови все мазы на сегодня, а теперь блюющего где-то в обнимку с белым другом, на котором только что кого-то драли в кокаиновом экстазе. Всюду шныряют полубеспольные существа.

Прогрессивная молодежь, клубная романтика. Тыся-

чи обдолбанных, нанюханных или ужранных существ, неистово ищущих развлечения. Девушки, разодетые как путаны на шоссе, не лишенные того же изящества, пытаются продать себя как продукт во много раз дороже собственной копеечной себестоимости. Одни, в платьях от недокутюра, что подешевле, и с Дайкири в руках сидят с надменными лицами, ожидая, что прямо к их столику подкатит принц на белом меренке, заберет их и увезет в страну чудес. Другие же, проявляющие большую активность, нажираются так, что потом пляшут на барной стойке и где только угодно, а на утро их гложет их пробуханная совесть. Парни же наоборот: это либо субтильные пареньки, которые были уже упомянуты выше, либо на вид серьезные альфа-самцы, такие конкретные, которых самочки отфутболивают еще жёстче и которые блюют еще дальше. Снобизмом сквозит изо всех щелей.

Повсюду несчитанное количество красивых цыпочек, наряженных молодых девчонок, рыскающих в поисках плоти или просто жаждущих отвязно потанцевать. И, между прочим, это правда. До недавнего времени я сам не мог предположить, что девушки ищут в клубах нечто еще. После общения с некоторыми из представительниц прекрасного пола в кулуарах я ясно уясняю для себя, что молодые особи, причем весьма воспитанные и благодушные, могут вполне себе щеголять где-нибудь среди ужранных в дерьмину остальных посетительниц клуба, а вполне вероятно даже и танцевать на баре. Эта информация вызывает у меня когнитивный диссонанс, однако спустя некоторое время я принимаю ее как данность и начинаю использовать ее в своих целях.

В этот же момент я размышляю о том, как бы нам с Никитой грамотнее во все это вписаться, пройти всю толпу, или начать постепенно знакомиться с каждой. Тут моего плеча касается чья-то рука. Я оглядываюсь и вижу паренька ниже меня ростом. По его телосложению видно,

что он активно занимается спортом и его фигура обрамлена рельефными мышцами.

— Стасян! — узнает его Никита, и мы все вместе побратски здороваемся.

— Пацаны, здорово! — орет Стас во все горло, но даже так его не больно-то и слышно, потому что музыка грохочет на запредельной громкости.

Стас наш с Никитой школьный товарищ из параллели. Хоккеист по профессии, тщеславный бабник по натуре, а также любитель стильных вещей и распиздяй по призванию. Он играет в молодежке, получает неплохие деньги, но понтов в нем больше, и ими он расплачивается гораздо чаще. Хороший понт он ведь дороже денег.

— Парни, го к нам! Мы с Лерой сидим там за столиком, — Стас указывает рукой, в каком направлении нам грести через этот океан, и добавляет, подмигнув. — Там и для вас найдутся, если вы меня понимаете. О, кстати, не хотите азота?

Он все это время держит в одной руке небольшой шарик, зажав его между пальцами. Никита вдвухает первым половину, я за ним. Настроение сразу же взлетает до небес, и мы уже стоим веселые и подубранные.

— Погнали! — Отвечаем мы и бросаемся вслед за Стасом в гущу толпы, делая попытки пританцовывать и очаровывать дам своим деланным брутальным, но по правде говоря, беспонтовым, поведением. И хотя первоначально наша основная и единственная цель поездки была «цепануть телочек», я все же уверен, что Никита как и я рад сложившейся ситуации.

Мы протискиваемся сквозь многометровую толпу и доходим до столика, за которым восседают три чиксы. Я быстро различаю девушку Стаса Леру, у нее яркие, длинные, покрашенные в рыжий цвет, волосы. Остальные две — загорелые и симпатичные блондинка и брюнетка, на лабутенах и в коротких платьях, изящно подчеркиваю-

щих все изгибы их конечностей, растущих от ушей. Стас быстро представляет нас тем двоим и затем с манерностью пижона добавляет:

— Девчонки, учтите, я этих парней знаю еще из прошлой жизни... Ребят, с Лерой вы знакомы, а это ее сокурсницы, Лиля и Стася.

Девушки чинно надув губки протягивают нам свои выпрямленные ручки с оттопыренными большими пальчиками, чтобы поздороваться. Я мягко ощупываю каждую по очереди.

Мы садимся, заказываем коктейли, и начинается светская беседа за всю фигню, в которой участвуют все по очереди, кроме меня. Обсуждается всё, кто когда был на Крыше мира, как всем новый батл Оксимирона, как всем наскучила учеба, кто сейчас в новых отношениях, а кто наоборот расстался, кто где отдыхал, и куда поедет. Дальше девчонки начинают перемывать косточки своим знакомым подружкам, и обсуждать, кто как поступил, и почему, по их мнению, это правильно или неправильно. Потом Стас рассказывает историю о том, как наш общий старый знакомый, который в свое время курил шишки на районе, теперь вдруг принял ислам. Дальше идут уже самые неинтересные темы. Девчонки обсуждают свой маникюр, где лучше мастер и где лучше делать шеллак — новое слово в моем лексиконе.

Я сижу все это время откинувшись на спинку диванчика и украдкой слежу за ходом разговора и за движениями тазобедренной части тела одной уж слишком откровенно разодетой красавицы. Открытые туфли на высоких каблуках, резные икры, удачно созревший орешек, и самое главное, это плавные и умелые движения всем этим в такт музыке. Громкость музыки оглушает, но в какой-то момент для меня все становится таким тихим, замедленным и ненапрягающим. За столиком все активно жестикулируя вещают свою истину, а я лишь

впадаю в транс. Проходят, кажется, мгновения, прежде чем я возвращаюсь к нити повествования.

— Ладненько, мы с девочками носик попудрить, — сообщает Лера вставая, и со своими спутницами моментально исчезает.

При этом Стас, почти не дожидаясь, когда она далеко отойдет, начинает залихватски рассказывать нам историю, которой по видимости он хотел поделиться с кем-нибудь уже давно:

— Ребят, пока Леры нет, расскажу вам историю сейчас, угорите. Короче тут туса была на днях у Андрея, так мы с ним Свету Гришину... Ну, Свету... Помните эту, которая всегда была недотрогой и наряжалась так странно. Помните? Так вот мы с Андреем на двоих ее расчехлили, прямо на лестничной клетке. Пока народ бухал, мы, значит, ее под шумок...

И дальше Стас продолжает восторженно с идиотским лицом описывать детали, похоже, апогея своей половой жизни. И непонятно, то ли он искренен в своем восторге, то ли ему не хватает значимости в жизни и он тупо пытается набить себе цену «как пацану перед пацанами», демонстрируя недюжинную удаль в блядках. Мое лицо слегка теряет на вид прежний интерес, и я уже не улыбаюсь так неподдельно. Я смотрю на Никиту, тот однако же всю увлечен повествованием. А меня меж тем начинает удручать мое инакомыслие.

Я допиваю залпом свой крайний коктейль и, вставая, хлопаю Стаса по плечу:

— Кроссовок. Я пойду подэнсю, может кого найду себе, чтоб все-таки сделать это по-человечески в постели.

Мои слова из-за слишком громкой музыки почти не долетают до него.

Сегодня в клубе какое-то светопреставление, людей набилось немерено. Плотность человека на квадратный метр выше плотности кильки в жестяной банке. Все тан-

цуют, с важными лицами резвятся, девочки трясут своими прелестями, мальчики якобы ненароком эти прелести мацают. Я, пританцовывая, вскинув руки вверх, протискиваюсь сквозь возбужденную толпу и добираюсь до барной стойки.

— Водку с Рэд Булом, — прошу я у бармена, явно ощущая, что нуждаюсь в приливе бодрости. Он тут же бадяжит мне это нехитрое зелье.

Слева от меня за стойкой теснится молодая особа, на вид лет двадцати пяти. Она двигается в такт музыке, и ведет себя слегка вызывающе.

— Доброй ночи, — представляюсь я, желая познакомиться.

— Кристина, — все также вызывающе кидает она взгляд в мою сторону.

— Как дела? Как ты тут очутилась? — продолжаю я.

— Я праздную свой развод, — без тени неудобства с налетом высокомерия сообщает она. — Мои подружки где-то там танцуют.

— Что ж, — решаю я парировать это сомнительное достижение, — поздравляю. Весьма неплохо. А мы тут с друзьями отдыхаем. Что это у тебя в бокале?

— Текила Санрайз, — сухо отвечает Кристина. Она продолжает танцевать возле барной стойки, вполоборота, при этом попивая свой коктейль и изредка бросая страстные взгляды в мою сторону.

— Есть уже планы на эту ночь? — спрашиваю я, пытаюсь приблизиться к теме, окружившей аурой данное заведение.

Произнося нечто вроде «Ха» мой минутный собеседник допивает свой напиток и проскальзывает в толпу в сторону туалета.

«Тронутая» проскальзывает в этот момент у меня в голове. Я поворачиваюсь к стойке с еще оставшимся на лице подобием ухмылки. Вздохнув, я задаю себе

вопрос «А что я вообще здесь делаю?» и в поисках ответа отправляюсь блуждать по клубу.

Я нахожу много ответов, но не на свой вопрос. Блеск софитов, разлетающихся от светодиодных шаров, переливающихся всеми цветами радуги, пестрые наряды полураздетых баб, подкаченные тела парней, одетых в рубашки с закатанными рукавами и неумело пытающихся поставить себя, красиво и богато обставленный интерьер клуба, закрытая дверь туалета, в котором, по звукам, происходит неизбежное, молчаливые барменны, подбрасывающие бокалы и льющие не кончающееся топливо для того, чтобы все это действие продолжалось. Над всем этим непрерывно и всепоглощающе ревет музыка — даже не музыка, а все, что достигло хотя бы сколько-нибудь значимой строчки во всемирных чартах попсы, переформатированной в пошлый клубняк. Сквозь весь этот транс поет женский голос:

«Take off your clothes,
Blow out the fire.
Don't be so shy.
You're alright
You're alright
Take off my clothes.
Oh bless me father!
Don't ask me why.
You're alright
You're alright» (c) Imany Don't be so shy

Пытаясь остаться своим среди чужих, я поневоле прекращаю свои попытки и выхожу на улицу, где натыкаюсь на Леру:

— О привет, Стас заждался тебя там, — на автомате выбрасываю я.

Лера, уступая мне место рядом с собой, держа слимку слегка дрожащими руками, от прохлады подступающего рассвета, также молниеносно отвечает:

— Да пошел он! Задолбал, вечно ему все не так.

Поняв, что я не хочу после услышанного узнавать истинные причины ее недовольства, я пытаюсь перейти на более приятную тему:

— Слушай, а че у тебя по учебе творится? Все хорошо? Как там у Лады дела?

Услышав имя девушки Никиты, ее однокурсница делает лицо еще более мерзким и вещает, выдувая только что втянутый дым:

— А, эта шлюха, — протягивает Лера, и поняв, что я не в курсе, сообщает, — Ты знаешь, я тут недавно узнала, что она еблась сразу с несколькими парнями. После этого, она как-то перестала быть моей подругой. И еще Никита об этом не знает, капец, — на этом слове она качает головой, показывая всем своим видом, насколько она презирует свою однополчанку. — Бедный Никита, мне его так жалко, он ведь даже не догадывается. А она его водит за нос.

Я пытаюсь цензурировать эту информацию, но она сплошным потоком забирается ко мне в сознание.

— погоди, Лер, ты сейчас серьезно?

— Абсолютно! — выкидывает она. — Эту шалаву уже пол Москвы перетрахало.

Тут она поджимает губы:

— Знаешь, мне так жалко Никиту. Я уже пыталась ей сказать, чтобы она не морочила ему голову, но она... — Лера прерывисто вздыхает, и мне даже удивительно видеть ее такой жалостливой.

Уже начало светать. На наших глазах два суровых мужика облаченных в черные пиджаки выводят из клуба какую-то девчонку и выгоняют ее за ограду, перенесенную дальше от входа. Я узнаю в ней девушку, танцевавшую в одной мини-юбке на баре. Теперь же к ее и без того скромному наряду добавилась расхристанная рубашка. Она, далекая от определения «трезвая как стеклышко»,

как Москва от Владивостока, активно просит пустить ее обратно:

— Впустите меня, я не забрала свою сумку! — резко восклицает она, босая, мощным ребятам, сурово стоящим на своем. Я решаю слегка развлечься, а заодно и развеять все те бредни, которыми забили мою голову за последние часы:

— Мужики, ну что вам стоит впустить беззащитную девушку, забрать свои вещи! Будьте так добры!

— Тут без вариантов, — отвечает здоровый подкаченный мужик зрелых лет с татуировкой во всю левую руку. — Каждую ночь вижу новую бухую блядь, которая как-нибудь накосячит, а потом пытается все исправить. Так что, парень, не лезь, ты не при делах.

Я провожу еще пару минут в неравной беседе о высоком с двумя верзилами. Теряя все аргументы «за», я понимаю, что все было напрасно, и война проиграна.

О, а вот и все, — замечает один из них глядя куда-то за меня.

Я оборачиваюсь. Оказывается, кто-то все-таки принес девчонке вещи, но ее почти сразу затаскивают в только что подъехавший Hammer и увозят заниматься, как я полагаю, не совсем потребными вещами.

Тут мне становится как-то уже совсем грустно, все это выливается на меня. Я отписываюсь Никите о том, что познакомился с кем-то и уже уехал, прыгаю в ближайшее такси, называю свой адрес, и улепетываю подальше от этой обители зла.

Только в автомобиле я понимаю, насколько сильно я налился. Меня прямо-таки укачивает. Мне везет с водителем, который за всю дорогу не роняет ни единого слова — таксист моей мечты. Я откидываю спинку сиденья назад, и в забытие смотрю на город.

Я думаю обо всем, что со мной произошло сегодня. Думаю про пары, потом про эту полуголую девку, так наг-

ло отвергнувшую меня, затем думаю про Никиту и его спортивные диеты, вспоминаю Ладу, морщась при этом. Дальше переключаюсь на Стаса с Лерой, и не понимая каким образом у них получается быть вместе, вспоминаю эту разнузданную любительницу степа на барной стойке. Где же она сейчас? Что с ней творится? Нет, пожалуй, я не хочу этого знать.

«Да уж, слишком много голых девиц из расчета на один трудодень» думаю я про себя и растираю руками лицо.

«Сегодня весь день, а точнее всю ночь происходил какой-то абсолютно загадочный и неподвластный рациональному объяснению пиздец. И я был главным героем всей этой эпопеи. Как я вообще дошел до этого? Что происходит с моей жизнью?» говорю я себе, а из колонок Клаус Майне мягким тенором тянет свой вечный хит про ветер перемен:

«I follow the Moskva

Down to Gorky Park listening to the wind of change

An August summer night,

Soldiers passing by listening to the wind of change»

Я приоткрываю окно и меня потихоньку начинает убаюкивать колыбель утренней Москвы — такой спокойной, такой тихой, такой не дающей ответы ни на один из моих вопросов.

Крыша мира

То есть, твоя жизнь, это такая череда случайностей...

(с) Интервьюер

Да... а твоя жизнь нет? Ты думаешь, твоя жизнь запланирована что ли?

Жизнь — это реально череда случайностей, и что самое главное, что и ты умрешь, и я умру, и все что мы делаем оно будет забыто, и мало того, что все, кто сидят в студии умрут, и студии не останется и планеты тоже, но вопрос в том, что я живу так как считаю правильным, то есть у моего жизненного пути есть сердце

(с) Интервьюируемый

Я в который раз сижу на одной из пар по «управлению» чем-то, переписываюсь вялой рукой с некой Настей Мельниковой с другого факультета. Нами обсуждается глубина романтизма в поэзии Шекспира, вместе с ним речь идет о том, какой мелодраматичный кинчик сейчас на больших экранах, и стоит ли его смотреть.

Попутно я с повышенным интересом листаю новости в ленте, где встречается море разных демотиваторов, жизнеутверждающих цитаточек из классической литературы, по ошибке приписываемых известным медийным личностям и эротических фотографий с обнаженными женскими фигурами в интересных позах. Также встречаются

новости о том, как внеочередная киноикона разводится с какой-нибудь звездой музыкальной индустрии со всеми вытекающими из этой истории скандалами. Иными словами, выражаясь языком предмета, интерес к которому мы всей группой так натурально пытаемся изобразить на текущей лекции, учебный день проходит с максимальным коэффициентом полезности.

Открывая сообщения, вижу, что Настя предлагает сегодня после пар встретиться на Чистых. Я, с любопытством улыбаясь, не могу припомнить ни одного раза, чтобы девушка предложила что-нибудь первой. Хотя наверняка это резонно, потому что мы уже довольно давно общаемся, пересекаемся по роду деятельности, посещаем одни и те же мероприятия, каким-то образом умудряемся очутиться в одном и том же месте, при этом совершенно случайным образом.

И сколько бы это не происходило, у меня с самой первой встречи появляется какой-то неподдельный интерес к ней. Что-то сродни платоническому чувству, только без чрезмерной протечки чердака и с присутствием в наших диалогах чего-то возвышенного, духовного. Это заставляет меня порой думать о ней и набирать ей периодически энное количество символов, за которыми я пытаюсь спрятать что-то хорошее в себе, и мне кажется, что с ней у меня это выходит.

«Ок, я в теме» отписываюсь я, досиживаю пару, а затем с не совсем чистой совестью покидаю стены образовательного заведения направляя свои стопы в сторону метро.

* * *

На подъезде к станции я не замечаю ничего необычного. Толпы людей снуют туда-сюда в попытках успеть заскочить в вагон поезда в последний момент в надежде

сэкономить пару минут. Единственное, что дает мне возможность провести маломальскую градацию между ними, это их намерения и, как следствие, стиль их поведения. По этому признаку в метро все делится на 2 типа.

Первые — это замученные городской суетой трудяги, которые как зомби качаются в вагоне на работу и с работы уткнув свой взгляд в одну точку, готовые маму родную продать за сидячее место, даже если выходить им нужно на следующей станции. Эти индивиды всегда вызывают у меня смешанное чувство сострадания к ним за их предрешенный финал и безразличие за этот не вполне осмысленный выбор. Причем степень боязни потерять эту самую работу прослеживается по аккуратности внешнего вида.

Вторые — это совершенно иная каста прогрессивной пролетарской молодежи от пятнадцати до тридцати пяти лет. Они не выпускают из рук продукцию фирмы Apple, всегда имеют на своих лицах выражение абсолютной занятости и важности, а на себе хотя бы один атрибут, говорящий об их принадлежности к современной попсовой культуре. Это могут быть белые кроссовочки Nike, до неприличия зауженные джинсики Calvin Klein, модная пидарковатая кофточка Zara с заворачивающимся воротником, шарфик, или какая-нибудь свисающая шапка-гондонка от еще одного пресловутого бренда. При этом они все страдают от перманентно неутолимого недотраха. Девочки либо строят из себя явных недотрог и боятся посмотреть куда-нибудь кроме монитора своего Iphone'a, купленного в кредит или за папины деньги, либо активно и на показ разыгрывают спектакли в компании себе подобных, совершая изящные движения, бесконечно делано улыбаясь, болтая о всякой несусветице и стараясь побудить к себе интерес, причем далеко не ментальный. Парни же, тождественно своим инополым соратницам, либо стараются прогнать мысли об основном инстинкте,

впадая в полное оцепенение от боязни прожечь дыру на джинсах в области паха и избегая любого контакта с противоположным полом кроме аккуратно-зрительного, либо же строят из себя самцов типа альфа и с деланным хлебалом оказывают невербальные знаки внимания любой, кто обратит свой взор на оного. В воздухе, особенно в теплое время года, пахнет сексом так, что штаны намокают просто от дуновения ветерка.

Все остальные типажи, которых волей судьбы засасывает в себя подземка, это скорее исключения, подтверждающие правило, такие как мамы с детьми, гасторбайтеры, или же иноземцы.

Через мгновение я оказываюсь на маленькой площади, прилегающей ко входу на станцию метро «Чистые пруды». Народу немало, одни идут от одного пешеходного перехода к другому, другие торчат парочками вблизи, пытаюсь удовлетворить свою социальную потребность в общении. Люди заходят в палатки, идут в Макдональдс, аккуратно курят у колонн. Иначе говоря, проистекает обычный беспечный столичный вечер в центре.

Я не сразу ориентируюсь, где бы мне встать, поэтому облакачиваюсь о ближайшую колонну и начинаю высматривать кого-нибудь похожего на тайного экстремиста, затевающего нечто незаконное, желательно чтобы он еще и выглядел хотя бы немного похожим на ту мадам, написавшую мне часами ранее.

Тут меня хлопают по плечу, я оборачиваюсь. Передо мной стоит парень среднего роста ничем не примечательного телосложения с темными короткими волосами, слегка заметной небритостью, и подкупающий своей бесцеремонностью и улыбкой.

Матвеей! Здравствуй! — вылетает у меня, — Какими судьбами? Ты как здесь вообще?..

Привет, братиш. Я тут так чисто проездом, — не давая мне закончить, отзывается Матвей, и, понизив голос,

с вороватым лукавством, продолжает. — Но скажу тебе по секрету, я тут по той же причине, что и ты.

Матвей, это мой бывший районный дружбан, с которым мы не раз коротали юные дни, будучи героями разных прикольных историй. По натуре Матвей всегда был кутилой и лентяем, весельчаком и позером, активистом и наркоманом, предпринимателем и бабником, душой компании и человеком крайне нестандартного поведения. Такой человек-мем, живущий одним днем и всегда вопреки, не сдержанный никакими барьерами, не загнанный ни в какие рамки, не пуганный никакими страхами, истинный, настоящий, аутентичный. Сколько я его знаю, его самой любимой цитатой был лозунг рок-рола: «Live fast, die young», который он везде, где бы ни оказался, выводил аккуратным красивым почерком на самом видном месте черным толстым маркером. Иногда я и сам велся на поводу у его безудержного антисистемного свободолюбия. Сперва приспособливался прыгать через турникеты в метро, когда там еще не было ментов, потом начинал таскать из магазинов по мелочи, чтобы не переплачивать за тех, кто крадет. Затем, когда нас однажды чуть не приняли, я все-таки пришел к тому, что философией жизни должно быть не желание украсть, а желание больше заработать, и пропахшие табаком и травой руки начали одевать боксерские перчатки, поднимать гантели, подтягивать тело на перекладине и временами ощупывать упругие выпуклости на девичьем теле. Так наши пути разошлись, но мы не перестали общаться.

Мы подходим к памятнику Грибоедова, у которого уже стоит компания хипстерья. Влюбленная парочка, непрестанно держащаяся за ручку, обколотый татуировками с ног до головы парнишка с черным рюкзаком, перекаченный на вид любитель пирсинга в смешных коротких джинсовых шортах и наглухо затонированных

очках как у Гарри Поттера. Рядом эмочиха, раскрашенная везде всеми цветами радуги с ярко розовыми волосами, и еще одна девчонка, без лишнего грима или железа на лице, одетая просто, но со вкусом, в которой я сразу же узнаю Настю. Что ж, стоит признать, не все девчонки в соцсетях пользуются фотошопом, хорошенькая.

Когда мы подходим, народ узнает Матвея и самые активные выступают вперед поздороваться с ним. Матвей всех как братьев тепло приветствует и жмет руки. Видно, что для некоторых он не просто известная в узких кругах личность, он само олицетворение контркультуры, он самый настоящий из всех. И это, безусловно, делает ему честь среди таких вот нынешних, кастрированных любителей протеста.

Пройдя некоторое расстояние по бульвару от памятника, мы, стараясь не попадаться на глаза, проходим через арку одного из домов на бульваре. Во дворе никого, и мы дожидаемся пока нам откроет выходящая из ближайшего подъезда старушка. Она, как и все люди из другого, уже далекого для нас поколения, смотрит с удивлением на всю нашу внешнюю атрибутику, с горечью качает головой и топает вперевалочку дальше. Мы, все вместе аккуратно забежав в подъезд, поднимаемся на самый последний этаж: кто, набившись в лифт, кто, перескакивая за раз по две ступеньки. Поднявшись на еще один пролет выше, нам преграждает дорогу стальная кованая дверь запертая на замок. Я размышляю, как же мы будем выходить из этой ситуации. Но Матвей не мешкая достает из черного рюкзака парня, приличных размеров болторез, и откушенный замок с грохотом ударяясь падает на пол. Открыв дверь и раскусив хомут, держащий закрытым маленькую железную дверцу ведущую на крышу, мы отворяем ее.

И вот нашему вниманию открывается неопишуемой красоты картина. Солнце еще светит, но уже не так свет-

ло, как в полдень. С крыши видно бульварное кольцо, уходящее по краям в свой плавный занос. Металлическая крыша почти пологая, с небольшим наклоном, местами проржавевшая, шириной метров в 10, с торчащими вдоль нее шахтами и возвышениями с дверьми из других подъездов. По краю крыши установлено низенькое ограждение, высотой не выше колена.

Народ сразу же достает из сумок лежаки, одеяла, и устилает ими все, образуя круг, а в центре паренек по имени Петя, если я правильно расслышал, устанавливает кальян и разжигает угли. На местах появляются сразу же бутылки со всяким дешевым пойлом, типа Bud`а и дешевого винчика. Мы все рассаживаемся. Девчонки сразу же начинают делать фоточки друг дружки. Здесь она на фоне заката, здесь она с подружкой, здесь она просто вся такая-растакая. Парни прикалываются, пробивая лося, и убегают куда-то по крыше. Настя садится и помогает Петру, чем может, но он ей не особо дает участвовать в этом деле.

Кто-то садится рядом и начинает вести свои игровые рассуждения на тему того, кто что видел на днях интересного, какие крыши в Москве стоит посетить, какие крыши открыты, а куда лучше не соваться. Девчонки сразу же просят покурить кальян и начинают болтать между собой. Парни, закуривая Парламент или Мальборо, обмениваются мнениями о проведенных ранее акциях вандализма, о намеченных датах для проведения новых, и о всяких дворовых мутках нынешней московской андеграундной тусовки. Они рассказывают про то, как они катались на крышах электричек, про то, как разрисовывали граффити мосты и заборы подворотен. Как приняли участие во всемирной акции «день без штанов» и как провели денек после этого в обезьяннике.

Я сижу сбоку и слушаю все эти истории ребят, которым по большому счету просто нечем заняться в жизни

и именно поэтому они выдумывают себе какие-то беспонтовые занятия, называя это свободным творчеством, а себя — независимыми художниками и творцами реальности. Сомнительное достижение — засирать стенки краской, пытаясь повлиять на происходящее и рассчитывая, что на кого-то это возымеет эффект.

Матвей берет слово на негласных правах организатора этой всей движухи и освещает свои недавние достижения. Из его слов я узнаю, что недавно он с еще парой-тройкой человек совершил в метро поджог дымовухи для того, чтобы показать людям, как близко с ними может произойти инцидент и пронаблюдать за тем, как много людей станут с этим что-то делать. Потом он рассказывает о том, как потратил уйму времени и сил на то, чтобы ночью, на стене старого дома в центре, пока никто не видит и в торопях, нарисовать огромную граффити со словами «Люди, не верьте никому! Все вокруг лгут!». Далее идут повествования о менее мощных общественных акциях, скорее даже безобидных. Интервью у людей на тему современных представлений о нравственности и развитии общества, пранки самых разных сортов, приколы, розыгрыши.

Я все сажу и слушаю. У меня внутри не вяжется эта крыша, кальяничик и пивко со стремлением изменить этот мир к лучшему и желанием влиять на общественное сознание. Сидит хипстерё, которое в жизни своей не сделало ничего более внушительного, чем рисунок на стене или взлом крыши, и рассуждает на тему высоких материй. Они словно действительно считают, что меняют что-то в этом мире и в этой стране, в этом городе и в своей жизни. Массовая культура настолько подчинила их себе, что они даже не отличают настоящую помощь обществу и какой-то галимый, никому не нужный и не замечаемый, популизм. Собачке бросили косточку под видом стремления к общепринятым идеалам, и они

сломя голову бросились за этим фейком. Очевидно ветер гуляет сейчас не только по крышам домов.

А меж тем все уже подвыпили и полёт мысли стал более приземленным. Девочка по имени Кристина, продолжая держать за руку своего возлюбленного, при нем же выливает всю грязь их отношений и рассказывает, как им живется сейчас вместе, чем они занимаются, как рука об руку проходят через жизненные трудности. Ну да, это ей-то эти трудности знакомы, как никому. Девушки незаметно переходят на рассуждения о своих интересах, которые территориально не движутся дальше салонов красоты, парни же попеременно замолкают не находя того, чем поделиться в безраздельном молчании московской осени.

А солнце уже действительно приблизилось к кромке горизонта и вот-вот начнет уже засасываться в эту запретную даль. Зелень ветвей на деревьях вдоль бульвара шелестит под легкими дуновеньями вечернего ветра. Людей внизу становится меньше. Я откидываюсь на локоть и оглядываюсь по сторонам. Отсюда открывается вид, который нельзя передать словами. Видны крыши домов всей столицы. Все дома разные, высокие и не очень, с красными, серыми, бурыми крышами, покатыми, пологими, рассыпаются вдоль пространства, как волны застывшего окаменелого океана. Отсюда видны некоторые сталинские высотки, Москва-сити, недавно построенные жилищные комплексы и бесконечно далекий горизонт, недостижимый, сколько бы ты к нему не приближался. Окна домов загораются огнями образуя своей яркостью карнавал света, в котором каждый переживает какую-то очередную житейскую драму. Снизу слышен шум гудящих иномарок и нескончаемый гул, заполняющий пустоту пространства, нас разделяющего.

У кого-то под боком валяется портативная колонка, из которой уже довольно долго раздаются негромко впе-

ремешку и транс, и диджей-сету, и Ляпис Трубецкой, но сейчас я улавливаю нечто очень сильно похожее на La Roux «In For The Kill», но вроде бы это ремикс:

«I'm going in for the kill
I'm doing it for a thrill
Oh I'm hoping you'll understand
And not let go of my hand»

Меня возвращает к реальности Матвей, лежащий рядом. Он кладет свою руку мне на плечо:

— Братиш, пошли перекурим вон туда, заодно поговорим, давненько с тобой не виделись.

Я киваю, мы аккуратно встаем, дабы не нарушить идиллию, сложившуюся в этом укромном уголке, и отходим.

Матвей достает Парламент Аква Блю, протягивает мне пачку, и мы закуриваем. Воздух заполняется дымкой и я слышу:

— Ну что, рассказывай, как твои дела, как учеба?

Я затагиваюсь и на выдохе отвечаю, чуть более низким голосом:

— Все супер, только вот здесь она у меня уже, — и я указываю двумя пальцами на шею.

— Это у всех такая фигня, меня тут чуть не выгнали, прикинь? Я всегда был проблемным студентом, но тут вообще край. Я не сдал все зачеты, и меня не допустили к экзаменам. Короче я почти жил неделю в универе, чтобы меня не отчислили...

Матвей рассказывает какую-то конкретику, которую я пропускаю мимо ушей, наблюдая за дивным природным явлением захода солнца.

— ...Короче жуть, — подводит Матвей итог.

— Ну, хорошо, что я не дошел до этой грани, хотя пересдач у меня хватало.

Матвей становится, как и я, лицом к закату и облакачивается на шахту крыши:

— Братиш, а помнишь, как мы с тобой забухивали в школе? Помнишь первый раз?

— Такое забыть невозможно, — смеюсь я.

— Это было что-то. Ты помнишь, я, Катя, ты и Юлька. Мы сидели, о чем-то говорили, и все было так хорошо, так просто. Никаких тебе университетов, никаких мыслей о будущем, ничего. Только общение и виски.

— Ну да, а я вот помню, как мы с тобой пошли еще за одной, когда у нас кончилось все.

Матвей выпускает дым:

— Дааа... Этого я тоже не забуду. Мы пошли в ларек через полрайона, нам по пути чуть не дали люлей и оказалось, что ларек закрыт. А в итоге на обратном пути, прям у дома, нам продал какую-то палёнку мужик из багажника своей тачки, помнишь?

— Да уж, молодость, — усмехаюсь я, — Такой трешак не забудешь.

Мы докуриваем сигареты и бычкуем. Я, все-таки движимый интересом к общественной деятельности моего старого приятеля, ухожу в другую тему:

— Слушай, Матвей, ты извини, что я спрашиваю, но что это за херней вы тут все занимаетесь? Я весь вечер пытался врубиться во всю вашу движуху, но в результате врубился затылком в плед.

— Ооо, это наш неумолимый молодецкий пыл, ищущий куда бы излиться, ищет приключений.

— Я надеюсь, что так, потому что это полный бред. Пацаны, которые не самоутвердились нигде больше, пытаются самоутвердиться разрисовывая заборы и разыгрывая людей, при этом сейчас забухивая дешевым пойлом на крыше. И это они называют общественной деятельностью? Это у них стремление к идеалам? Что они хотят этим изменить, своё здоровье?

Матвей смотрит на меня каким-то нераспознаваемым взглядом, изучающе.

— Чувак, ну да. Мы пытаемся делать то, что в наших силах. Задавать вопросы, навеваемые нам духом нашего времени, и пытаться узнать ответ, совершая такие вот поступки. Поверь, это лучше, чем просто ничего не делать. Я это уже пробовал. Так хотя бы не подымаешь от скуки.

— Да, это так. Но я диву даюсь, насколько вы считаете себя чем-то крутым. Еще называете себя так, творцы, художники, меняющие реальность. Это ведь полный бред. Это только выглядит прикольно, а если вдуматься. Да тебя за экстремизм закроют в один такой погожий денек, и в универе ты уж точно не восстановишься. Хотя, конечно, это будет тебе на руку, ты станешь прям своим в доску активистом, прям тру борцом за... А, кстати, я так и не понял из всего этого винегрета, а за что ты борешься, или против чего?

Видимо, я зацепил Матвея за живое, потому что он достает еще одну сигарету и снова закуривает:

— Братиш, меня просто так заедало все вокруг. Все это информационное поле, забитое пропагандой, а если не ей, то обязательно лицемерными нравоучениями, эгоистичной коммерцией или же просто пустой глупостью оголтелого быдла.

Я, соглашаясь, киваю:

— Факт... Но что ты с этим поделаешь? Это неизбежный придаток нашего сегодня, в котором даже самая последняя проститутка, имея свободу слова, пользуется ей. Это ведь как... это двигатель нашей цивилизации на сегодняшний день, если угодно...

— Ага, но ты ж пойми, все мои акции направлены на то, чтобы привлечь внимание обыкновенных людей. Я только хочу, чтобы они улыбались и понимали, что есть еще кто-то, кто живет свободной жизнью. И я конечно понимаю, что большинство клали на это. Но наше поколение, оно-то понимает, оно знает, что в нас есть потен-

циал к развитию, что мы можем не просто посещать какие-то шараги, проводя там приятно время, а потом забывая на абсолютно ненужные домашние задания идти бухать в какой-нибудь Сохо, если тебя туда вообще впустят. И до них потихоньку доходит, это очевидно. Им это открывает глаза.

Мне становится теперь абсолютно понятен весь популистский настрой моего старого товарища и я пытаюсь его вразумить:

— Слушай, Матвей, мне бесконечно милы твои активистские настроения, и я очень хотел бы с тобой согласиться, но ты ведь понимаешь, что глаза у нас в стране открывает мет и Ютуб, и то у тех, кто эти самые глаза способен открыть? А что-либо изменится только тогда, когда жрать станет нечего. А пока извини, но твои акции, это всего лишь стремление к славе, и попытки убежать от беспечности и скуки, ничего больше.

Матвей при этом бросает на меня взгляд достаточно грустный.

— Нет, ты просто еще не понял. Рано или поздно мы все станем единым целым с миром, и все эти движения и митинги действительно потеряют смысл. Но пока что мы страна, которой нужны герои, нужны люди, которые бы в рутинной суете помогали нам не терять своих ориентиров. И я делаю это именно поэтому.

— То есть мы сейчас говорим, прям, уже открыто о политике? Черт, Матвей, честно, я не ожидал, когда сегодня мне написала твоя до бесконечности милая коллега, что я буду стоять с тобой в центре Москвы на крыше мира и двигать такие речи на острые темы. — Я с улыбкой качаю головой, и смотрю куда-то вниз. — Что ж, ок, тогда Расскажи мне какое у тебя видение будущего?

— Да, я тоже не ожидал, что ты так активно вступишь со мной в полемику, учитывая, что ты не участвуешь в наших движениях, да и насколько я знаю, ни в каких

других. Но, тем не менее, я рад, что есть такие люди, пусть даже они не готовы пойти до конца. А отвечая на твой вопрос, скажу. Нас ждет развал нашей державы и только.

— То есть все, что сейчас есть, мы потеряем?

— Нет, во-первых, у нас ничего сейчас и нет, а во-вторых, мы как раз-таки приобретем, когда соединимся с этим большим современным миром.

Видя, что у меня остаются вопросы, Матвей продолжает:

— Ну, а к чему мы хотим прийти? Ради чего мы сейчас так активно отстаиваем наши геополитические интересы? Для чего мы все еще хотим выиграть эту гонку? Во имя чего мы сейчас идем на конфликт со всем миром? Во имя чего сейчас лишаемся возможности комфортной жизни? Во имя чего отказываем себе в интеграции? Во имя нашей уникальности, во имя своей самобытности? Во имя абсолютной выдумки, того чего нет?

Я какое-то время обдумываю, произнесенную речь:

— Знаешь, в каком-то смысле я не могу с тобой не согласиться, но все же, я так и не понял... Про что ты? Ты всеми своими акциями пытаешься донести какую-то идею, но сейчас даже я не могу ее понять. Ведь история творится в эту секунду, здесь и сейчас. И вместо того, чтобы пытаться совершать что-то реально полезное легально и не столь показательно, типа теории малых дел, ты делаешь то, что ты делаешь.

— Ты упускаешь из виду один нюанс. Историю творим мы с тобой, братиш. И пусть даже я делаю это все слегка пафосно и маргинально, но это мое видение, и мне кажется это всяк лучше, чем сидеть дома в носу ковыряться. Пойми, в жизни всегда есть что-то большее...

На этих словах к нам подходит девочка-эмо и спрашивает витающим в облаках голосом, спускаясь с небес на землю:

— Ребят, у вас нет зажигалки? А то ни у кого нет, и я

свою не могу найти.

Матвей спокойно достает зажигалку из заднего кармана шорт и прикуривает ей сигарету. Она затягивается и выдыхает клуб дыма в небо. Я стою и смотрю, как дым улечучивается, обнажая слепящее пятно заходящего солнца. При этом выговариваю:

— Лады, Матвей, все с тобой понятно. Пошли, нас уже заждались.

— Погнали, а то все эти дебаты мне уже часом поднадоели.

Мы возвращаемся к тусовке, отбираем у влюбленной парочки кальянную трубку и достаем из рюкзака себе по бутылке чего-то слабоалкогольного сомнительного цвета. Мы чокаемся со всеми, у кого в руках оказывается какой-то напиток, и продолжаем наслаждаться жизнью.

Меня по-прежнему не покидает мысль о том, что я лишний на этом празднике жизни, и даже не потому, что я не согласен с мнением окружающих или не вижу смысла в их поступках. Я не вижу будущего в них. Сплошные приколисты, алкоголики, тунеядцы и бездельники. Если они хотят что-то серьезно поменять, то им надо созывать людей, организовывать общественное движение, лезть на баррикады, протестовать. Но никак не взламывать крыши, чтоб прибухнуть на закате, портить своими весьма непрезентабельными художествами чью-то собственность или разыгрывать людей с целью развлечься. Я еще какое-то время провожу в своих мыслях на тему политической борьбы сегодняшнего дня.

Тут парнишка недалеко от нас, чье имя я не запомнил в спешке, сидящий на краю, смотрит вниз и, оборачиваясь, с круглыми глазами доносит:

— Бля... пацаны... там менты подъехали.

Сперва все как один замолкают, и даже становится слышно, как внизу кто-то, матерясь, гнет свою линию. Затем по закону жанра начинается хаос и анархия. Кто-

то начинает метаться в поисках убежища, кто-то просто исполнять какую-то херь, одна девчонка начинает верещать, что ее уже давно заждались дома, а она тут зачем-то.

Я резко встаю и подбегаю к краю крыши. Пригнувшись, на четвереньках я аккуратно выглядываю вниз. Внизу действительно стоит полицейский УАЗик и моргает синими мигалками. Двери открываются, из дверей вылезают трое ментов, двое из которых поднимают голову наверх, выискивая кого-то взглядом. Я резко отстраняюсь и прижимаюсь к крыше. Внутри сковывает какой-то животных страх, но голова не теряет своего хладнокровия. Да уж, попадалово.

Матвей, тем временем, поднимается с видом человека, для которого это все не впервой, и произносит спокойным и озорным голосом:

— Ну, что, ребят, а теперь по съёбкам.

Тут уже все бросаются в разную сторону. Парень с кальяном в оперативном режиме стряхивает все на крышу и скручивая убирает аппаратуру в свой рюкзак. Настилы безжалостно растаскиваются и пихаются по сумкам. Влюбленная пара схватив свой плед, бежит по крыше в сторону другого дома, расположенного рядом. Матвей, оборачиваясь ко мне, поднимает вверх ладонь и кидает:

— Ну что, братиш, рад был повидаться, еще встретимся!

И он убегает за парочкой.

— В смысле? — кричу ему я. — А ты куда?

— Текать, куда, — на бегу роняет Матвей. — Ты иди с Настей, она знает куда надо.

Я стою у края крыши, слегка обескураженный от происходящего, и потерянный. Один парнишка, самый жилистый из всех, начинает спускаться вниз по балконам, без страховки, предварительно объявив:

— Они уже зашли в подъезд.

— Ты-то куда?! — бросаю ему я.

— Я знаю, что делаю, — отвечает он.

Оставшиеся три человека, добегают до дверцы в соседний подъезд и, взломав ее, спускаются. Настя, с обезоруживающей улыбкой, берет меня, потерянного, за руку и, утаскивая за собой, говорит:

— Иди за мной, я покажу куда.

Я доверяюсь единственно правильному инстинкту и следую за ней. Мы открываем дверь, через которую мы попали на крышу. Настя забегает первой, я за ней. Спустившись, Настя устремляется вниз по ступеням, максимально прижимаясь к стенке, я повторяю за ней. Мы спускаемся до шестого этажа настолько бесшумно, насколько это возможно, учитывая адреналин, заставляющий слышать, как колошматиться сердце о ребра. Душа уходит в пятки, а руки леденеют в процессе этого безумства. Я слышу как снизу, всего в нескольких пролетах от нас, громыхают ботинками недоброжелатели.

Настя подбегает к одной из дверей, держа уже наготове ключи, легким точным движением засовывает один из них в замочную скважину, и о, ура, дверь открывается. Настя забегает, и сильным движением затаскивает меня внутрь. Потом выверенным быстрым и тихим толчком закрывает дверь и защелкивает на щеколду. Мы спасены, вроде бы...

Настя пальчиками скидывает кофту и кроссовки и проходит в одну из комнат, зовя меня за собой. Я, насколько это могу, повторяю за ней и захожу в комнату. Все происходящее кажется настолько невероятным, что я чувствую, будто нахожусь во сне. В нем я вхожу в обыкновенную маленькую спальню с рабочим столом, за которым стоит монитор, клавиатура, мышка, и лежат стопочкой какие-то учебники, тетрадки, листочки, ручки. Сбоку стоит опрятный маленький розовый рюкзачок. На стене висит плакат Стивена Тайлера. Односпальная, но довольно широкая кровать стоит под ним. Рядом небольшой

шкафчик, полуоткрытый, в котором можно наблюдать некоторые из облачений владельца комнаты, футболки, пуловеры, свитшоты и так далее. Освещает всю эту композицию двустворчатое остекленное окно.

— Ну вот, мы у меня. Сейчас они побесятся и уйдут, — произносит Настя, явно уже прошаренная в таких ситуациях.

— Я в принципе догадался, что это твоя комната, уж больно мило, — все еще оглядываясь, говорю я.

Слышно, как мимо нашей двери проходят, тяжело ступая, чьи-то тела. Я немного напрягаюсь, пока не убеждаюсь, что они пошли дальше. Немного помедлив, я продолжаю еще более тихим голосом:

— Да, миленько у тебя тут. А я и не подумать не мог, что ты такая разбойница.

Квартира, насколько можно судить, еще годов семидесятых. Достаточно высокие потолки, посему высокие деревянные двери, уже облупившиеся местами. Я б ее назвал трехкомнатной хрущевкой, слегка обшарпанной, но, тем не менее, оставляющей в душе легкую ностальгию по былым временам. Именно в таких квартирах когда-то раньше созидалось такое понятие как «разговоры на кухне».

— Да я не особо... Но так... Бывает, — слегка смутившись отвечает Настя. — Я тут с бабушкой живу. Она сейчас в отъезде, поэтому, я специально знала, что здесь можно переждать, если что.

Очутившись в определенной безопасности, я чувствую какую-то возбужденность, но при этом легкую усталость, я прислоняюсь спиной к стенке, мои ноги подкашиваются, и я сползаю вниз на пол, который весь устлан какой-то тонкой затертой коричневатой материей на манер ковра. Я поджимаю колени, кладу на них руки и запрокидываю голову на стенку. Скосив глаза в сторону Насти я наблюдаю за своей спасительницей. Она, как ни

в чем не бывало, очень скромно и мило поднимается с кровати и, подойдя к окну, открывает его и садится на подоконник. Уже достаточно стемнело, и ее манящие черты в этой полутьме, кажутся воплощением сказочного образа. Мне это напоминает строчки Василия Михайловича, идеально описывающие текущий момент:

«Образ идеальной, вырванной из книг,

Прошу, приходи в этот мир хотя бы на миг»

— Нааасть, — протяжно и немного сипло обращаюсь я к темному силуэту, повернув голову.

— Что? — Улавливаю тихий спокойный ответ.

— А ты давно здесь живешь?

— Ууф... — Произносит она, и я слышу звук затворяющегося окна. — Холодно... Лет с десяти. Я раньше в Подмоскowie жила с мамой, а потом переехала.

Она подходит изящной отточенной походкой, ступая босыми ногами по настилу, и присаживается рядом со мной, вытягивая ноги.

— Я всю жизнь мечтала жить в Москве, знаешь, встречать здесь рассветы, провожать закаты, как сегодня, жить где-нибудь в центре. — произнося это, Настя устремляет свой задумчивый взор куда-то в сторону. Подводит итог она более резко и с улыбкой. — И вот я здесь.

Мы так и не включаем свет, потому что до сих пор остается некоторый не поддающийся рациональному объяснению страх, что нас это может выдать каким-то образом, хотя я уже даже начинаю привыкать к этому манящему полумраку. В нем Настя выглядит сродни древнегреческой богине, вызывающей непоколебимое желание обладать ее афродитскими чертами, которые, будучи такими нечеткими, оставляют загадку. Я же сижу как Зевс, оставляющий молнию на джинсах застегнутой, дабы не попортить это волшебство своей изменчивостью, непрестанно рушащей все, что мне дорого в моей жизни по принципу домино.

За дверью квартиры до этого момента не было ничего слышно, теперь же стало понятно, что менты, не найдя никого на крыше, но явно зная, что мы где-то по близости, начали спускаться вниз.

— Я так рад, что твоя мечта это всего лишь жить в Москве. Точнее... Я хочу сказать, это здорово, должно быть ты уже счастлива, — отвечаю я, выдержав эту минутную паузу, затем с улыбкой в голосе добавляю. — Знаешь, я, пожалуй, сделаю следующим образом.

Я аккуратно кладу свою голову ей на ноги, а она кладет свои руки мне на шею и начинает очень приятно гладить своим маникюром по моей коже, отчего по всему моему телу разливается блаженство. — Ты ведь не против?

Настя, смотря на меня сверху вниз, склонив голову на бок, широко улыбается:

— Конечно, нет. А какая у тебя мечта? Какая-то непростая?

— Какая, какая? Моя мечта ловить ребятшек, чтобы они не упали в пропасть, — начинаю я серьезным тоном, и потом плавно перехожу на иронический. — Они бегают, играют, а я бегаю за ними и ловлю их... над пропастью во ржи.

Я прыскаю со смеха, Настя тоже отводит взгляд, улыбаясь.

— Моя любимая книжка тоже. Но, а вот если серьезно?

— А если серьезно, то... моя мечта сейчас, это абсолютно гедонистично лежать с самой лучшей девушкой в мире, смотреть сквозь сумрак в потолок как на звездное небо, ощущать каждым нано сантиметром кожи всю эту теплоту и забыть обо всем остальном... честно...

Немного переждав, я добавляю:

— И еще думать, куда же Матвей, зараза, слился в такой ситуации, оставив нас на произвол судьбы.

— Ну, не на произвол... Все-таки все сложилось как нельзя лучше, не правда ли?

Тут я приподнимаюсь и оборачиваюсь к Насте лицом к лицу:

— Или он намеренно это сделал? Что думаешь, судьба?

— Я думаю, что... а может ну его?

Я все это время смотрю на ее губы, она очень мило улыбается в сумраке и, кажется, чувствует то же самое что и я. Наши лица потихоньку сближаются.

Тут на меня нахлыывают резкие эмоции из моего вездесущего прошлого. Я сразу вспоминаю все свои истории, которые всегда имели бесконечно херовые завершения. Они калейдоскопом начинают кружиться в моей памяти, меняясь по своей сущности. И венцом этих всех историй висит неудачно завершившийся роман с Викой. От всего этого бульона страстей, вместе с безмерным желанием оставить хотя бы эту сказку жить во мне подольше, я стопорю себя.

«Настя такая милая неиспорченная девочка. Не дай себе ей навредить, ты себе этого никогда не простишь» говорит мне мое подсознание.

Тут же прилетает абсолютно другая ласточка «Угу, какой там, да все они шлюхи, а эта, наверное, еще более прожжённая, чего тебе стоит. Возьми ее прямо здесь и сейчас, каков шанс-то а? Вы здесь одни, она такая молодая, такая невинная, такая сочная. Трахай и не думай, иначе точно будешь жалеть»

От всей этой неразберихи я совсем путаюсь, и когда наши губы уже почти прикасаются друг к другу, я вдруг срываюсь и резко поднимаюсь, говоря:

— Слушай, я вспомнил, мне надо сегодня еще заехать к одному товарищу, совсем забыл.

Сперва Настя теряет дар речи. За это время я дохожу до своих кросс и успеваю даже напялить один из них.

— Что? Какой друг? — успеваешь опомниться Настя. —
Постой... Не уходи...

Но я быстро вылетаю за дверь, обронив на ходу что-то невразумительное, а-ля «Извини, Насть, срочные дела, я совсем забыл».

Я пулей слетаю по лестнице и выхожу из подъезда. Коря себя за всю свою слабость и глупость, досадуя оттого, как можно быть настолько невезучим мудаком и придурком, я быстрым шагом иду через двор и прохожу сквозь арку, и опа... Меня окликивает один из дядек блюстителей порядка. Черт, как же я мог забыть про них? В спешке совершенно потерял голову.

Они стоят вдвоем на проезжей части у бордюра, такие рисованные, прямо как из комиксов, а на их спинах красуется гордая надпись «Полиция». Даже слезу можно пустить. Один из них, стоящий ко мне лицом кидает мне:

— А ну парень, стой. Документики можно?

Я останавливаюсь, и у меня уходит несколько секунд на то, чтобы собраться и придумать себе достаточно правдивое алиби.

— Да, — говорю я максимально уверенным тоном, на который только способен, достаю паспорт и передаю его в руки представителя закона. — Что такое? Что-то случилось?

— Случилось, гражданин, случилось, — врубает официальщину второй. — Разрешите поинтересоваться, откуда путь держим?

— Я? — пытаюсь я разыгрывать самую невинность. — У меня девушка здесь живет, я от нее. А что произошло-то?

— Да ничего. Что-то у меня довольно серьезные подозрения, что это ты на нас с крыши глядел, скажи Сань? — Запрокидывает он голову, ища поддержки у первого.

— Я то? — Вырывается неожиданно у меня.

— Да не, не похож. Тех же, ты знаешь, мы забираем

обычно одетых как зря, в татуировках, в этих... — Тут первый начинает щелкать пальцем, прогружая свой пентиум, дабы вспомнить слово, — ну этих, узких джинсах, маечки там, челочки, уши проколотые, ну короче вся эта петушиная обойма, будь она не ладна. А этот как-то и не похож совсем, больно здоровый и без всей этой херни.

— Думаешь? — второй все никак не успокоится. Должен же он поймать кого-нибудь, навести порядок. Россия матушка без этого не простоит.

Тут он оглядывает меня повнимательней, и с харей законченного ватника резко спрашивает:

— У девушки говоришь? Номер квартиры, быстро!

— Тридцать седьмой, — мгновенно выпаливаю я.

— Смотри-ка, угадал, — лыбится мент и протягивает мне мой паспорт — ну, ладно, Ромео, гуляй.

Менты отворачиваются, продолжая ожидать погоды у моря. Ребята, наверняка ведь, либо попрятались где-то надолго, либо уже свалили. Я, обрадованный доставшейся мне случайным образом свободой и раздосадованный специально упущенной мечтой, скрываюсь из вида.

Аскорбинка

*Самосовершенствование — онанизм.
Саморазрушение — вот что
действительно важно!*

(с) Чак Паланик. «Бойцовский клуб»

На часах почти 4 часа ночи: не помню, как лёг. Раздаются гудки, я вялым правым отростком дотягиваюсь до телефона и в полудрёме отвечаю своим невнятным голосом:

— Да.

На том конце Ванин спокойный и уверенный голос:

— Алло, спишь? Слушай, тут, в общем, надо дать пизды одним. Дашке по ребрам надавали. Ты как?

Я слышу, как где-то со стороны доносятся всхлипывания и стенания.

— А что за?.. Сколько их? — слегка проглочивая говорю я.

— Она пошла к своей подруге на квартиру. Посреди ночи к ним заявили четверо парней, избили ее и выкинули из квартиры. Теперь вот она вся в слезах.

— Пиздец конечно, ну ладно, — кидаю я в ответ, сам воображая, что за херня творится, — через сколько будешь?

— Через полчаса примерно подкачу, — отвечает он и вешает трубку.

Я, осознавая, что мною овладел бодун, кое-как отрываю своё тело от земли, вливаю в себя что-то жидкое и прохладное, принимаю душ и одеваюсь. Попутно вспо-

минаю вчерашние приключения. Кажется, вчера мы праздновали днюху одного знакомого в каком-то ирландском баре и все, как водится, прилично так нажрались. Как обычно был кто-то громогласно рассказывающий хвалебные истории про молодецкую удачу именинника, заарканившего несколько дамочек в прошлой жизни. Там же была та самая бабёнка, которая обычно нажирается и несёт всякую непотребщину про «бухло» и «блевать». Не обошлось без приударивания за кем-то и в этот раз. Когда цифры на часах и алкотестере преодолели определенный рубеж, один знакомый начал обхаживать какую-то уже прилично пьяненькую особь прекрасного пола, предложив мне присоединиться. Я вежливо отказался и заказал себе такси.

Я припоминаю все эти моменты и меня невольно передёргивает. Я быстро добегаю до туалета и блюю. Меня выворачивает всего, до последней капли. Вся язвительность, мерзость и похабство, вперемешку с желчью смываются в канализацию. Природа забирает своё, возвращая мне самообладание и манёвренность.

Приведя себя в чувство, умываюсь, кидаю в карман тысячу рублей, мобилу, ключи и выпархиваю из гнездышка.

На улице морозно, тихо, только фонари освещают улицу, всеми оставленную, весь район будто вымер, ни души. Я иду, снег хрустит под подошвами. Прошагав по тротуару от дома до дороги, вижу, как подъезжает Форд. Я ныряю вперед и продолжаю свое увлекательное путешествие навстречу судьбе.

Учитывая всю нестандартность ситуации по пути к пункту назначения, я решаю поинтересоваться, с кем придется иметь дело:

— Так, ну расскажите мне, что вообще за ребята и какой расклад?

— Там четверо парней и одна девчонка, — пытается

разъяснить Ваня. Он сидит за рулем и стильно выдувает сигаретный дым в узко открытую щелочку водительского окна. При этом клубы дыма распространяются по всему автомобилю, и мне приходится тоже открыть окно.

Его перебивает Даша, — там двое виноваты, один держал, другой бил.

— А что за пацаны? Возраст, вес? — уточняю я.

— Да они все дрыщи, моего роста, — отвечает Даша. — Одного зовут Рустем, других не помню. Помню, что там был Дима, он пытался всех рязнять.

— Так, значит Дима нормальный, его не трогаем, — комментирует Ваня. — Хотя для проформы можно тоже опиздюлить.

— Ладно, понятно, — говорю я. — Ну, на счет не трогаем, я вот тоже не уверен, они ведь вряд ли будут рады нас видеть.

Морально готовясь к этому пропорционально неравному бою, я уже настраиваюсь бить ебальники всяким хачам. Мы подъезжаем к Тушино, который по виду можно легко спутать с тысячей других таких же типовых районов нашей белокаменной. Что ни дом, то панельный, что ни квартал — то квадратный.

— Даш, скажи пожалуйста, а ты их как-нибудь вообще провоцировала? Или они сами на тебя набросились? Это важно. — аккуратно спрашиваю я, помня Дашин нрав.

— В смысле провоцировала? — восклицает Даша, явно не приветствуя мои антипатриотические настроения. — Мы сидели общались, и тут они ко мне подлетели и начали бить. Еще эта Юля, сука. Убить ее мало! Я считала ее своей подругой, а она даже не вступилась.

Понимая всю бессмысленность дальнейшего диалога, я прекращаю задавать вопросы. Ну действительно, это ведь обычное дело без повода начать кого-то лупить.

Мы подъезжаем к одному из подъездов многоэтажки и паркуемся на единственном свободном месте.

Выходим из автомобиля, находим нужный подъезд.

— Так, ладно, — говорю я. — Как будем действовать? Давай ты набери своей подруге, типа извиниться хочешь перед ней, чтобы она тебя впустила, а мы на подхвате.

Так и получается. Даша набирает этой девчонке и тихим жалостливым голосочком начинает увещевать:

— Да, Юль, привет. Я тут хотела извиниться, что неправильно себя повела, можешь впустить меня?

Даша выслушивает ответ, закидывает в микрофон еще несколько объясняющих и вызывающих доверие слов, после этого просит нас с Ваней встать за углом подъезда, дабы не привлекать внимания. На третьем этаже, где якобы находится квартира этой самой Юли, свет выключен, видимо они уже легли спать. Мы с Ваней стоим, тише воды, ниже травы, готовясь в любой момент налететь на этих чертей.

Даша стоит в это время у двери подъезда, ожидая, что ей откроют.

Долго ли, коротко ли, но дверь открывается и там слышится девичий приглушенный голос. После пары неразборчивых фраз Даша дает нам знак рукой.

Мы с Ваньком быстро выходим из-за угла. Я иду уверенным шагом впереди.

Зайдя за дверь подъезда вижу, что прямо передо мной стоит какая-то помятая деваха, такая же миниатюрная, как и Дашка, и следом за ней стоят два молодых современных районных сапиенса, ростом оба где-то примерно сантиметров по сто восемьдесят, среднего телосложения.

Понимая, что задушевные разговоры тут вести бессмысленно, да и, собственно, не за тем мы так долго ехали, я с ходу кидаю первому, блондинистому, в голову. Он подсаживается, на него налетает Ванек. Второй, стоящий за ним и делающий затяжку, начинает пятиться. Я провожу серию ударов в голову. Сигарета сразу вылетает. Он отступает за створку второй подъездной двери и под

натиском ударов валится на спину, явно без памяти от происходящего.

— Эй, ну ты че, слышь, хорош, — пытается он молитвенным голосом заставить меня остановиться. В этом время я, нанося ему несколько хуков, один за другим, сообщаю:

— Я научу вас, как девчонок бить, твари, бля. Давай, вставай! — наезжаю я, прекращая этот неравный бой.

Парень, офигевая от страха, не торопится выполнить мою команду.

— Вставай! — повторяю я, заносю кулак. — Иначе еще раз пиздану ща!

После того как парнишка, приходит в себя, он кое-как поднимается.

— Ну, иди сюда, — я толкаю его в сторону к другому парню, которого Ваня уже отделал тоже, и он также приподнялся в стороне. — Ну, че, пацы? Давайте, рассказывайте, как это у вас так получилось.

Все это время Юля стоит в стороне и жалобно уговаривает нас не бить их, и вообще ничего с ними не делать. Беспомощная боярыня безуспешно пытается защитить своих холопов, но мессир оставляет её просьбы без внимания.

— Как зовут?! — гаркаю я.

До парней видимо долго доходит. Выдав пару затрепшин обоим, я повторяю вопрос.

— Рустем, — подает голос блондинистый, павший первым.

— Я Дима, — говорит второй, на которого я и обрушил в основном свой гнев.

— Ну, вот и познакомились, — отвечаю я, хлопая их по плечу. — Это ж кто вас так научил над девочками издеваться? Где еще двое?

— Какие двое? — держит ответ парень по имени Рустем. — Нас тут только двое.

— Где тот, кто бил вот эту девочку? — подхватываю я, схватив его за шею, и указывая пальцем на Дашу.

— Аа, он... он уже ушел... домой, — поспешно исправляется Рустем.

Я стою рядом с этими парнями и меня крайне перенасыщает чувство паскудства. На вид они не какие-нибудь алкаш дед Толя и наркоман дядя Паша, а прилично одетые и адекватно ведущие себя парни. Создаётся впечатление, что им никто не успел рассказать, чего в жизни делать, наверное, не желательно. И вот он я, по сути такой же не преуспевший моралист, никчёмный неудачник и проебавшийся спортсмен, должен им сейчас высказывать всю эту пропагандистскую чепуху. Как будто я имею право кого-то учить. Но самое главное — даже не хочется, потому что все вокруг заебали советами.

— А ты? — спрашиваю я, обращаясь к блондину. — Ты типа татарин?

— Да, — отвечает тот.

— Светловолосый, голубоглазый татарин?! — настаиваю я.

— Да, — не перестает тот.

— Ну, ахуеть. Парни, а вы вообще спортом каким-нибудь занимаетесь? — интересуюсь я.

— Я боевым самбо, — бросает Рустем.

— Кикбосинг, — отвечает другой парень.

— Пиздец вы конечно спортсмены. А весите килограммов по семьдесят, наверное, оба и нихера сделать не можете, когда к вам приходят задавать вопросы, — отвечаю я.

— Ну, ты-то, наверное, вешишь килограмм девяносто, — пытается парировать Рустем.

— И че? — отвечаю я. — Поэтому не стоит ничего менять, так что ли? Я ещё и такой херни то не исполняю, из-за которой вы сейчас тут стоите. — непонятен смысл предложения Парни, на любое действие всегда есть про-

тиводействие, поэтому, когда бьете чью-то девушку, будьте физически готовы к последствиям.

Ваня, все это время, стоящий рядом, и слушающий нашу нравоучительную беседу, предлагает подняться на этаж к Юле.

Мы все вместе втискиваемся в лифт и поднимаемся на третий этаж. Не успеваем выйти из лифта, как открывается дверь и Юля за ручку выводит еще одного парня, который чуть крупнее. Я поворачиваюсь к нему, его все зовут Артемом.

— Ну что, Тёма? — бросаю я ему в лицо, видя, насколько ему не нравится происходящее. — Счастье пришло в твой дом. Будем пиздиться с тобой сейчас. Только ты это будешь делать не со мной, к сожалению, а вот с ним, — договариваю я и махаю рукой в сторону Вани.

— Хорошо, пошли на улицу, — сухо отвечает тот, явно лишенный энтузиазма.

Мы, также сжавшись, спускаемся вниз, выбредаем на улицу, Ваня с Артемом отходят чуть в сторону. Ребята начинают с невнятного разговора, который почти сразу перерастает в рукопашку. Ваня наносит несколько ударов в область головы недруга. Они начинают бороться, и борьба переходит в партер. Сверху оказывается Ваня, который пытается долбить кулаками голову Артема, однако Артем, видимо владеющий некими незамеченными сразу навыками борьбы, весьма удачно уклоняется.

В итоге после нескольких минут этого замечательного представления они оба, привыкшие дымить как паровозы, просто доползают до заборчика рядом и усаживаются. Артем явно хочет выразить уважение Ване, очевидно, за некие мужские идеалы, однако тот отталкивает его в снег.

— Дааа... курить надо бросать, пацаны, — подытоживаю я с улыбкой.

Даша, видимо недовольная результатом, начинает скрипеть снегом в сторону автомобиля. Ванина дама сердца, очевидно, остаётся недовольна исходом.

— Ребят, кто хочет аскорбинку? Полезная вещь, лучше, чем курево, — продолжаю стебать их я.

— О, дай мне плиз, — неожиданно вырывается у Артема.

— Окей, только за удар. А то, что это, я тут стоял даже не при делах.

— Не, ну парниш, не вариант, — сдаётся Артем.

— Ну, хотя бы по корпусу, в пол силы, — настаиваю я.

— Не, — заканчивает он.

— Ну, как знаешь, не хочешь аскорбинку — и не надо, — говорю я, и мы с Ваньком топаем в сторону его автомобиля, отмытые, но не до конца реализовавшие свое отмщение.

По дороге к моему дому Ване на телефон падает смска от Юли, в которой сообщается, что якобы «его шлюха сосет на своей работе с другими мужиками». Это моментально вызывает резонанс в моей голове и истерику у Даши, а пространство автомобиля заполняется одним сплошным диким воплем:

— Не верь ей Вань!! Это вранье! Не верь этой суке, ее убить надо было! Да почему ж мне постоянно не везет с подругами так?!

Даша начинает всхлипывать на заднем сидении, а в нашей микросреде возникает какая-то аура безнадежной гадкости происходящего. У меня появляется ощущение, которое, наверное, должно возникать у обманутого дольщика. Вроде ты вложил когда-то бабки и рассчитывал на успех, но теперь тебя кинули, и ты ни денег не можешь вернуть, ни потраченного времени, сидишь как разведенный лох, и только. И думаешь, а вот почему ей действительно не везет с подругами? Может потому что она постоянно лезет на рожон, пытается всем все дока-

зять, включая даже кулаки. Наверное, поэтому. Она просто не умеет себя вести. А я, мудака, просто не умею выбирать с кем стоит общаться, а с кем нет. Все логично и закономерно. Однако я не говорю ей об этом, зная, что все равно некоторых людей ничто ничему не учит. Мы нация варваров, и никакая Конституция не выбьет из нас раболепия, невежества и глупости. Нам плохо — мы бухаем, нам хорошо — мы бухаем. Молодыми мы мечтаем стать старше, полагая что уж там то точно будет лучше, а в возрасте, жалея, вспоминаем то что потеряли в молодости и пиздим тех, кем были сами пять лет назад. Круговорот люлей в природе. Законы мы знаем только, чтобы их обходить, правда у каждого своя, а мораль осталась где-то на страницах эпосов.

По случайно выбранному радио *ПОПСА* FM в этот момент тихо звучат строчки популярного еще Kaleo:

«Ohh father tell me

Do we get what we deserve?

We get what we deserve

Way down we go... o...o...o...o...»

Доехав до своего района, я благодарю Ваню за то, что подвез, из вежливости, которую буквально выдавливаю из себя, потом топаю до подъезда. Поднявшись на свой этаж, я вваливаюсь к себе в комнату и, не раздевшись, падаю от усталости на кровать лицом вниз. Моя рука достает гаджет и открывает Настину страничку в соцсети. Пальцы инстинктивно набирают: «Настенька, очень сильно хочу к тебе». Глаза еще долго смотрят на это сообщение, но мне так и не хватает духу отправить его ей, просто потому что я знаю, что тогда ей все расскажу, а мне не хочется, чтобы она меня жалела, еще и переживала из-за всего этого. Нет, лучше все оставить как есть. Я стираю сообщение и проваливаюсь в сон.

Пустота

*Мы не знаем того времени, в котором
живём*

(с) Гумилёв Л. Н.

Москва тем временем не перестает внимать любознательным умам и всем тем, кто ищет ответы на свои, разумеется, непростые вопросы, заданные в безуспешных попытках что-то понять, узнать причину и вероятность сиквела. Все что мы имеем, это гонка длиною в жизнь за нашим сакраментальным счастьем, которую мы ведем с самими собой. Ничто не истина, у каждого правда своя, и поэтому любую идею можно оправдать.

Я лишь человек и не могу говорить за все время существования этого великолепного города, а могу лишь исходить из истории, которая осталась блекнуть чернилами на бумаге, пытаюсь сохранить себя в далеких уголках моей памяти. Я не знаю, какой была Москва в действительности в прошлом веке, потому что я там не жил, но зато я могу описать ту Москву двадцать один, которую знаю, которую успел застать в трезвом уме и твёрдой памяти, и, к сожалению, она не та, какой бы я хотел ее видеть...

Она была буквально в колыбели, когда наше поколение родилось, хотя ей было уже почти тысяча лет. Как и мы, рожденные в девяностые, она, запеленованная, махала ручками в колыбели, пока грозные и корыстные дяди в кожаных куртках пытались растащить ее добро по своим затаенным углам. Нам, как и ей, оставалось только расти, взростеть, мужать, оберегая себя для тех

подвигов в будущем, которых никто бы за нас не сделал... Наше поколение, выросшее на ковырянии в песочнице, долгих вечерних ожиданиях в детских садах, дворовых игрищах, фильмах Ванн-Дамма и, наконец, американской порнухе, однажды открытой где-то у брата под полой, подало так много надежд, которые мы безоглядно не оправдали, хотя и не могли оправдать ни при каких других обстоятельствах. Школы были бездумно прокурены, ВУЗы были бесконечно прогуляны, а взрослая жизнь встретила нас, нисколько не подготовленных к таким переменам, нервными срывами, преждевременными родами, безвременными кончинами, запоями, депрессиями, непомерным кутежом и откровенным блядством ничего не ценящего быдла.

Где ты теперь, моя светлая двенадцатилетняя память, когда тебя наполняет всего такое странное чувство... Не знаю даже, как его назвать, наверное, чувство детства. Знаете, та самая добрая грусть, когда ты ощущаешь нутром насколько все, что с тобой произошло в жизни, было потрясающим. Насколько сильно болели содранные на улице до мяса колени, насколько едко ощущался запах озона под проливным дождем, когда ты вышагивал по лужам в сторону дома, промокший до нитки. И это прошлое греет тебя. Тебя переполняет непреодолимая нежность ко всему, что прошло, потому что ты знаешь, что именно эта частичка тебя никогда больше не повторится, она ушла навсегда вместе с тем моментом, который ты отчаянно пустил.

А наши родители, наши горько оплакиваемые родители, которых мы не ценили, которых мы обвиняли, истязали засильем своих пустых бездумных детских глупостей, потом теряли, кто кого, в самых разных жизненных историях, писанных в хрущевках, кооперативках и позднее в новостройках. Они не плакали и не отвергали тех устоев, которым их научили наши предки и которые в итоге

оправдали себя и позволили пережить то смутное время, которое словно хмурое московское небо опять постучало к нам в окно осенним проливным дождем. Они были стойкими, мужественными, и вопреки всем невзгодам продолжали жить, ухаживать, растить нас, открывать бизнесы, делать деньги, строить новые экономические отношения и отстаивать опостылевший политический интерес обезглавленной и обездоленной страны, который так внезапно был утрачен.

А мы вдруг стали, как и махровый век назад, очередным *lost generation*, помноженным на троекратный технологический прогресс. Будучи еще совсем мелкими, осваивая окружающий мир, мы даже и понять не могли, какие планы и ответственность возложила на нас история. Но мы, разве что всякие грудничковые мало осмысливаемые звуки, уже с самого детства положили начало распаду.

Один из самых громадных мегаполисов мира, ключевых пунктов Восточной Европы превратился под гнетом политических игр, диктуемых провозглашенным строем в обитель цинизма, антипатриотизма, морального разложения и всеобщего невежества.

Те законы и постулаты, по которым мы живем здесь и сейчас, выбранные нами же, также несовершенны и неидеальны, как и мы сами. В наших силах только лишь решить, что делать со временем, которое нам отпущено.

Торжество реалий этого мира. Человек никогда не будет вместе с кем-то, он всегда одинок. Человек никогда не будет счастлив, в лучшем случае он может постоянно быть в поисках этого счастья и никогда его не найти. Человек не идеален, самосовершенствование и есть смысл жизни.

* * *

Среда. Я поднимаюсь на лифте к Леше домой на двенадцатый этаж. Утром он написал мне: «Приезжай, надо пообщаться, это важно». Я, уже опаздывая, решил забить сегодня на пары. Все равно там нет ничего интересного. Пара лекций, да и то на которых не отмечают.

Выйдя из лифта, я звоню в знакомый до боли звонок.

— Здравствуйте, а где Леша? — спрашиваю я, когда передо мной открывает дверь и пропускает меня внутрь его мать.

В прихожей мрачновато, но я успеваю заметить, насколько постарела эта женщина. Женщина, которую я некогда привык видеть яркой, изящной, полной жизненных сил и эмоций. Теперь же ее высохшие руки слабой хваткой гладят мои, а истонченные губы пытаются изобразить нечто похожее на улыбку. Я чувствую, как мое лицо вытягивается от удивления, и я начинаю нервничать. Я почему-то ожидал увидеть что-то более жизнерадостное.

— Он в комнате, заходи к нему. Только будь осторожен, он болен, это может тебя шокировать.

Мигом разувшись и скинув куртку, я захожу в комнату, и моим глазам предстает абсолютно невообразимое зрелище. На двуспальной кровати прислоненной к стене, посередине комнаты, лежит существо, издали напоминающее мне кого-то, словно из прошлой жизни. Оно лежит почти не шевелясь. На вид кажется, что люди в Освенциме, по фотографиям тех лет, выглядели здоровее. Приглядываясь, я понимаю, что это лежит Леха, точнее то, чем он стал за то время, которое мы с ним не виделись. На вид он весит килограмм тридцать. Одни кожа и кости — ноги и руки не толще двух пальцев здорового человека. Лежит он на боку спиной ко мне, по всей видимости лежать иначе он не может. Как только я вхожу, его голова, а точнее его череп, обтянутый кожей, со впавшими, потерявшими цвет глазами, поворачивается в мою сторону. Струна

внутри меня беззвучно лопается. Я, потеряв дар речи, протягиваю ему руку и жму ее, а точнее просто держусь за его потерявшую хватку вялую клешню и произношу глухим не своим голосом:

— Лех, это ты?

Он полусиплым полупшепотом приветствует меня:

— Да. Не удивляйся, братан. Такие вот дела.

Я все еще не могу прийти в себя:

— Что... что с тобой? Ты болен чем-то?

— Рак, четвертая стадия, — смотрит он покосившимися глазами в мою сторону и, словно замечая мою реакцию, добавляет, медленно шевеля языком: — Вот так вот, братишка. Извини, что не рассказал об этом раньше. Со мной это все случилось буквально за последние месяцы, и я надеялся, что выкарабкаюсь из всего этого... что меня таким вот не увидят мои близкие и друзья, но... к несчастью... не все в этой жизни решаем мы...

Произнося это полусухим ртом, с затуманенными какой-то дымкой глазами, он кажется актером. Я словно попадаю в фильм про зомби, вампиров и прочую постапокалиптическую туфту, где главные герои всегда противостоят какому-нибудь злу, олицетворением которого сейчас является Леша. Только вот это явно не кино, да и героев здесь нет, ни положительных, ни отрицательных. Есть только осенний холодный день, старенькая изодранная квартира, я, как единственный зритель, сидящий на табурете перед кроватью, и обездоленное тело, потерявшее привычную человеческую форму.

Мои глаза наводняются и я чувствую, что плотина вот-вот прорвется — зрение становится нечетким. Но при этом я широко улыбаюсь, стараясь принять эту новость без скорби:

— Не мы такие, жизнь такая?

Я моментально утираю глаза рукавом и продолжаю смотреть на Лешу. На моем лице какого-то хрена все еще

маячит легкая улыбка, видимо мне хочется подарить своему другу хотя бы толику того тепла, которое он мне дал за время всей нашей дружбы.

В ответ на риторический вопрос, который задает мое лицо, Леша отвечает:

— Не удивляйся так и не печалься, я уже смирился с этим. Мы все ведь когда-нибудь покинем этот мир, не все ли равно как? Не делай, пожалуйста, такое лицо, иначе мне станет очень плохо. Я хочу, чтоб ты понял сейчас все, и мы с тобой просто поговорили, как когда-то раньше.

Я, делая над собой усилие, сразу же реанимируюсь и спрашиваю первый, очевидно, самый глупый и неуместный вопрос:

— Ну, как ты вообще, расскажи тогда?

Леша, слегка улыбаясь, хотя похоже на то, что его в этот момент схватывают судороги, начинает отвечать. Говорит он почти одним языком, вяло, медленно, тихо и постоянно делая паузы:

— В двух словах, я умираю. У меня осенью заболела спина, и со временем начало отдавать в ногу... Я ходил заниматься лечебной физкультурой, плаваньем, но не проходило... К зиме стало вообще неважно, меня отвезли в больничку... Походили мы по кабинетам, меня отправили сделать компьютерную томографию... И потом мне объявляют, мол, «молодой человек, дела у вас херово» ... Уже четвертая стадия, шансов почти никаких... Ну, мы сперва конечно стали лечиться: мне кололи всякие препараты, я полностью поменял свой график и ритм жизни, потом химиотерапия, о которой я раньше слышал только из сериалов по телевизору...

На этом моменте он прерывается, его губы на мгновение искривляются в нечто похожее на улыбку, и вылетает какой-то подавленный и искаженный смешок:

— Братан, вот если тебе когда-нибудь предложат

делать химиотерапию, не соглашайся... Хах... Лысеешь за неделю, блюешь не переставая дальше чем видишь, а результата ноль... Ну, и вот, потом уже не смог ходить, было очень больно... Нам предложили сделать какую-то операцию в Германии, экспериментальная медицина, все дела... Терять мне было уже нечего, поэтому я согласился, ну а после, вот он я, перед тобой... И отвечаю на твой вопрос, мои дела ровно настолько же хороши, насколько хорошо я выгляжу... Ну, а ты то как? Как твоя семья, родители, близкие, девчонку себе нашел?

Я уже успел пожалеть о своем вопросе, но внимательно выслушав его, я прожил все эти события в мини варианте. Я как будто прихожу в себя:

— Я?! Я просто замечательно, братан, я, я лучше всех! Так, настроение иногда барахлит, но в целом я неописуемо счастлив. Ты не поверишь! — я, на контрасте чувствуя, насколько я в действительности жив, и что у меня этой жизни в единицах времени, осталось еще очень и очень много, пытаюсь раззадорить и Лешу тоже. — Родители живы, здоровы, у всех все замечательно, учусь, точнее попинываю хуйца, не без этого. Общаюсь, гуляю, бухаю, какие-то тусы, дискачи, междусобойчики, короче живу самой полной жизнью, отвечаю! А на счет девушки... А ну их нахер, братан. Ты лучше скажи, ты помнишь, как мы несколько лет назад были на кураже среди этих дворов...

И я, не замечая того, меняю тему, вываливая из себя всю память. Меня буквально проперло на разговор. Я рассказываю всевозможную быль из нашего общего прошлого, когда мы вместе выкуривали наши первые сигареты, пробовали первые плюхи, выпивали первые бутылки пива, считая, что это по-взрослому, гуляли допоздна, общались с девчонками, обменивались эмоциями, событиями их побудившими, лазили по крышам, и даже не задумывались о том, куда ведет нас эта жизнь.

Леша с каждой новой историей все больше улыбается,

а вместе с ним улыбаюсь и я, и в это время мне хочется верить, что все мы будем жить вечно...

Мы не успеваем как следует попрощаться, все как-то скомкано, я не хочу делать долгие проводы, да и он тоже, к тому же я ему обещаю, что обязательно скоро еще зайду его навестить, и мы также здоровски посидим.

Быстро сбегая по ступеням, я распахиваю входную дверь и чувствую, что я натурально лечу в сторону метро. Степень внутреннего противоречия зашкаливает. С одной стороны борется один простецкий факт — мой друг смертельно болен. Осталось ему недолго, и мне бесконечно больно за него, но вместе с тем ко мне приходит осознание того, насколько у меня на контрасте все хорошо, и это самое противоречивое чувство, которое я когда-либо испытывал...

Запасной аэродром

*The little things you do they sabotage my
brain.*

*Your body and your soul keep running
through my veins, running through my veins.
The flying sparks you started, just leave me
broken hearted when you are not around.
The flying sparks you started, just leave me
broken hearted just begging to be found.*

I'm high on you, high on you.

I'm high on you, high on you.

I'm high on you, high on you.

I'm high on you, I'm high on you.

(c) Sebastien feat. Hagedorn. «High On You»

Я трясусь в метро. Меня одолевает чувство полнейшей несправедливости. Человек, который с детских лет был мне ближе всех, находится сейчас в таком состоянии. Для меня это, пожалуй, чересчур.

Тупо уставившись в телефон, я роюсь одним глазом в новостной ленте. Мое внимание приковывает новость о том, что один знакомый товарищ приглашает друзей на тусовку в диско-баре где-то в центре. Я недолго думая отписываю ему, что скоро подкачу. А почему бы и нет? Хочется просто нажраться. Настроение ниже плинтуса.

* * *

Через полчаса я подхожу к нужному месту где-то в переулках на Пушкинской. У входа кучкуются десятки людей. В одном из лиц я различаю Антона. Он стоит в каком-то пальтишке с сигаретой в руках, циничной ухмылкой на лице и о чем-то перетирает с малознакомыми личностями. Увидев меня, он спохватывается, торопливо выдувает дым и довольно громко объявляет:

— О, здорово братан. Думал ты позже будешь. Рад тебя видеть! Знакомьтесь...

При моей вялой попытке что-то ему сказать в ответ, он налетает на меня и по-братски приобнимает. Далее он представляет меня всем и всех мне. Я по очереди жму руки.

Оказывается, что на текущий момент он тусит с владельцами этого заведения. Одного из них зовут Гриша, на вид довольно brutальный джентльмен, слегка растопивший свою brutальность в чем-то крепком. Другого зовут Олег, он вообще стоит в желтом плаще и пластмассовых очках как у ученого. Оказывается, что тут имеет место костюмированная вечеринка, гостем которой я ненароком оказался, захватив с собой из внешней атрибутики только каменное лицо, всем своим видом показывающее, что ядерный гриб где-то неподалеку уже раскрылся и спасения ждать бессмысленно.

Мы начинаем общаться, и я пытаюсь быть политкорректным и говорить меньше, чем провоцирую их раскрывать свои карты.

Все время, что мы стоим, этот разодетый в костюм Олег все вещает про то, как они недавно открылись и пытаются отхватить кусок пирога от мегаполисной ночной жизни, какие у него соображения на этот счет. Он рассказывает взхлеб про то, как они начинали, как они доставали лицензию на алкоголь и прочее, а Гриша иногда его поправляет.

При этом всем оказывается, что Антон занимается рекламой мероприятия. Вчера сидел в поточке и работал в фармацевтике, сегодня уже промоутер. Даже обвинить его не в чем при большом желании.

Тут к нам выходит пятый, чье имя так и не залетает у меня в память. Он выносит всем разноцветные шоты в колбах. Мы быстро их опрокидываем, и я начинаю догадываться, как проведу эту ночь.

* * *

Через час я уже сижу достаточно пьяный вместе со всеми за барной стойкой. Бар состоит из нескольких помещений разного формата, но везде приглушен свет и все забито людьми. Они плотно нас окружают и каждый перед кем-то выкаблучивается.

Передо мной уже появились какие-то девчонки, на которых я не сразу обратил внимание. Я только знаю, что я проплатил им шоты и моментально увидел их загоревшиеся глаза. Одну зовут, кажется, Лина, а другую Света. Вроде как-то так. Та, которая Света, пришла с кем-то похожим на недопапика и перелоха. На вид такой плотненький, бесконечно улыбаясь, он сидит и слушает то, о чем она хохоча заливает. Я даже не вникаю в то, что она там вообще говорит, потому что это абсолютно нелогичная неразбериха.

Зато мое внимание приковывает вторая девочка по имени Лина, особенно после того как Антон, улыбаясь с ней поздоровавшись, нагнулся и шепнул мне на ухо как бы невзначай:

— Братан, вот эта девчонка что надо, если у тебя планы.

А она действительно что надо. Я, правда, уже научился читать по лицу, насколько у московских девушек бывают высокие материальные запросы, по шкале от одного

до десяти. Её явно зашкаливала, но я увидел интерес в ее глазах, и через десять минут мы уже стоим и курим снаружи стреляные сигареты, обмениваясь любезностями.

Через мгновение, создав довольно много шума на выходе, к нам ковыляет ее подружка со своим пацанчиком.

— Ахах, Сереж, ну ты вспомни, она ведь вообще полная неудачница, нет ну я тебе точно говорю, ну ее нахер.

Подойдя к нам, она как-то показательно удивляется моему присутствию, и я уже вижу, насколько она вдрабадан.

Она достает сигарету из сумочки и долго роется в поисках зажигалки. Не найдя похоже, она бросает орлиный взгляд на «Сережу», который уже потянулся сам прикуривать ей. Сменив после этого гнев на милость, она обращается ко мне:

— Так что? Мне тут шепнули, что ты знаком с Антоном и остальными.

— Ну так, есть грешок, — мямлю я.

Вместо адекватной реакции Света косится на Лину, затем начинает откровенно ржать, наклоняясь к ней:

— Ахах, грешок, Лин, это помнишь, как мы с тобой тогда? Ахах, погрешили... Ващее!

Лина тоже уже прилично пьяненькая и смешливая, но во всяком случае ведет себя менее вульгарно. Света же в этот момент как-то резко спохватывается и уставляется на меня своими нетрезвыми и какими-то дикими глазами, и даже берет за рукав:

— О, кстати, на счет грехов. Ты в курсе, меня короче сегодня мой парень отпиздил?

Она говорит это настолько серьезным тоном, что меня так и подначивает сказать ей, что мол «ну, наверное, это закономерно, а что это ее так удивляет в этом?». Но я всего лишь буровлю что-то вроде:

— Да? Ну... хуево быть тобой...

На это она также ловит какое-то неадекватное ха-ха, потом смотрит на Лину, прищулив глаза, затем на меня и произносит:

— Лин, а как ты смотришь на то, что мы пригласим нашего нового знакомого к нам... в Нахабино. Сережа уже не против.

Она обнимает паренька, который все это время стоит как статуя, неприкаянный, не демонстрируя никаких эмоций.

Лина выдувает последний дым, аккуратно поворачивается ко мне, явно кокетничая, и из ее миленького и маленького ротика вылетает нечто вроде:

— Слушай, а не хочешь поехать с нами?

Она говорит поехать «с нами», но я по ее губам читаю, что это явно значит поехать «ко мне». Но с этих самых пор мне даже не важно, чего она хочет от меня. Ехать за тридцать земель на квартиру к её наглухо упоротой подружке мне не улыбается, поэтому я тут же придумываю себе оправдание, которое старательно произношу очень искренне:

— Слушай, знаешь, я бы с большим удовольствием, но у меня есть еще планы на эту ночь встретиться с одним другом. К сожалению, никак не получится.

На это мне Света предлагает взять моего друга с нами, но я делаю вид, что меня кто-то позвал, и поспешно прошу меня простить.

Еще через полчаса я опять сижу внутри за барной стойкой, меня плавно обтекают посетители. Играет какой-то мягкий хаус, передо мной стоит какой-то лонг.

Я медленно делаю очередной глоток держа в руках мобилу, в которой открыты все приложения, по которым я могу с кем-то связаться. Я листаю, смотрю, что там вообще происходит. Откровенное блядство. Одни в поисках лучей недостижимой для них славы выкидывают в сеть всякую чепуху, селфи с крайне ненатуральными

эмоциями, фоточки котят, громкие оппозиционные статьи, дискредитирующие нынешнюю власть и зарепостенные у кого-то чуть более умного, другие же, мечтая подобрать нужные слова, чтобы прокомментировать все это, с ничуть не менее оголтелым упорством пытаются выразить свои эмоции. Остальная же масса просто тупо молчит. Гребаное лицемерие. Карнавал невежества, тупости и похабства.

Когда мне надоедает наблюдать за этим действием, я вспоминаю, зачем же я туда полез, и снова мне режет по сердцу сложившаяся ситуация с Лешей и со всем остальным.

Тут мне приходит сообщение на Whatsapp от Полины с текстом: «Привет, ты меня там еще не забыл? Приезжай»

Я задумываюсь на мгновение, но даже не открываю его, чтобы оставить непрочитанным и не вынуждать себя отвечать на него.

Полина, конечно, милая девочка. Кажется, ей лет двадцать семь или двадцать восемь, не помню точно. Она любит красить губы в яркие цвета, мазаться тональником, клеить длиннющие ресницы, красить брови, носить цветные линзы, одевать модные обтягивающие вещи от кутюр (точнее любила бы, если бы какой-нибудь папик стабильно снабжал ее ими). Словом, любит выглядеть как девочка с обложек журналов, которые она, кстати, обожает листать. Ну или, по крайней мере, делает вид, что принадлежит этой моде. Еще она очень сильно любит трахаться, прям до дрожи в коленках. Однако пыл и драйв внешний компенсируется абсолютным холодом и блеклостью внутренней, потому как при этом всем она абсолютно пустая, словно кукла, купленная на распродаже дешевых игрушек. Однако я испытываю некое чувство благодарности к этой куколке за ее курс экспресс реабилитации, который она мне подарила. Я не могу не быть бла-

годарным судьбе за то, что ее встретил, потому что с этим потом я прогнал всю хворь, и за эти месяцы она практически поставила меня на ноги. Полина уже несколько месяцев является моим запасным аэродромом, я всегда могу к ней приехать, когда мне нужна ласка, и получить ее. Мы с ней нашли как раз тогда, когда я не мог прийти в себя и искал утешения. Она дала мне его, с тех пор мы дружим и удовлетворяем свои потребности в простом человеческом. Очевидно, до недавнего времени. Теперь же, как и все девушки под тридцать, она в мгновение меняет свою жизненную позицию на «хочу чего-то серьезного», и начинает выносить мне мозг после каждой нашей синхронной подзарядки, которые происходят в последнее время все реже. Вот он, эталон современной московской любви.

Я открываю свои контакты, делаю фильтр на девушек и ищу, с кем бы можно было теоретически пообщаться. Получается все как-то не айсово:

Эта мой стоматолог;

Эту с детства не видел, да и как-то не хочется;

Эта замужем уже;

Эта где-то на другом конце света, живет в Испании, и ей похер на меня;

Эта встречалась какое-то время с бывшим товарищем, который меня кинул — не вариант как-то;

Эта, мой преподаватель, ниче так, но слабо себе это представляю;

С этой общались в школе, и вся эта мыльная опера как-то не завязалась;

С этой ступил сам, признаюсь — виновен по всем статьям;

С этой столько пиздостраданий было, чуть в окно не вышел;

С этой начинать — лучше в окно выйти. Упрямей девчонок не видел;

У этой грима на лице больше чем у журнальных моделей, к тому же ведет себя так сурово, что не ты ее трахнешь, а она тебя;

Эта шалава;

С этой пробую, пока слабо — нет интереса;

Эта тоже шалава;

Эта вообще себя вести не умеет;

Эта живет в своем розовом мире, и ни к чему еще не готова;

С этой можно было бы, но столько геморроя: «Ой, ну я не знаю, я так сразу не могу. Ой, ну я не знаю, чего я хочу. Ой, вроде все пока устраивает...» Такая девочка — «Ой, вроде»;

Эта не нравится, не мой человек;

Эта вообще хер знает, как в контактах очутилась, уже и не помню, кто это;

Эта мой научник, бабушка, лет пятьдесят назад можно было бы попробовать;

Эта какая-то дура, сколько с ней ни общался;

Эта мать-одиночка, 40 лет, одна из самых потрясающих женщин, которых я видел, но я не Господь Бог, ничем не могу помочь;

Эта почти замужем;

С этой встречался, расстались, в итоге полгода из жизни выпало;

Эта уже занята серьезным образом;

Эта милая и приятная, но такая наивная и глупая, не идет у меня с ней и все тут;

Эта считает, что я законченный кобель, оттого сразу же пресекла все мои попытки за ней ухаживать. Good luck!

Эта уже занята;

С этой были разделены тысячей километров и в итоге не прошли испытание, она просто перестала со мной общаться, даже не объяснившись;

Эта без вариантов, чудачка еще та;
Эта шалава, которая к тому же еще и пыхтит как паровоз;

Эта вообще конченная блядь;

Эта тоже;

С этой пытался, я ей по всей видимости не интересен;

Эти коллеги;

Эти родственники;

Вот, собственно, и вся философия дзен-буддизма. Перешерстив этот список, я осознаю, что, пожалуй, давно пора почистить контакты!

На меня накатывает повальное чувство расхлябанности, обособленности, вперемешку с каким-то паскудством. Я топлю его в чем-то недавно заказанном.

Тут у меня высвечивается входящий и я неспешно выхожу на улицу.

— Алло.

— Здорово, чемпион! Как настрой? — слышу я невероятно заряженный голос Стаса.

— Лучше не бывает, и, похоже, точно не будет.

— А что так? Что за тон? Случилось че?

— Да так, знаешь — поумнел...

— Ооо... Ну так это тебе как раз сегодня пригодится.

Ты где, сейчас?

— Я? Я на Пушке.

— Мы с Никитой едем в Джипси, ты с нами?

Я, недолго раздумывая, небрежно бросаю:

— Давай, подхвати меня тут на Тверской.

И я, зная, что мне край надо немного отвлечься, оставляю бокал на баре с купюрой и пропадаю.

* * *

Через час мы на подъезде к пункту назначения. Я не знаю, чего хочу от этой ночи, но уже примерно знаю,

какие существуют варианты развития событий. Затесавшись в толпу любителей ночной жизни, мы успешно проходим досмотр и начинаем подниматься по ступеням.

Как только мы открываем стеклянную дверь из-за нее сразу же вырывается какой-то EDM-кавер. Клуб наполовину забит, по всей видимости сейчас уже около двух часов ночи.

У гардероба я встаю за девушкой, которой на вид не меньше двадцати семи лет. Видно, что она с отчаянным видом чем-то занята в телефоне. Выждав достаточно долгое время, чтобы уже обратить на меня свое внимание, она аккуратно поднимает глаза:

— Извини, ты что-то хочешь?

— Да, — вяло говорю я, поднимая руку с пиджаком. — ищу вот куда бы присунуть.

Девушка прыскает со смеху, я тоже улыбаюсь.

— Проходи, я не сюда.

— Еще увидимся, — кидаю я напоследок и подмигиваю ей.

Мы проходим сквозь море тел на танцполе к бару. Парни сразу же берут что-то у барной стойки и резко опрокидывают. Я же уже и так готовый, говорю, что, пожалуй, пойду с кем-нибудь пообщаюсь.

Тут вместо влажных мотивов, вяло наигрываемых диджеем, от которых даже пол кажется каким-то мокрым, колонки начинают разрывать что-то бодрое, и все вокруг начинают активно выбрасывать руки вверх, орать и танцевать.

Какие-то девчонки закатали футболки так, что видна нижняя половина груди, и танцуют с бокалами на стойках посередине зала. Кто-то заливает кому-то Olmesa прямо из горлышка. И вся эта безудержная радость теряется в непомерном кривлянии и какой-то бездумной аляповатости происходящего. Все здесь присутствующие хотят только одного — выглядеть прикольно, чтобы

их заметили, дабы состояться здесь и сейчас как бренд, бренд безнадежности. Все здесь только для того, чтобы не помнить прошлого, не думать о будущем и убежать от настоящего.

— Пацаны, сегодня ночка будет что надо. Охуенно потусим, — делится своими переживаниями Стас, срывая голос.

При этих словах я улавливаю рядом с собой какое-то движение и вижу двух барышень. Одна из них Маша, девчонка, которой вряд ли и восемнадцать дашь. Мы с Машей какое-то непродолжительное время встречались в прошлом. Ну, точнее, как встречались. Я выгуливал эту милую общажную девочку, рассказывал ей о прекрасном, навязывался в бойфренды, водил по разным местам. Она же, в свою очередь, до последнего со мной везде ходила, но при этом не проявляла никаких чувств со своей стороны. Она была холодна ко всему, но всегда с радостью принимала подарки, букеты и внимание. После того, как мне надоела ее фальшь и индифферентность, я поставил ее перед выбором. Она мне поведала, что она якобы еще молода и не хочет ничего серьезного, даже целоваться, однако ей очень интересно бывать со мной везде и ей все очень нравится. Такая живая pussycat doll. Я почти влюбился в нее и, не желая усугублять ситуацию, однажды проводив ее до дома, так и не вернулся за ней обратно.

И вот теперь она здесь передо мной, уже не такая домашняя, поднатаревшая в разведении ребят на комплименты, желающая непомерного веселья. Насколько красивая стоит перед нами Маша, настолько же некрасивая ее подруга, слегка располневшая, с неровными чертами лица и кривыми зубами. Все как в народной мудрости. Зовут ее кажется Катя, или типа того, я не запоминаю.

— Привет, ребят! И вы здесь? Я так рада вас видеть. —

При этих словах Маша всех жеманно обнимает и целует в щечку. Чмокнув меня последнего, она начинает делиться эмоциями.

Под американский техно-рэпчик тусовка плавно перемешивается как зелье в котле. Меня тут же уносит поток в другую часть клуба, где я нарываюсь на одиноко танцующую даму, которая явно старше меня. Она кажется мне в свете неона (или как там эта фигня теперь называется) более красивой, чем все, кого я встречал до этого сегодня ночью. Мы танцуем с ней тесно прижавшись, она строит глазки, пока я строю брутального денди... Диплом МГСУ плачет по нам. Мы проводим так какое-то время, после я уже чувствую, что время пришло:

— Пошли, я угощу тебя.

В ответ я слышу ничего не предвещавшее оправдание:

— Без вариантов парень, я вдова...

Мне режет ухо эта очередная бредня, и я выкрикиваю ей в ответ:

— Блядь, и почему мне так везет на вас овдовевших разведенков, сука! Не знаешь?

Не дожидаясь ответа, я срываюсь с места и продолжаю прощупывать почву в других частях зала. Мне попадают неадекватные, сильно ужранные, недоспелые или наоборот. Можно перечислить десятки эпитетов, которые будут объяснять, почему они не хотят заводить общение. Меня в крайний раз вырубает объяснение: «Я пришла с парнем». И какого хера ты тогда здесь делаешь, если ты с парнем? Отдыхайте где угодно, плодитесь дома, курите кальян на Тараса Шевченко, познавайте европейские ценности где-нибудь в Лувре, гуляйте босиком по лазурному берегу, только не надо заполнять собой пустоту в этом и без того не переполненном месте, где все ищут точно не духовности.

Пошатавшись по чилауту и не найдя своих знакомых, я случайным образом в одной из тусовок вижу ту самую

девушку, которую до этого встретил у гардероба. Я подхожу поближе и слышу, что идет диалог из разряда «где работаешь-учишься», чеканятся понты, и каждый хочет самоутвердиться перед другими, высказывая мудреные суждения на тему рынка труда, ночной жизни Москвы и политических перспектив. Грубо говоря, парни меряются членами, а девушки пытаются понять чей длиннее, чтобы определиться со своим отношением к кому-то.

Я в очередной раз убеждаюсь в том, что главными клубберами у нас является недозолотая молодёжь, а именно алчное менеджеры младшего звена, которое удобно устроилось на окладе в какой-нибудь консалтинговой компании. Также это управляющие, стартаперы и прочие коммерсанты, начинающие и не очень, которым хватает денег проплачивать столики, но не хватает (и никогда не хватает) на покрытие собственных амбиций.

Я кладу руку девушке на плечо и произношу наиболее слащавым голосом:

— Еще раз привет.

Она в ответ с удивлением улыбается и успевает назваться Дианой.

— Пошли выпьем что-нибудь.

Тем временем мы всем бросаем улыбки, все улыбаются нам в ответ, и со стороны мы все кажемся полными идиотами.

Мы с ней подходим к бару, заказываем по коктейлю, и начинаем очень мило вполоборота общаться. Я задаю ей очень много ничего не значащих вопросов, постоянно улыбаюсь и периодически аккуратно касаюсь ее рук, плеч, иногда даже приобнимаю. Она же, в свою очередь, не переставая смеется и очевидно рассказывает мне все что нужно для того, чтобы мы уже не были друг другу такими незнакомыми и совесть была чиста. И я понимаю, что это тот самый случай, когда вы просто друг другу понравились и в принципе все уже и так понятно.

Мы допиваем коктейли и выходим на улицу. Она угощает меня тонкими Vogue, которые почему-то так обожают курить московские девушки, я же в свою очередь украдкой люблюсь ее запертой в легкое короткое облегающее платьишке фигурой.

Меня не оставляет мысль о том, что в нашем обществе неплохо бы ввести женский дресскод на законодательном уровне. Ведь невозможно! Эта спекуляция на моих животных инстинктах всякий раз оставляет меня в дураках, потому что меня так и подмывает заняться с этой мадемуазель чем-то грязным, грязнее, чем вода в Москве реке.

Девушка — точно заядлая охотница на похотливых ребят, почти без предисловий начинает мне кокетливо рассказывать свои истории и выплескивает прочую информацию, которую я очень любезно пропускаю мимо ушей. Я просто молча стою, смотрю на нее и докуриваю сигарету до фильтра. В соседней компании кто-то предельно громко произносит:

— Не, ну отвечаю, было бы дохера денег, я бы бургерную заебенил и цены бы там нормальные сделал...

При этом вся компания катится со смеха. Я вскользя обращаю внимание на то, что чувак, который это произносит, в общем и целом ничего собой не представляет. Это обыкновенный московский простофиля, которому хватило приличия и этикета на сегодняшнюю ночь попасть в это заведение, но по-прежнему не хватает воспитания и мозгов, чтобы не нажраться и не начать рисоваться перед окружающими, проявляя все чудеса дауншифтинга.

«Никакую бургерную ты бы не заебенил» думаю я про себя. Это Москва тебя ебенил во все щели.

Знаете, всегда можно изменить свою жизнь — было бы желание. Но если ты ее не меняешь, она меняет тебя. Никак иначе.

Я быстренько, оставляя рассудок еще трезвым, провожу анализ того, насколько реально сейчас исчезнуть отсюда не в одиночку. Затем произношу сакраментальную фразу:

— Ну что, к тебе или ко мне?

Девушка, ничуть не смущаясь, дает понять, что ко мне она ехать не хочет. Мы моментально ловим ближайшее такси и пропадаем на дорогах ночной Москвы среди десятков тысяч светящихся фонарей.

Девушка легкого поведения

Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу — большой, а сердце — справедливым.

(с) Кинофильм «Золушка»

Уже абсолютно протрезвевший я просыпаюсь в постели, ощущая себя выкинутым на задворки этого громадного мегаполиса. Я пытаюсь снова уснуть, но у меня это никак не выходит. Я делаю попытки искренне радоваться тому, что я нахожусь сейчас с кем-то, а не один, при этом отгоняя мысли о том, чем мы занимались последние несколько часов.

Я поворачиваю голову, чтобы в темноте разглядеть ее черты, но она лежит ко мне спиной, свернувшись клубком. Это было бы очень мило, если бы я испытывал к ней хотя бы что-нибудь кроме похоти, но это не так. Как ее имя, Кристина? Или Таня? Вроде как-то так. Никак не вспомню. Зато я отлично помню, как мы с ней кувыркались обнаженные несколько часов подряд, и это было здорово. То есть, конечно, это не было бомбой. Это никогда не бывает бомбой, когда вы оба пьяны, и прилично пьяны, но с каждым последующим часом это получается все лучше, навык нарабатывается, и, находясь в этой полутьме чужой квартиры, забыв о таком понятии как время, ты просто растворяешься в человеке и в утолении своих, казалось бы, первостепенных потребностей.

Неподдельный, чистый консюмеризм.

Лунный свет, который ночью имеет обыкновение проникать сквозь пелену этого вечно хмурого города, попадает через балконные стекла в комнату, при этом делая все вокруг волшебным, а текущий момент превращая в сказку, только без принцев, принцесс и карет. Мне так неопишимо приятно лежать с полуоткрытыми глазами и наблюдать эти причуды, так внезапно подаренные мне временем.

Однако поскольку комната закрыта, а провели времени мы тут чуть более чем дофига, воздух даже без контраста кажется спертым, а мне жизненно необходим глоток свежего. Найдя, наконец, дополнительную причину сползти с кровати в виде отлежанного бока, я медленно встаю, отворяю дверцу и выхожу на балкон. Открывая окно, я опираюсь на порожек и наблюдаю какой-то вновь неизвестный мне двор района, в котором я нахожусь впервые. Я закуриваю оставшуюся со вчерашних приключений сигарету. Тем временем вижу, как на скамье недалеко от дома сидит несколько индивидов маргинального вида с пластиковыми бутылками. Их очень легко вычислить, потому что в моей голове уже давно сложился их определенный типаж еще с детства: дистрофичное дряхлеющее тело в неформальной одежке, висящая футболка, тапочки на босу ногу, нога на ногу, потерянный вид, отсутствие телодвижений и дымящаяся папироса, неустанно тлеющая в руке. Именно такие субъекты сидят сейчас там, и слышно, как они активно обсуждают чью-то личную жизнь, делая высокопарные эмоциональные заявления, обильно сдабривая свою лексику ненормативными выраженьицами. Лично я не могу их в этом винить, ибо сам имею привычку после трехсот грамм пользоваться словом «блядь» как запятой.

Глядя на всю эту мизансцену, я понимаю, что меня вдруг охватывает ужасающий приступ одиночества. Внут-

ри сковывает страх неизбежного поражения перед этим миром, перед своей жизнью. И я знаю, что он далеко не беспочвенный. Странно, кажется, что Москва вокруг такая большая, но между тем оказывается, что ты в ней такой маленький, такой ненужный, такой одинокий. И эта пустота постепенно наполняет меня изнутри. Все предыдущие победы, успехи, достижения тлеют как сигарета в моей руке, раз за разом понемногу убивая меня. И как это так получается? Я, молодой, здоровый, вроде не обделенный потенциалом и временем, стою сейчас ночью на балконе, дома у какой-то малознакомой кокетки, которая без проблем согласилась скрасить одну из моих десятков тысяч никчемных ночей, и натурально испытываю какие-то депрессивные мотивы. На меня накатывает панический приступ безнадежности. Еще этот возраст... слишком взрослый, чтобы быть молодым, и слишком молодой, чтобы быть старым. Я пытаюсь привести себя в порядок.

«Какого черта с тобой происходит?! Смирись! Каждый умирает в одиночку!»

Фак! И столько людей в этом гребаном городе изо дня в день пытаются обернуть все это в красивую подарочную обертку под названием любовь. А потом какая-нибудь шлюхня под утро у клуба рассказывает мне о том, какие у нее охуительные отношения со своим бойфрендом, хотя всем своим существом выдает, что она здесь просто для того, чтобы нализаться в стельку и хотя бы на одну ночь избавиться от раздражающего ее нутро одиночества. И выходит, что вся наша жизнь — пустые попытки от него убежать. Только ты — это маленький пушистый кролик, а оно — это свирепый, уже разогнавшийся гепард прям как на ВВС. Да, жизнь она очень разная. Знаете, бывает ухаживаешь за девушкой, водишь ее по всяким злачным местам, а ее потом берет и внезапно трахает твой хороший товарищ. И в результате ни девушки, ни товарища,

да и не до любви уже как-то...

Прерывает мои рассуждения сигарета, которая обжигает мне палец и я, чертыхаясь, выбрасываю ее с балкона.

Я не могу назвать эту ночь до конца напрасной. Пустой — да, но не напрасной. Хотя плодотворностью там тоже не пахнет, мы ведь предохранялись, а потому кровать сейчас благоухает несколько иными химическими составами...

Я захожу обратно в комнату, подхожу к девушке, смотрю на нее. Тут у меня в голове мелькает мысль о Насте. Сразу же к одиночеству примыкает давящее чувство стыда перед ней и разъедающего самопрезрения. Слоняясь в темных коридорах, я нахожу ванную, включаю свет, открываю холодную воду и тщательно умываюсь, стараясь отмыть всю ту похабщину, которую загнал в себя за эти годы, или хотя бы за эту ночь. Но сколько я не тру лицо и не мою руки, чище они от этого не становятся, а кажутся только грязнее. Словно я втираю все это себе только глубже под кожу. И я чувствую это в себе, будто вскрылся огромный гнойник внутри, который зрел все это время, и теперь пришел его черед. Я упираюсь руками о раковину и смотрю в небольшое зеркальце. На меня смотрит лицо слегка исхудавшего молодого парня, по глазам которого можно сказать, что он находится в глубочайшей депрессии, из которой нет выхода. Капли одна за одной медленно стекают по лицу и беззвучно исчезают, словно все надежды, мечты и стремления с прочими благодетелями покидают меня.

Мне становится невыносимо здесь находиться. Я отыскиваю все свои вещи, раскиданные по квартире, напяливаю их, стараясь не быть тем самым прекрасным принцем (да и вряд ли вышло бы) и не будить спящую красавицу, выныриваю через дверной проем. Я выдыхаю, за спиной слышится звук запирающегося затвора.

* * *

Солнце еще не начало напоминать о своем существовании. На улице слегка прохладно, кажется, раннее майское утро в попытках проявить максимальную агрессию «tried the best it can». Домишки центра города в онемении встречают новый день и как будто даже не догадываются о том, что есть мир людей и что в нем иногда случается всякая херня, сродни той, что творится со мной. Бульварные рощи обдают меня шелестом ветвей и сильным ароматом цветущей сирени. От этого запаха я словно попадаю в детство, где мы гуляем с родителями, я ем дешевый пломбир, который чудится мне до безумия вкусным, и я его смакую, растягивая, чтобы хватило на подольше.

Таким образом я иду своим неуверенным шагом куда глаза глядят, кажется, целую вечность. Обнаруживаю я себя где-то на Мясницкой. Не знаю который час, но, кажется, вот-вот должны открыть метро. Я решаю дойти хотя бы до Китай-города и медленно выхожу к бульварному кольцу, аккуратно переходя через все зебры с мигающим оранжевым светом. Какого-то хрена на серой рубашке порвалась верхняя пуговица, и чтобы не выглядеть ущербным я расстегиваю и следующую, и, сняв пиджак, я всовываю два пальца в петельку и перекидываю его за плечо. Одной рукой я смотрю новости и сообщения, из последних вижу то самое от Полины. «Привет, ты меня там еще не забыл? Приезжай» отражается у меня на экране. У меня возникает желание запустить телефоном во что-нибудь каменное или просто попрыгать на нем на брусчатке. Но я сдерживаюсь и просто удаляю себя отовсюду, чтобы больше никто, кто не знает номера, не смог мне написать. И вот я блукачу одиноко по бульвару, оставив свою прошлую жизнь где-то позади.

Тут я наблюдаю как кто-то, войдя в рощу, проходит в противоположную от меня сторону и садится

на скамью, подтянув ноги к себе и обняв их руками.

Меня это сперва отвлекает от своих одиноких размышлений, но потом я подхожу все ближе и мой живой интерес начинает возбуждаться. Медленно подойдя на расстояние около двадцати метров, я узнаю ее. Я быстро и максимально тихо преодолеваю оставшиеся метры и подойдя сзади, закрывая ладонями ее глаза, вопрошаю:

— Угадай, кто!

Девушка сперва резко хватается за мои руки, пытаюсь сорвать их с себя, но узнав голос, сразу же поворачивается ко мне с улыбкой:

— Ты... ты как здесь оказался?

— Да так, тоже люблю погулять под Луной. Привет, Настя.

Настя живо встает, подходит ко мне, приобнимает и целует в щеку:

— Уу... а я так сперва опешила. Ты тоже даешь, гад, так испугал меня... — при этих словах Настя, отстраняясь, шлепает меня ладонью по плечу. — Но все-таки я очень рада, что мы вот так увиделись. Мне так захотелось рассвет встретить. Сегодня весь день и всю ночь готовилась к экзамену, а вот теперь не выдержала и меня потянуло сюда, и вот... Мы встретились...

— Хм... да... Чему быть, того не миновать. — Слегка с иронией отвечаю я ей.

Мы с Настей идем по бульвару, она мне рассказывает про свою учебу, про сессию, про свои какие-то бытовые интересные случаи и житейские истории, которые как им свойственно любят приключаться в нашей и без того нескучной жизни. Я иду, молча улыбаясь, и внимательно слежу за ее рассказом, спрашивая какие-то незатейливые вопросы, исключительно для поддержания разговора. А она, активно жестикулируя, пытается меня во все посвятить с такой точностью, присущей только девушкам. И все это время у меня в голове крутится один

вопрос, один единственный, который, пожалуй, и стоит того, чтобы его задать: «Девушка, где Вы были всю мою жизнь?»

Мимо нас изредка проезжают одинокие, спешащие по своим делам автомобили, и мы, к удивлению, не встречаем никого больше. Мы садимся прямо возле Чистого пруда, я подкладываю под нас свой пиджак и откидываюсь на траву. Настя в это время заканчивает описывать свой сегодняшний день. Тут она моментально ни с того ни с сего спрашивает:

— Слушай, скажи, а почему ты тогда ушел, только честно?

Я, привыкший к ее мягкому расслабляющему тону, немного напрягаюсь, но не в силах больше врать, отвечаю:

— Понимаешь Насть, в моей жизни за все это время произошло столько всего, всяких разных вещей, которыми я не хочу испортить твою жизнь. Ты ведь слишком идеальная, и да, не смейся, для такого как я.

— О да, я идеальная, — ухахатывается Настя, но, наблюдая за мной, вскоре прекращает. — И что же у тебя случилось, что ты вдруг боишься меня испортить?

— Очень много всего такого, чем я не хочу омрачать это мгновение. Нет, ты не подумай, не то чтобы я не хочу с тобой этим делиться, просто я пока не готов это сделать. Пойми меня, я тебя очень прошу.

Настя, как я и ожидаю, понимает всю серьезность произнесенных мною слов, и поэтому даже не пытается выпытать у меня этого.

— Хорошо, я не буду спрашивать, если ты не готов отвечать, — она берет меня за руку и ложится, кладя голову мне на грудь. Мне становится еще теплее в эту почти летнюю ночь. — Тогда теперь я тебя очень прошу, расскажи мне, пожалуйста, что-нибудь хорошее и доброе, что у тебя произошло, я почему-то уверена, что такое тоже

обязательно есть в твоей жизни.

И я, стараясь наскрести со своих дней по нитке чего-нибудь хорошего, пытаюсь сплести из них плед, которым бы мы смогли сейчас укрыться... Я рассказываю ей про свое детство, про свои счастливые юношеские дни, про те немногие мгновения счастья, когда я делал действительно что-то стоящее, и у меня, к моему удивлению, рядом с ней получается вспоминать это самое хорошее...

Солнце уже озарило небосвод, и залитые этим чистым светом верхушки деревьев покачиваются в знак своего одобрения к моим словам. По пруду несутся еле заметные волны, навеянные легким весенним ветерком, а спящие аллеи продолжают прозябать в своем постылом одиночестве.

Я рассказываю очень долго и медленно и постепенно чувствую, как Настя мирно и тихо спит, приютившись на моей груди. Мне не хочется ее будить даже для того, чтобы сообщить ей, что в моей жизни стало одним счастливым моментом больше.

Через какое-то время я провожаю Настю до подъезда, на крыше которого я узнал, как здорово встречать закат, чмокаю ее заспанную на прощанье в щечку, желаю спокойной ночи и направляюсь к метро.

* * *

Повсюду снуют одинокие клабберы, где-то у входов в заведения кучкуются толпы побольше. Знаете, такие дешевые полуподпольные заведения, не клубы и даже не диско-бары, где раньше проходили транспати, а какие-то хипстерские подростковые наркопритоны, где вестибюль (если он есть) воняет дешевым пойлом вперемешку с запахом пота, отовсюду долбит какая-то трансуха, а твои ноги постоянно прилипают к полу, который везде залит какой-то блевотиной.

Перед входом у одного из них где-то в подворотне столпилась небольшая толпа чикс. Дамы имеют свойство становиться до неузнаваемости идентичными, когда что-нибудь примут на грудь, особенно когда примут немало. Хотя я всегда считал, что это как-то связано с их базовой комплектацией. Эти дамы что-то не скрывая обсуждают и вместе орут песню одного из современных слашавых певунов, что-то очень похожее на «Розовое вино».

Рядом стоит одинокий паренек и так же, как и я поглядывает на часы: видимо, кого-то ждет. Похоже на то, что ему сегодня не очень повезло в заведении. Я подхожу к нему и прошу закурить, он начинает доставать пачку из заднего кармана. Я не настроен на диалог, пытаюсь уйти от этого и думать о другом, но паренек походу как раз наоборот:

— Что, тоже с клуба? — начинает он. — Я тебя тут не помню.

Говорит он весьма искренне и с необоснованной добротой, которая ему, очевидно, свойственна в такие моменты и которая буквально спасает его от моего грубого ответа.

— Нет, — Сухо отвечаю я. — Не сегодня.

— Витя, — тут же выпаливает он и протягивает руку. — Я с Москвы, местный, родился в центре, живу за МКАДом.

Его настойчивая откровенность в диалоге и манера выражаться моментально рассказывают о нем все. Во-первых, он ведет себя аккуратно нанюхавшийся каких-то СПИДов в туалетах. Во-вторых, ну какой он к черту москвич? Такой же, похоже, как и 90% «москвичей». Очевидно, что парнишка с акцентом, «со» своей малой родины, «с» под города какого-нибудь. И в-третьих, провалив все шансы провести эту ночь в чужих, но, по крайней мере, теплых объятьях, ему край хочется с кем-нибудь просто на просто попиздеть, и потому, видимо, идентифициро-

вав во мне своего, он пристаёт с этим. Такие представления о нем сразу же создают общий фон беседы, но поскольку я нахожусь сейчас в полном раздрае, я все же протягиваю ему руку и тоже здороваюсь.

— Рад познакомиться, — продолжает он. — А ты откуда? Тоже с Москвы?

— К сожалению, да, — отвечаю я, облакачиваясь на стену. — Слушай, а у тебя всегда такая недостача общения, или только по утрам?

— Да... это... — начинает он переминаясь с ноги на ногу, — Не задалась сегодня ночка. Бабье все отшило, сучки. Половина строят из себя недотрог, знаешь, типа «я не такая, жду трамвая», а потом уезжают с тем, кто подо- роже проставил. Ну их на хуй всех, туда им и дорога...

Тут мой собеседник переводит взгляд на тусящую кучку девчонок и с чувством обездоленности вздыхает.

— Ааа... — говорю я, удовлетворенно подтвердив свои догадки. — Ну, это известная история.

И тут он, этот Витька, Витек, мать его, начинает уходить совсем в другую степь небытовых тем, его прорывает на откровенность:

— Знаешь, вообще меня так все достало. Я закончил второй Мед, а зарабатываю копьё, живу в какой-то заднице...

И тут он начинает мне рассказывать про то, как ему не повезло в жизни, как мир не справедлив, какая херовая у него работа за копейки, какой плохой у него начальник, что условия жизни никуда не годны, что он вообще обездоленный и недополучивший в жизни причитающегося. Под конец он говорит нечто вроде «если бы возникла возможность уехать отсюда куда-нибудь, я б с радостью. Но возможностей пока нет и перспективы не радужные».

Я всегда недолюбливал людей, которые исключительно жалуются на жизнь, но сложившаяся ситуация и его последняя фраза меня выносят напрочь, и я не сдержива-

юсь:

— Знаешь что, Витёк, вот смотрю я на тебя и начинаю понимать, отчего у нас все так херово было, есть и, надеюсь, не будет. Знаешь почему? А все потому, Витя, потому самому, что преобладают у нас в стране такие вот как ты. Люди, которые сперва учатся в школе жрать водку без закуси и курить на переменах в туалетах, в шарагах, если поступят, телочек разводить и на предмет хуи класть, а после в свои бесплодные двадцать с лишним лет, проебав в клубах все шансы, стоят упоротые под утро, ожидая открытия метро, и доебываются со своими неведальми жалобами к другим. Сказать тебе, почему ты в заднице? Потому что ты, Витя, сам туда залез! Работаешь ты там, куда устроился, зарабатываешь ты именно столько, сколько заслуживаешь, условия, Витя, негодны тогда, когда ты подыхаешь, начальник относится к тебе именно так, как ты сам к себе относишься, а термин «обездоленный» применим только к осиротевшим детям войны, но никак ни к тебе, Витя! А ты, Витя, не обездоленный, а просто охуевший от того, что тебе так дохера дано, а ты перманентно въебываешь все шансы. Да, Витя, это так. Мне жаль тебя за то, что ты хочешь забыть свои корни и место, откуда ты родом. Ну, раз хочешь уехать, так уезжай побыстрее! Все вы уезжайте! Без вас станет намного лучше. Быть может действительно хорошо там, где нас нет, только вот космополитизм так не работает, Витя. Ты бы сперва сделал хотя бы немного сам лично для нашей истории, как делают те немногие другие. Вот до тех пор, пока будем клеймить все вокруг и обоссывать каждый чужие подъезды, до тех пор и будем жить в дерьме! А, Вить? Понял? Не?

Меня резко отпускает, и я чувствую легкое судорожное облегчение от того, что выговорился. Я и не думал, что меня так переклинит и я все это выпалю. Но пока я заканчивал свою тираду, за спиной у Вити выросло еще

несколько тел, современный молодняк пидорковатой наружности, в куртках и закатанных штанах. Увидел я это только тогда, когда Витя, побледнев, отшатнулся назад:

— Чувак... ты просто... ебанутый... сука!

Тут Витя толкает меня в грудь, я чувствую, как кто-то взял меня за одежду и мне прилетело в лицо. Я пытаюсь как-то отмахнуться. Дальше чувствую удар по голове сзади и отключаюсь.

* * *

Я открываю глаза и оглядываюсь. Я валяюсь где-то на траве. Уже посветлело. У меня раскалывается голова. Я делаю попытку подняться, но тут же опрокидываюсь назад. Все тело ноет от боли. Похоже, эти твари вырубili меня и отпинали ногами везде, где только можно было.

Я как-то умудряюсь сгруппироваться и, облокотившись на левый бок, поднимаюсь. Тело повсеместно начинает гудеть от прилива крови, а голова истошно ощущает биение сердца. Я стою покачиваясь, кругом ни души, ни девушек, ни этих уродов. У меня начинает что-то капать из носа и утерев его ладонью я понимаю, что это кровь, теплая, алая, затопившая все что ниже носа. Я достаю салфетку из заднего кармана и прислоняю к лицу.

Как было бы здорово, если в момент всей этой хандры, духовной пустоты и изнеможения можно было просто шелкнуть пальцами и стать другим, свежим, полным сил и стремления, захотеть по-настоящему жить, а не прикидываться гордым и непоколебимым, валяясь на полу, захлебываясь литрами собственной желчи и безнравственности, отрыгивая тонны противоречий, заполнивших тебя к твоим двадцати, с небольшим, годам.

Медленно покачиваясь и хромая, я достигаю входа в метро. Захожу, падаю на сиденье в пустом вагоне и делаю

минимальное количество пересадок доезжаю до дома. Редкие, заходящие в мой вагон люди обескураженно наблюдают за мной в стороне, а я тем временем, пребывая в безразличии, следую по своему пути. Выйдя на своей станции, я встаю на эскалатор, настолько длинный, что мне на мгновение даже кажется, будто он везет меня наверх к воротам последнего пристанища.

Как я дошел до всего этого? Неужели ради этого всего стоит вообще жить?! А ради чего тогда? Ради моря приятелей, которых все почему-то называют друзьями? Ради толп тёлков, которые пытаются привлечь твое внимание? Ради того, чтобы видеть, как твой единственный друг погибает от неизлечимой болезни? Ради того, чтобы жить и наблюдать, как целое поколение старчивается, спивается, скуривается и деградирует, а мир при всем этом несется в тартарары? А ты всего лишь его часть и бессилён что-либо исправить. Ты поражен этой эпидемией, в тебя уже загнан вирус, и единственное, что ты можешь сделать в своей жизни, это просто-напросто отказаться от, пусть даже недолгого, но счастья с девушкой, которая как ангел появилась в твоей жизни. И ты должен своими же руками отпустить его, отдать этот последний островок надежды, единственное, что еще может тебя спасти в этом гигантском озлобленном городе.

Я смотрю вниз на эскалаторное полотно, затем поднимаю глаза и вижу, как передо мной едет маленькая девочка. Мать стоит на ступень выше, и с закрытыми от усталости глазами, держит одной рукой ручку дочери. Девочка выглядит ничуть не уставшей, невозмутимой, и наблюдая за ней я понимаю, что она все это время молча изучала меня с беспечным лицом.

Пока я все это осмысляю, вынырнув на миг из омута своих страстей, девочка протягивает свою свободную руку к моей, берет ее и мягкими движениями покачивает,

словно успокаивает и жалеет меня.

Пазл собрался: я, эскалатор, девочка, момент. Из моих глаз вдруг водопадом начинают струиться слезы, видимо так долго удерживаемые внутри. Я просто-напросто рыдаю, шмыгая носом и всхлипывая как последняя шлюха, но не от боли или чего-то еще, из-за чего мальчикам нельзя плакать. Я не могу унять досады, досады, что так напрочь все проебано, и никому уже не стать прежним. Досада, сука! Чтоб тебя!

Утирая рукавом лицо, чтобы не показать своей секундной слабости никому, кроме этой девочки, я сквозь слезы улыбаюсь ей и срываюсь с места. Я начинаю с остервенением бежать вверх по ступеням. Моментально вскарабкавшись по ним, я выбегаю из метро и бегу куда глаза глядят. Я бегу, не думая ни о чем, бегу все быстрее и быстрее, в надежде убежать от себя, от этого дня, от чего угодно. Быть может, все станет лучше когда-нибудь.

Начало

Да и к чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец каждого? Что из того, если какой-нибудь торгош или чиновник проживет лишних пять, десять лет? Если же видеть цель медицины в том, что лекарства облегчают страдания, то невольно напрашивается вопрос: зачем их облегчать? Во-первых, говорят, что страдания ведут человека к совершенству, и, во-вторых, если человечество в самом деле научится облегчать свои страдания пилюлями и каплями, то оно совершенно забросит религию и философию, в которых до сих пор находило не только защиту от всяких бед, но даже счастье. Пушкин перед смертью испытывал страшные мучения, бедняжка Гейне несколько лет лежал в параличе; почему же не поболеть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матрене Савишне, жизнь которых бессодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амёбы, если бы не страдания?

(с) Чехов А. П. «Палата №6»

Я валяюсь на своей кровати дома, не переодев ничего, только скинув кроссовки, и смотрю в потолок. Свет я даже не включал, мне помогают ориентироваться в пространстве фонари, откидывающие свои лучи в мое окно, и проезжающие мимо автомобили, отбрасывающие блики от фар.

Я лежу так уже черт знает сколько времени и ни о чем не думаю. Я перестал существовать. Хочется, чтобы все наконец-таки закончилось, дураки нашли свое счастье, политики нашли свою совесть, мир нашел свое продолжение, Настя нашла себе парня, которого она заслуживает, а жизнь нашла свое окончание. Как же все меня забало! Абсолютно все! От никчемных показных тусовок, до бесцельной безрезультативной учебы. Я так старался быть самим собой, что превратился в карикатуру на самого себя. Возможно, стоит быть кем-то другим. Меня гнетет каждый фрагмент моего сознательного прошлого, особенно когда я завел свое знакомство со всякими психотропными и табачными изделиями. Хотел найти вокруг больше смысла, а нашел сплошное разочарование.

Понимая, что так я, дитя рефлексии, могу дойти до суицидальных крайностей, я каким-то чудом соскребаю себя с постели и ковыляю в ванную, по пути останавливаясь у большого зеркала в холле. Меня конкретно одолевает чувство бескрайнего и безнадежного уныния, которое разбавляется в моей груди чувством безмерного бессилия и апатии. Я смотрю на себя в зеркало и качественно охуеваю. Боже, какая же твоя жизнь пустая, кастрированная, скудная и лишенная всякого смысла! В кого ты превратился? Кем ты стал?

Из зеркала на меня смотрит маргинального вида чудовище. Бровь подбита, нос разбит, от него вниз растёкся засохший ручей крови, губы тоже все разбиты и раскрашены красным цветом, словно я гламурная телка, которую пустили по кругу. Волосы на голове торчат в разные

стороны, на небритых щеках видны царапины. Слегка мешковатый серый балахон сверху у шеи надорван и заляпан кровью, коленки на джинсах тоже содраны, да и в целом видно, что вряд ли я вернулся с концерта классической музыки. Да уж, хорошо, что меня не видит сейчас Настя, она бы не поняла... С таким видом мне в пору идти по вокзалам шляться и просить мелочь в метро с табличкой «Умоляю помогите собрать деньги на билет домой, меня обокрали». Там бы я точно стал успешным. Я нелепо улыбаюсь, при этом все лицо начинает больно ныть. Фак!

Надо бы привести себя в порядок. Я скидываю с себя все шмотье в угол. Врубаю горячую воду в ванной, выливаю полтюбика пенящегося раствора и разваливаюсь внутри ванны. Меня постепенно расслабляет звук льющейся воды, а затем тепло, которое постепенно разливается по всему телу, залечивая любые раны.

Мне сразу же вспоминается тот момент наедине с Настей, когда мы просто делились друг с другом всеми своими искренними эмоциями, которые нельзя было подделать. И я почему-то уверен в том, что если я был тогда честен с ней, то и она без сомнений тоже была бы честна со мной. Я сразу представляю ее ясное лицо на фоне голубого неба и меня отпускает, словно в меня вкололи морфий, и ничто больше не болит. Все только живет и радуется, а она мне в этот момент дарит улыбку, которая ярче всего солнечного света. А теперь все кончилось.

Я закрываю глаза. Тут же алые лучи рассвета меняются на беспросветные хмурые серые тучи вечно грязной, вечно запыленной и вечно унылой Москвы под проливным дождем. Миллионы людей, топчущие брусчатку изо дня в день, не ставящие под сомнение то, что есть жизнь после смерти, утешенные фразой «может быть и хуже», согласные на все, что им дают хавать. А если разобраться?

Большую часть населения уже и не назовешь никак, разве что «населением». Они бездарно доживают свой век на приватизированных квартирах в центре, считая, что уж они-то заслужили хотя бы какое-то время пожить спокойно. Или же старички помоложе, которые проводят на даче все свое время, созидавая только пробки на всех шоссе Москвы. За ними следуют разбушевавшиеся коммерсанты, растерявшие все свои активы и толпы хипстеров с концами потерявшего себя в слепом следовании за брендами. Какими — неважно, они все просто в момент стали запрограммированными зомби нашего времени, потерявшими свое имя в названиях брендов. Эти модные пацанчики с района, думающие, что смысл жизни — это праздно кутить время, не замечая ничего дальше бирки поло. Принципы стали статусами, компании друзей заменились социальными сетями, а интересы людей превратились в подписку на паблики, визуализирующие их мечты, желания и цели, похороненные где-то в подсознании.

И меня не покидает мысль — почему все так вышло? Как так случилось, что человек на определенном этапе развития просто ушел вверх по лестнице, ведущей вниз? И почти сразу ко мне приходит ответ, а точнее, он нагло врывается в мое сознание, как врывается порой ледяной зимний воздух в уютный теплый дом. Нас просто не научили жить. Жить ведь надо уметь, а умение приходит с опытом. Но вот чтобы жить правильно, нужно, чтобы этот опыт тебе помогали приобретать, так сказать, направляли в нужное русло. А так выходит что? Кто в лес, кто по дрова, каждый дробит, как он хочет. Каждый знает, как нужно, и никто не хочет с этим мириться, больно умными мы стали. Заняли первое место как страна по разводам, и почему? Не оттого ли, что ужранная, бесконечно колхозная блядь в кухонном пиздеже непомерно хуесосит своего пьяненького размазню-алкаша, которому

нечего сказать, то ли от отсутствия яиц, то ли от его похуизма? Нет правды, есть только результаты — так и живем. Блядь, геном, останови эволюцию!

По ходу рассуждений я вспоминаю Вику и с прискорбьем понимаю, что мое сердце уже не щемит так как раньше от этого. Нет, я ее безусловно помню, и мне даже сильно неприятно думать обо всем случившемся, поэтому я пытаюсь прогнать это все из своей головы. Но это уже все-таки не то... Что-то изменилось, я уже не тот...

Знаете то самое ощущение, когда тебя бросают, когда ты просто не нужен? Шаркаешь ногами по тротуару, уставившись куда-то. Ты не знаешь, куда ты идешь, все твои грезы, желания испарились. Ты просто перестал быть тем, кем ты был. Вот был мальчик Вася, который мечтал об определенных обстоятельствах, при которых его жизнь будет проистекать. Скажем, это как в старой притче про дом, дерево и сына. Вот у человека получилось построить такой охеренный дом, прям на славу. А он в итоге херак, и развалился. И сразу же возникают сомнения, а может быть все это ложь? Может, ну его нафиг этот дом, дерево и сына? Вот так посадишь дерево, а оно не приживется, родишь сына, а он и подохнет. Кто вообще дает какие-то гарантии относительно жизненных постулатов?

* * *

Я смотрю вдаль со своего балкона, зажав в зубах сигарету, в моей голове рождаются строчки, мне хочется сказать этому миру, который стал мне убежищем, все, что я о нем думаю, все, что у меня накопилось за эти годы. Я сажусь за компьютер, открываю свеженький документ Word и на мониторе медленными буквами появляется следующее обращение к моему родному городу:

«От лица всего поколения Y, поколения безродного хипстера, родившегося в 90-х, проигравшего свою вой-

ну, даже не начав ее.

Спасибо тебе, Москва 21-го века... город одиноких людей... ты изменила меня.

Спасибо, что поработила меня, оставив навеки прикованным у монитора поглощать контент в душных стенах многоэтажных новостроек.

Спасибо, что убила во мне всякое желание совершенствоваться, показав насколько успешен может быть какой-нибудь блогер из Ютуба, который для своего успеха только завел канал и включил GoPro.

Спасибо, что растлила меня, наводнив рунет морем порнухи, а свои улицы морем продажных девиц, на которых мне никогда не хватит денег.

Спасибо, что убила дружбу, создав аккаунты в соцсетях, оставив дворы и спортивные площадки пустыми от людей, бросившихся прожигать свои жизни в погоне за твоим далеко не размеренным темпом, пытаюсь в пьяном угаре успеть умереть молодыми.

Спасибо, что измождала меня, безапелляционно предложив вместо чистого деревенского воздуха вдыхать автомобильные газы и стимуляторы.

Спасибо, что не дала мне никакой морали и духовных ценностей, продемонстрировав во всех вокруг, какой жизнь может быть бесцельной, мечты пустыми, а поступки бессмысленными.

Спасибо, что хочешь лишить меня даже семьи, отнимая у них с каждым днем все больше времени, которое они могли бы еще счастливо прожить где-нибудь, если бы не ты.

Люблю тебя, Москва».

И все это понимание, все это осознание момента и сути, происходящих вокруг процессов, становится абсолютно пустым и бессмысленным, когда ты не можешь натурально порадоваться жизни.

Тут комната заполняется гудками моего сотового теле-

фона, и я, придя в себя, дотягиваюсь до него и поднимаю трубку:

— Алло.

— Алло, привет. Это мама Лёши, тетя Лена. Мне нужно сообщить тебе одну вещь... В общем, я должна сказать тебе... что этой ночью... Лёша... он... он скончался...

Первые мгновения я пытаюсь осознать все это.

Как?! В смысле не стало?! Он был и его не стало?! И это все происходит со мной?!

Внезапно, видимо, когда мозг догружает эту информацию на сервер, меня вдруг охватывает такой панический страх, который сковывает тебя намертво, а внутри все твое биологическое естество леденеет, и кажется даже, что ты дышишь паром из-за этого. Это чувство просто обрушивается на тебя, ломая всего, косточка за косточкой.

Как же мне плохо! Первое, что я делаю, машинальной походкой иду на кухню, уткнувшись в точку перед собой, достаю стакан, наливаю в него прилично какого-то коньяка и залпом выпиваю. Странно, горло даже не горит как обычно, хотя я выпил его как стакан воды.

Я сажусь на кафельный пол, облакачиваюсь на стенку и начинаю пытаться думать о чем-нибудь другом. Но в голову не приходит ничего, что бы увлекло мое сознание больше того, что я только что узнал. «Так, друзья, нет, что-то не то, девушки, ммм, неее... Не вариант... Настя» на мгновение, мое сознание отвлекается, представляя ее образ. «Нет! Снова нет, не то»

Я пытаюсь взять контроль над разумом, но он упорно продолжает оставлять меня в этом оцепенении.

Я встаю, выпиваю еще полстакана коньяка и иду в ванную. Зайдя, врубаю на всю мощность воду, скидываю одежду и окатываю себя ледяной водой. Это порядком приводит меня в адекватное сознание. Я закрываю сток пробкой и сижу так какое-то количество времени

под душем.

Мои зубы уже начинают стучать от холода, и внутри все немножко угасает, как под обезболивающим. Слегка отойдя от всего этого, я включаю уже теплую воду, и набираю первый пришедший мне в голову телефон.

— Алло, чувак, ты знаешь который сейчас час? — Звучит в трубке заспанный голос Никиты.

— Да, я знаю, братан, извини, просто мне сейчас очень нужно с кем-нибудь пообщаться. Мне так плохо, ты не представляешь.

— Представляю. Слушай, скажу тебе откровенно, меня задолбали твои эти выходки. Ты звонишь по ночам, ты вечно исполняешь какую-то херню, рассказываешь мне про Ладу. Знаешь, я уже понял, что ты хочешь ее увести у меня. Я понял, не дурак. Ты мне постоянно твердишь, что она меня не достойна, а сам при этом шляешься за ней, оказываешь ей какие-то знаки внимания, она смеется над твоими идиотскими шуточками. Да, мне Лера все рассказала. Про то, как ты ей в клубе рассказывал, какой я мудака и как замутишь с Ладой, когда она меня бросит. Короче я устал от этого. Знаешь что, иди-ка ты нахуй, дружище. Не звони мне больше.

— Но, Никит, подожди... — отвечаю я, обескураженный таким поворотом, и слышу повторяющиеся гудки повешенной трубки.

От безысходности я набираю Матвею.

— Алло, братан! — громким расслабленным голосом, произносит Матвей. Слышно, что он где-то в клубе, фоном по связи прорезаются помехами какие-то басы и биты. — Как сам?

— Привет, Матвей. Слушай, мне сейчас так херово, давай пересечемся...

— Да, я ща тут с двумя классными девчонками, зовут Соня и Люда...

— Да, это очень круто, Матвей, но мне прям край...

— Слушай, мы сейчас поедem уже к ним, давай я тебе наберу утром, очень плохо слышно. Бывай, старичок.

Он бросает трубку. Я оказываюсь в еще более ужасном состоянии, чем до звонков, наедине с самим собой.

Происходит какой-то полный трешак!

Я пытаюсь дозвониться Ване, последний оплот моего спасения.

Слышу протяжные гудки. Гудок, за ним еще гудок.

— Давай, Ваня, Ванёчек, Ванечка, ну, подними же трубку, умоляю. Ты мне сейчас так нужен.

Но гудок идет за гудком, а Ваня не поднимает трубку. Потом девушка милым записанным голоском сообщает: «Извините, в настоящее время абонент не может ответить на ваш звонок. Оставьте сообщение после сигнала»

Я отключаю трубку и бросаю ее на пол. Какое-то время переживаю. Не может же быть все так плохо! Где мои друзья, когда они так нужны?! Я пытаюсь дозвониться еще несколько раз, но абонент не отзывается.

Понимая, что я не могу сидеть дома в таком состоянии, я быстро накидываю на себя вещи и захлопываю за собой дверь.

* * *

Я выхожу из метро на станции Третьяковская, медленным шагом бреду сперва по Ордынскому тупику, потом по Лаврушинскому переулку, затем по набережной, доходя до моста, поднимаюсь по ступенькам и иду по Патриаршему мосту туда, где высота над водой максимальная.

Всю дорогу меня преследует какое-то чувство обреченности, но без тоски и грусти, а голова при этом занимается банальным мирозерцанием. Я как тень медленно плыву по этому пространству. Людей на улице нет, хотя метро уже заработало, солнце лишь слегка показалось из-за горизонта и затопило непроглядный мрак сво-

ей оранжевой дымкой.

Дойдя до пункта назначения, я останавливаюсь на мосту, бросая свой взор в сторону Кремля. Я берушь руками за перила.

«Ты ведь помнишь, как пообещал себе когда-то, что бы ни случилось у тебя в жизни, ты ни за что не сдашься, будешь бороться до последнего и никогда не опустишь руки. Помнишь? Конечно же, ты помнишь, такие глупые идеалистические порывы просто так не забываются. Но, а все-таки... вдруг ты все же помнишь иное. Да нет, действительно, ты помнишь еще кое-что, как спустя годы понял, насколько бессмысленно от чего-то зарекаться в этом мире, что в жизни может случиться все что угодно и это выбьет последний костыль из-под тебя, что, если ты сам не сдашься, ну так кто-нибудь рядом сдастся, и тебя сдаст с потрохами. Что руки абсолютное большинство людей никогда не опустят, просто потому что так и не научились их поднимать. А бороться до последнего, ну так это, пожалуй, единственное, что ты честно выполнил из своего обещания, и вот оно, то самое последнее... Перед тобой, на высоте двадцати метров, последнее испытание, которое тебе в очередной раз придется проиграть»

Меня по какой-то причине начинает трясти от злости, вызванной внутренней беспомощностью и всепоглощающей пустотой. Я достаю из кармана мобильник и, размахнувшись со всей силы, швыряю его в воду. Затем облокачиваюсь на перила руками, смотрю, как он быстро падает, растворяясь под конец в воде, потревожив гладь. Интересно, а долгим ли будет здесь ощущение свободного падения? Я закрываю глаза и вешаю голову.

Не знаю, что происходит снаружи, но в моем сознании внезапно всплывает все мое прошлое, да еще так ярко, будто бы я его проживаю заново. Вот я лежу в постели с Олей на посвяте, мы одни в гостиничной комнате,

рассчитанной на четверых, уже начинает светать, а я не хочу ее отпускать и поэтому еще сильнее прижимаю к себе, ведь она подарила мне этой ночью столько тепла; а вот я покупаю у Темыча, районного барыги и одноклассника по совместительству, свой первый коробок шелухи, мы специально заходим в какую-то подворотню за кусты, чтоб нас никто не спалил, но мне почему-то весело от этого; а теперь я снимаю свои первые реально заработанные на ставках деньги в банкомате, голубые бумажки хрустят, и хоть их немного, но я переполнен радостью от поднятых почти с нуля денег; тут я, сидя с Лехой, обдолбанный крепким галлюциногенным гашишем, не выдерживаю и иду быстрым шагом блевать в туалет, начиная уже по пути, попадая струей кому-то прям на поднос, а кому-то на стол (mmm... Макдональдс, вот что я люблю); здесь я трахаю Машу у себя дома сидя с прямой спиной на кровати, потому что у меня защемило спину и я не могу делать фрикции, но перманентно продолжаю матерясь про себя заниматься этим дальше; а тут я получаю свою первую золотую медаль за первое место на межвузовских соревнованиях по боксу среди юниоров, и я неопишимо гордый и счастливый, с разбитым носом и катящимся градом с меня потом, поднимаю свою руку, когда объявляют победителя; а здесь я впервые сосусь у кого-то в квартире с Юлькой Синельниковой, мы напились, я завел ее в свободную комнату, закрылся и теперь активно ошупываю ее задницу; вот я на крыше одного из зданий в центре, рядом с Москвой-рекой, встречаю рассвет, меня пригласили сюда знакомые и я стою и думаю, что нет в мире более бесподобных мест, чем это; тут я праздную свой выпускной, все что я съел за все время, была бутылка Jameson, я общаюсь со своей бывшей и по итогу понимаю, насколько все-таки я дебил, а она принцесса, но все уже неисправимо; здесь я где-то на факультете, вышел из поточки во время пары и уже

минут двадцать общаюсь по телефону с Настей по поводу какого-то проекта, мы уже вроде все выяснили, но мы только недавно познакомились и нам так приятно и весело вместе общаться, что ничто на свете не может остановить этот телефонный разговор; вот я стою где-то у входа какого-то зашарпанного клуба под утро с бодуна и нехотя выслушиваю монолог какой-то еле одетой профурсетки про то, как же все-таки несправедлив к ней ее парень, что не пускает ее ходить по клубам, но вот она-то знает, как всем будет лучше; а тут я обмениваюсь записками с Аллой на уроке математики, в нас уже ключом бьет весна, и мы находим более интересным перекидываться вырванными из тетради мелкими кривыми бумажками, полностью исписанными еще более кривым моим почерком; а теперь я дома, лежа на кровати на старом районе, уже четвертый час беседую ночью по телефону со своей одноклассницей, мы тихо говорим друг другу милые романтические фразы про любовь, отношения и детство, и мне до боли приятно говорить с ней сейчас об этом. Почему-то под занавес я вспоминаю свое раннее детство. Мне лет пять, мы с родителями приезжаем домой в квартиру, заходим внутрь. Зима, поэтому я весь разодетый, в джемпере, зимних штанах, в завязанной под подбородком шапочке, валюсь прямо на огромный ковер в холле. Со всех комнат с настезь распахнутыми дверьми бьют яркие оранжевые лучи заката. В руках я держу и рассматриваю маленького стеклянного ёжика, который отражает этот свет всеми цветами радуги. Я очень долго изучаю его, а потом улыбаюсь такой же радужной улыбкой. Я по-настоящему счастлив. И нет ни печали, ни тоски, ни религии, ни статусов, ни автомобилей и дорогих шмоток, ни телефонов, забытых сотнями ненужных контактов, ни либидо, ни женщин, ни государств, ни планеты, ничего. Есть только я и этот необъятный мир добра, я понимаю, что я очень люблю тех, кто его придумал. И как-то так тепло и хоро-

шо мне становится, что хочется, чтобы всем было так же.

После я уже ничего не помню, я чувствую лишь легкое дуновение ветерка и мне кажется, будто что-то в этом мире поменялось насовсем. Он уже другой. Маятник качнулся...

Оглавление

Москва 21	3
420	8
Fuckulty	20
Still loving you... ..	37
Сопли	45
Moscow never sleeps	55
Крыша мира	72
Аскорбинка	95
Пустота	104
Запасной аэродром	112
Девушка легкого поведения	127
Начало	141

Михаил Бурлаков

Москва-21

Редактор Наталья Абрамова
Дизайнер обложки Юлия Конюхова